

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЖЕНЩИНАМ О
ЖЕНЩИНАХ

И О ТОМ,
ЧТО С НИМИ
СВЯЗАННО

РУДОЛЬФ ПРИКС

18+

Рудольф Прикс

**ЖЕНЩИНАМ О ЖЕНЩИНАХ
И О ТОМ, ЧТО С НИМИ СВЯЗАНО**

Сборник рассказов

Российское издательство «Культура»
Санкт-Петербург
2010

**ББК 84(2Рос=Рус)6
П74**

*Российский Межрегиональный
союз писателей*

Книга публикуется в авторской редакции

Иллюстрации — *Павел Тиль*

Компьютерное оформление — *Д. Н. Кишин*

Электронный адрес для отзывов:
rudolf-priks@mail.ru

© Российское издательство «Культура»,
Санкт-Петербургское отделение, 2010
© Р. П. Прикс, рассказы, 2010
© Павел Тиль, иллюстрации, 2010
© Д. Н. Кишин, компьютерное
оформление, 2010

ISBN 978–5–8334–0237–5

ОТ АВТОРА

Жизнь подобна мозаичному панно, складывается из различных эпизодов. И вовсе не важно, подходит тебе та или иная жизненная ситуация, она твоя, и если ты найдёшь силы в своей женской слабости, то твой неподходящий эпизод, «сточив» острые, лишние грани, удачно ляжет на своё место.

В моих рассказах мне хотелось передать вам, моему читателю, короткими кадрами через повествования жизни героинь и героев всю сущность человеческих переживаний и эмоций. Будь то сила, беспомощность, радость, утрата, любовь, ревность... Насколько мне удалось выразить эти эмоции, решать вам.

В своей жизни я не шёл прямой дорожкой праведника, как и всякий мужчина, идеалом не был и не желал быть им. Но осознание женщины как существа божественного, первостепенного, несравнимого с ребром Адама в тесте всегда было для меня интригующе волшебным. Именно женщина способна к побуждению поступка. Только женщина может любить, порою перешагивая через саму себя, прощая и не прося ничего взамен за своё прощение. Разве данные благодетели не производная святости?

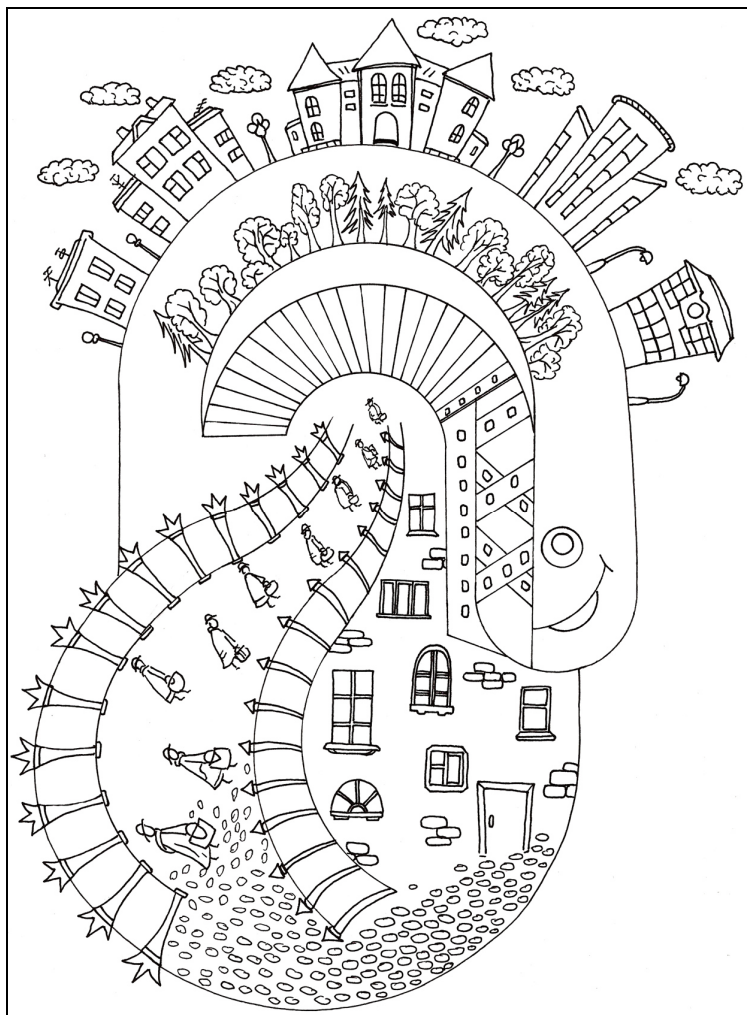
А почему это не ценимо мужчинами? — возможно, спросите вы. В некоторых своих рассказах я постарался высказать свою точку зрения.

Женщина — театр. Мужчина — зритель. Сила женщины в её природном обаянии и умении представлять жизненные постановки по собственным ситуативным сценариям, добиваясь важного для себя и своей семьи. Делая это, женщина не преследует меркантильных интересов, она бережёт священный очаг любви, согревающий близких ей людей. И данный неоценимый труд её самобытности зачастую воспринимается как должное.

Искренне желаю вам физических и духовных сил и вдохновения, дабы раскрыть в себе неповторимую индивидуальность, заложенную в вас природой, Всевышним и вашими предками. Не повторяйте никого. Не становитесь похожей на глянцевого идеала. Будьте просто женщиной с одним лишь желанием: не взирая на щербинки граней эпизодов судьбы, создать чудеснейшее панно, удачно складывающееся в вашу жизнь.

С верой в ваше будущее,

РАССКАЗЫ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАШИНА

Сколько мне лет? А насколько у вас хватит смелости, чтобы мне, женщине, задать этот краеугольный вопрос? По паспорту мне не больше десяти, а по внешнему виду — чуточку за тридцать. Хотя, если подтянуть мой буфер, подрихтовать зад, поменять оправу, обрамляющую мои яркие глазки и, в конце концов, отвезти в салон тюнинга, то я вновь засияю в лучах автострад.

Увы, стою на четвереньках, в излюбленной позе мужчин, в затёртой забрызганной обуви, на моё тело сыплется бисер небесной воды, тоска...

Единственно утешает то, что подо мною кому-то волшебю в эту грязную ночь. А, это я о кошачьих. О, как кот любит кошку, мастак! И среди них есть нехилые мужчины, способные вызывать в женщине такую мелодику звуков. Да, мужчина — настройщик, женщина — саксофон. Как он настроит, так та и сыграет. В моей жизни тоже были мужчины. Но мой первый...

Вспоминая его, я начинаю коротить от страсти. Однажды утром он решительно шагнул ко мне, смело, нагло. Я сверкала, жгла глаза другим мужеподобным, шуршащим дешёвой обувью и не отглаженной материей возле моего передка. Да, я была им не по карману, я слишком затратна и нестандартна для их примитивного вкуса. Вы только представьте. Вас, женщину, выбирают для того, чтобы перевозить на вас доски, ездить на рыбалку и совершать на вас шопинг. Стоило ли плыть по океану, рисковать своей бесценной жизнью для встречи с такой рутинной действительностью? Хм. А что этот наглец, подошедший ко мне? Ым-м, как он меня опытно завел, его правая рука — сильная, уверенная — обхватила мой рычажок удовольствия, ускоряющая моё сердцебиение, заставляющая меня следовать в едином целом с моим спутником. Он дирижёр, я исполнитель — послушный, страстный, безропотно выполняющий каждое его желание. Он взял меня. Я досталась ему девочкой и ни километра об этом не сожалею. О такой попке и руках мечтает каждая модель, прибывшая из-за океана.

Вечером, когда фонари у его большого дома теплом своего света погладили мою полированную светло-бежевую кожу и мы остановились, желая отдышаться от поглощения друг другом, он преподнёс мне романтический сюрприз — парфюм розового аромата.

Его высокая стройная фигура удалялась от меня, но мне всё ещё казалось, что он во мне. Я ощущала теплоту его тела, силу пальцев... О, как мне желалось, чтобы он вновь вошёл в меня, внутри я не остыла и была наполнена ощущением жажды движения.

— Привет, молодая, — стоящая в тени, звякнула визгливым голос динамика сигнализации.

— Это вы мне? — фыркнула я.

— Тебе, дорогуша. Я с грузовиками не разговариваю.

— Вы мне честь оказали, что заговорили со мною, польщена, — оглядев высокую и полную визгунью снизу вверх, с пафосом ответила я, сверкнув на неё глазами.

— Тебя как зовут, красавица? Меня Надя Шевроле.

Я не стала ничего отвечать. Однако она, нудливо повизгивая, начала повествовать:

— Много думаешь о себе, а всё потому, что жизни вовсе не видела. Вот твой блондинистый красавчик похолит тебя месячишко, ну два, свозит в мойку и качественным напитком угостит, маслом нежным попотчует, а потом... В итоге будешь по ухабам пыль глотать и в грязи купаться. Все они вначале галантные кавалеры, ухажёры, джентльмены, а потом — жёсткие эксплуататоры. Вот мой, к примеру, надышаться на меня не мог. А теперь жирозажевалово устраивает, засалил все мои ручки. Вчера сигаретой мне кожу прожёт, а неделю назад поставил мне на теле два синяка, хорошо, что сзади. Так что ты особо не ободряйся, поняла?

Я не выдержала её визгливых речей и коротко, но громко ответила:

— Слышь, ты чё наехала? Заткнись, а то я с ручника снята, сейчас катнусь, и на твоём передке ещё дополнительный синячина образуется!

После моих слов наступила тишина, и я заснула в воспоминаниях о нём, с нетерпением ожидая нового свидания.

Моего мужчину я прождала всё утро, весь день. Он появился ближе к вечеру. Блестящий, золотистый, чистый и уверенный. Я вновь в его руках, он во мне, мы снова воссоединились в ритме движения вперёд.

Он остановил меня и, выйдя, вернулся с охапкой разноцветной флоры.

Ах, автомобильный Боже! О таком мечтает каждая модель! Я ликовала, мои глаза горели так ярко, что казалось: город уто-

нет в лучистых потоках света — света моего восхищения и любви к моему повелителю.

Когтистая, кудрявая, курящая, дурно одетая двуногая нахально бросила свой зад на моё кресло.

— Привет, красавчик, это мне? — через букву жуя жевательную резинку, почмокала она цветочному букету.

— Хватит ёрничать, кретинка. Сейчас смотаем в клуб, передашь цветы администратору.

— Ага, заряженный букетик. И сколько дозиков там заложено?

— Посчитай бутоны и, смотри, если хоть один из них пропадёт, я тебя щадить не буду, — резко произнёс мой руководитель.

— Не гундось, Щёголь. Я, помница, отработала эту дозу за двоих, так что не тыкай мне прошлым.

Я вздрогнула, и мы сорвались с места, рассекая в пыль минуты, метры наших жизней.

Остановились возле яркого здания. Электричество бурно торжествовало переливами потоков света, брызгая искры в ночь. Он посмотрел на неё с презрением, затем на букет и глухо произнёс:

— Иди же, конверт получишь у входа от Люрика.

— Би-ля-ля. Опять это паскудное ёб-лицо созерцать, — проворчала она, выбираясь из меня, задевая своими длинными ногтями мою обшивку.

Ну, наконец-то, мы с тобою наедине. Мой милый нервничает. Барабанит своими пальцами по моему телу. Я вижу в отражении зеркала, как он кусает свою нижнюю губу и периодически поправляет чёрный галстук, обрамлённый белоснежным воротничка.

Ну, успокойся, спутник моей жизни, я с тобою. Я укуроу тебя своим телом, увезу от любой беды и печали. Любый мой.

Из стеклянных дверей шумного заведения вышла она, вихляя узкими бёдрами, быстро направляясь к нам. Он посмотрел на часы и, открыв меня, вышел, пытаясь понять, что она жеста-ми старается ему показать.

Внезапно я услышала сбоку злобный рёв чуждой утробы, затем пронзительный визг тормозов. На меня смотрела суровая стальная машина с хищно оскаленным блеском стальных зубьев. Из неё выпрыгнули трое в чёрном. Мой мужчина резко извлёк из-под пиджака железный угольник. Девушка с диким криком бросилась бежать. Меня оглушили два хлопка, стекло задребез-

жало. Затем ещё один, и я увидела, как мой любимый человек покрылся снаружи алым цветом, он качнулся и упал. В меня ворвался чёрный человек. Я взвыла от боли, зарычала от отчаяния, верзила цепко схватил меня. В отражении зеркала я видела, как девушку поймал другой чёрный человек и затолкал её в чрево зубастого лилового зверя.

Я очнулась в тёмном затхлом помещении, чувствуя, как болят клапаны в моём сердце. Лучше бы я погибла вместе с ним, с тем, с кем обрела жизнь.

Мои похитители не дали мне этой благородной возможности. Они обезобразили мой облик. Пилили, точили, резали, меняли цвет моей кожи, при этом мерзко браня моего создателя. Ругали и не краснели, зато краснела я под змеиное шипение пульверизаторов. Вандалы живого будто расстреливали меня, и я покрывалась тем же цветом, что и мой любимый мужчина.

После жестокого надругательства надо мной меня, невольницу, продали ему.

Что сказать вам о нём? Короткометражный рыхляк, укомплектованный передней подушкой безопасности. Вот такое стало моим кормильцем, хозяином, собственником.

Знаете, бывает, когда живёшь с человеком не из-за того, что любишь его, а потому, что он любит тебя. Это наш с Сеней случай. Заводил он меня? Да. Ломалась ли я при этом? Ну, вы понимаете. Да. Мне нравилось, когда мужчина подо мной. Чувствуешь доминацию, превосходство, власть... А он, бедненький, под тобой пыхтит, сопит, стонет. Правда я его долго не мучила. Чисто по-женски жалко было.

Ну, в самом деле, я у него не одна. Нужно было сохранить его силы и для иных желанных им. Случайных, попутных романов у Сени было немало.

Нет, я не ревновала, не любила я его.

И не краснела, и так на запределе колера, а он, не щадя живота своего, словно аплодируя им под звуки моей стереосистемы, работал, пусть на первой передаче, зато уверенно и стабильно. В остальном Сеня был Семёном Ильичом. Семьянин, успешный бизнесмен, спортсмен.

Более подробно? Извольте. Семьянин, то есть семенял по жизни с браком. Бизнесмен. Из золотых слёз людей, пролитых в ломбарде, он делал водопадики денежных потоков. Спортсмен.

Семён занимался теннисом, подразумевалось занятие, названное схожим словом, начинающимся с буквы «п», с удалением лишней буквы «н».

Возможно, этот человек был бы другим, если бы не алчность, жадность и скаредность его не лучшей половинки, это я о жене. Рядом с ней он превращался в ветошь для протирки порошков. Сеня терял всякую надежду на жизнь. Порою мне казалось, что он раздумывает, а стоит ли повернуть руль при прохождении поворота или оставить всё как есть, лишь сильнее вдавить в пол педаль газа.

Если бы секс заключал в себе основу разговора, его жена превзошла всех куртизанок мира. Во время разговора с Сени снимался наждаком упрёков первый слой настроя к жизни. Затем карзощёткой замечаний вычищалась поверхность Сениного достоинства, а после в Сенину личность втирался слой высокозернистого абразива из рассыпчатых насмешек.

И вот прекрасный день настал! Сеня сбежал, бросив всё. Мне было жаль расставаться с ним, но раздел имущества требовал моей продажи. Он вымыл меня всю до кончиков антенн, поцеловал в панель и уронил на мой руль слезу.

— Не страдай, Сеня. Я рада за тебя! Беги навстречу новой жизни своими коротенькими пухлыми ножками, ни о чём не сожалей. Триста лошадиных сил тебе для преодоления грязных рытвин прошлого.

Что было дальше? Никого не удивлю, если скажу, что после второго мужчины я пошла по рукам.

Извилистая дорога, на которую меня направили кривые ручонки сынули моего очередного хозяина, довела меня до реанимации. Мальчик был наполнен на пятьдесят процентов самоуверенностью, на остальные пятьдесят алкоголем. Спутал скоростное шоссе с берёзовой рощей, педаль тормоза с педалью газа, инспектора ГАИ с лесничим.

И вот стою я в раскоряку на эстакаде, с побитой физиономией, подо мной мужчины друг другу картами доказывают, кто из них козёл. Два козла и одна дура, вот и вся картина.

И всё же дурам везёт. Меня подобрали, пожалели. А что ещё надо? Принцы в моей ситуации давно за пределами технических возможностей. Мужчина простой, без изысков, надёжный, не тяжёлый ни характером, ни весом.

Я не ломалась, заводилась по первому требованию, с первого тычка.

Прошло время романтики. Теперь хотелось просто заботы, внимания и уверенности в завтрашнем дне.

Василий вполне удовлетворял моим простым требованиям.

Жили мы с ним душа в душу. И на рыбалку ездили, клёво. Пару раз из деревни картошку перевозили с яблоками. Особенно мне нравилось отправляться с ним за продуктами в супер-маркет, да и приятельница у меня там появилась, Клава Шкода. Пока он товар выбирает, я с ней поклаксоню.

Кто знал, что хозяйка этой Клавы через пару месяцев станет супругою моему Васеньке.

Я так радовалась за него, он ведь у меня такой положительный мужчина, хороший, заботливый, добрый, не пьющий, всегда поговорит со мною. Берёт меня, словно свою жену, которая была уже на девятом месяце беременности.

У Васеньки родилась двойня, он заслужил счастье вдвойне. Но двое детей и две машины на молодую семью всё же было затратно для сударыни по имени Счастье. И если из двух зол выбирают меньшее, то из двух машин для продажи выбирают самую затратную в обслуживании.

— Ну что, моя верная подруга, будем прощаться. Эх, жаль мне тебя продавать, но обещаю найти тебе хорошего хозяина, — вот что он мне сказал, и данное им мне слово обернулось делом.

Он продал меня хорошенькому хозяину со смазливym личиком. Я теперь не женщина подневольная, теперь меня ценят и любят как лучшую и верную подругу. Женщина всегда поймёт женщину.

А вот и она! Властительная персона грата! Оу, как она шикарно выглядит. Аш-ш, какой макияж, ну, медовая моя, прыгай же в свою мамочку.

— Хай, Лапуся! Прикинь, мне этот лавбобик опять заляксил все чипсы своими проблёсами, типа я обязана заелозить тайм в его пользу, когда он джоб свернёт. Я ему отгромофонила фанеру на автозвездёжник, пусть размекает, где ночью мой смайл тусу ловит.

Перевожу вам слова моей расстроенной куколки:

— Здравствуй, Лапуся! Представь, мне мой молодой человек рассказал о своих проблемах и попросил подождать оконча-

ния его рабочего дня. Я ему оставила сообщение на автоответчике, надеюсь, он поймёт, где я сегодня ночью буду отдыхать.

— Ну, чё, сведём тему ночи с колесом?

Я замурлыкала и ответила клаксоном: «Поехали, жизнь не должна стоять на месте!»

ВОСКРЕШЕНИЕ

Вера, не более чем сон, а тот, кто верит спит.
Но, Боже мой! Какое счастье, что именно во сне
способны мы летать подобно птицам.

Посвящаю моим друзьям, Инге Брандт и Олегу Павину

«Кто я? Кто ты? Зачем мы? Все эти вопросы потеряли свою сущность, и ответа на них мой разум более не ищет. Я иная, не та, что знал этот тесный и пыльный мирок, ибо сущность моя перестала существовать для других. Да! Теперь я существую только для самой себя, отрекаясь от мира, созданного вопреки моему пониманию. Я безумна? Нет, безумцы вы! Я свободна и счастлива! Я вне вас и невидима для вашего понимания меня...»

— Что скажете на это, отец Павел? — на выдохе произнёс грузный пожилой мужчина, прервав вещание динамика диктофона.

— У неё болит душа, — тихо произнёс священник.

— Мы не лечим душу, мы заглушаем её боль. В остальном мы бессильны, — развёл руками врач и посмотрел на настенные часы.

— Извините, но я хотел бы попросить вас прослушать всю запись вашей пациентки, — поправляя крест, осторожно попросил отец Павел. Врач, кашлянув, пожал плечами и с неохотой произнёс:

— Кассету с записью могу вам дать, но с одним условием. Завтра вы её вернёте и не сделаете с неё копии. Дайте мне слово, людям вашей профессии возможно ещё верить на слово.

— Я обещаю вам, Сергей Викторович, и слово своё сдержу.

— Дай Бог, — звонко звеня ключами от ящика и доставая коробочку с кассетой, с иронией произнес врач. — Вот, собственно, вся её история, от первого лица. Рассказывала о себе, впечатляет. Будто у неё всё это записано. Может рассказать от и до, без запинки. А вообще, только молчит и сидит у окна, ест у окна...

— Благодарю вас за доверие. Я хочу постараться понять ещё раз, отчего с ней это случилось?

— Всего вам доброго, отец Павел. Хотя по своему опыту скажу откровенно: она здесь на долгое время. Представьте, никого не узнаёт, семьи, родных у неё нет, так что её семья и родные — мы. Хм, какие есть.

Печальный образ святого, озарённый светом лампы, смотрел грустью очей своих, преисполненных надежды на молодого священника, внемлющего с тревогою повествованию женщины.

— Фрэнк Синатра и его мужественный и, в тоже время, нагло чарующий голос... И я в лучах безумного света Нью-Йорка, который он с яркостью воспекает голосом своей души.

Душа. Есть ли она? Нет, верно, её нет. Возможно, есть только мечта о ней и желание, чтобы она была. Желание, чтобы она любила, страдала, ликовала. Фантазия. У меня была фантазия о муже, о ребёнке. Я мечтала быть любимой в своей семье, я хотела любить, переживать, радоваться за них всей душой своей. Но нет. Существует такое слово — нет. Короткое, обозначающее пустоту и отрицание. Зато есть я. То есть, существующее понятие, определяющее меня.

Я — Инна. Я преподаватель истории. Я женщина. Вот три я и есть определение меня. По-моему, этого достаточно для того, чтобы личное местоимение обрело своё материальное содержание. А если нет души, то существует ли Бог? Да, безусловно, и я в этом убедилась. Когда я была на седьмом месяце беременности и мой муж, Игорь, возвращаясь с работы, не вернулся домой. Он ушёл в вечность, он погиб. Я потеряла ребёнка, мою девочку, которую звали бы Станислава.

Стасю и Игоря забрал он. Он оставил меня с верою в него одного. А я так хотела верить в него, и не я одна. Мой муж, моя доченька. Жить по его заповедям, сеять доброе и вечное.

Скажите, а могу ли я, имею ли право учить молодёжь с таким мировоззрением? Я спросила об этом своего духовного наставника, отца Павла. Он такой смешной, молодой. Смутился, покраснел. Чем-то напомнил мне Игоря.

Пустота и этот телефонный звонок, терзающий мой слух.

— Алло, приветик, Инна! Я выслала тебе на мэйл план учебной программы. Просмотри темы, может, я где обдёрнулась?

— Рена, ты раньше позвонить не могла? У меня завтра с утра пары.

— Ну, извини, прости...

— Бог простит. Ладно, посмотрю.

Итак. Бездушная машина работает. Где мои очки? Так, что день грядущий нам готовит? Опять этот спам. А заглавия: «Скидка на всё девяносто процентов!»; «Доход от тысячи евро в неделю!». Какие умники это сочиняют? А вот это: «Воскрешение и обретение». Воистину.

Если мир создал Бог, то интернет — от лукавого. Нет, удалять не буду, прочту этот бред, но прежде выпью вина. Хм, любопытный сайт, ну что ж, прочтём?

День промчался в потоке слов, вопросов и ответов. Я вновь одна, в пустой квартире, наедине со своим «я».

— Здравствуй Инна, ты пришла! Я так скучала по тебе! Хочешь, кофе сварю?

— Ой, спасибо тебе, Инночка, нет, что-то сердечко после вчерашнего сайта побаливает.

— Всё пройдёт, моя хорошая. Всё пройдёт.

Сама себе говорю, сама и отвечаю. Это нормально? Нет, для меня это естественно.

Включаю его. Он начинает дышать, светится от электрического счастья. Вычислительный мозг оживает. Единственное существо мужского рода с искусственным, но интеллектом.

Проходит двадцать минут, и я, трясаясь всем телом, с острой болью в сердце, ибо души нет, падаю на подушку и рыдаю.

Я Игорь. Я тот, кто ушёл в дальнюю дорогу скорби, без плотского существования. Меня больше нет. Есть холодный каменный крест, который зовут Игорем, и песчаная земля, где покоится прах мой. Ты не посещаешь мою колыбель смерти уже давно. Отчего, Инесса? Ты помнишь меня? Мои глаза, мою улыбку, мой голос, обращённые во имя тебя.

Инна, ты ещё помнишь мои руки, их теплоту и нежность дарящие тебе одной. Инна, помнишь ли ты нашу дочь? Мы скучаем по тебе Инна, нам одиноко и холодно без тебя. Мы замерзаем без тебя, Инна!

Мамочка, милая, единственная моя! Я очень хочу, чтобы ты обняла меня. Родная моя, мы расстались с тобой! Нас разлучили с тобой навечно! Я так и не познала ласки твоей материнской, я

не увидела улыбки твоей. Ты не смогла прижать меня к своему сердечку. Mamочка, я больше не слышу биения твоего сердца, почему? Я умерла? А мне так хочется услышать колыбельные песенки и увидеть свою первую игрушку. Mamочка, почему ты не смогла сохранить мне жизнь? Почему ты не боролась за меня? Мамуленька, забери меня отсюда. Здесь так темно. Умоляю тебя, мама, мне страшно, я боюсь!

Господи! Что это, испытание или издевательство? Господи! Я слышу свой крик и затыкаю уши, но этот крик во мне самой!

Мне приснился сон. Будто я стою у белых мраморных ворот. Я не одна, у этих ворот стоят двое мужчин. Мне кажется, что я их когда-то видела, очень давно. Один из них сказал другому следующее: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной ими святой заповеди».

Я не пошла на работу. Отключила телефон, зашторила окна и закрыла дверь комнаты на ключ. Да, я заперла себя и мне хорошо. Я словно закрылась от всего мира, перестала быть его винтиком. Пусть ломается и катится туда, откуда создавался. Мне безразлична судьба его, как ему — моя.

Включаю его, воскрешаю. Он подмигивает мне своими лампочками и озаряет моё лицо холодом своего квадратного ока. Что дальше? Нет, хватит. А почему?

— Игорь, ты здесь?

— Mamочка, милая моя, я здесь! Папочка, иди скорей ко мне, мама пришла!

На клавиатуру падают слёзы. Они говорят со мною. Я и моя семья, мы вновь вместе, и я счастлива. Нет, этому чувству нет объяснения. Пусть понарошку, но чувствую я реально, сердцем, души нет.

Прошли сутки. Встала, оделась и пошла в магазин игрушек. Накупила множество, думаю, Стасеньке понравится. Игорюшке моему — рубашек и электробритву, а то у него уж старая. Сейчас сфотографирую и отправлю моей девочке и мужу.

Нет, я не сошла с ума. Это вы все сумасшедшие! Живёте и не цените тех, кто жив и рядом с вами.

Я потеряла счёт времени. Рассказываю им о том, как мне тяжело, как всё это время жила без них. Нет, я не жила, я присутствовала в этом мире, и видит Бог, без всякого желания.

А вот пишет мой Игорёк: «Иннушка, а почему ты более не вышла замуж?»

— Глупенький. Да разве есть мужчины, кроме тебя? Есть двуногое подобие, которое, прежде всего, влюблено в себя, в свои дела, развлечения. Кто способен любить меня так, как ты? Только твои глаза могли смотреть на меня с такой теплотой. Только твой голос мог произнести моё имя так, что замирало сердце.

А вот что пишет моя Стасенька: «Мамочка, я хочу, чтобы ты прислала мне фотографии солнца, неба, моря, деревьев. Ведь я их так ни разу и не видела».

Мой маленький, несчастный, мёртвый детёныш. Что мне делать? Где найти ответ на несправедливость жизни? В храме? У людей? У своего духовного наставника? Кто может пережить твои страдания, муки за тебя саму?

Прошло двое суток. Совсем забыла о еде. Странное состояние. Ничего не хочется есть, болят виски, в руках слабость. Ну, ладно я, а мои-то зайки голодные. Нужно спросить, что им приготовить?

Стасенька хочет сладенького, ангелочек мой маленький, а Игоречек в своём репертуаре. Что приготовлю, то и будет кушать. Пойду, схожу в магазин. Нужно ещё что-то от боли в сердце купить. А стоит ли?

Может, весь этот сценарий по книге судеб идёт верно, своим повествовательным шагом. Будь что будет.

День, ночь. Неважно. Отключила дверной звонок. Звонят какие-то люди. Нечего им здесь делать. Мы их не приглашали. Сажу, играю с дочуркой. Наряжаем кукол, она смеётся. Вернее, я за неё. Наверное, она именно так бы и смеялась. Игорьку читала его газету вслух. Он же у меня бизнесмен. Половину слов не поняла. А он мне всё о любви пишет.

Лирика, проза. А я? Ну, делаю вид, что не замечаю, ломаюсь. Пусть заново меня завоёвывает, раз уходил.

Боже мой! Время — час ночи! Ребёнок мой не спит. Ну, что я за мать бестолковая. Девочке пора спать. Сейчас уложу Стасеньку баиньки.

Пою ей песенки, а она не спит, смеётся, подпевает мне своим нежным голоском. Колокольчик мой. И я это слышу, да, я слышу её голос.

Вы думаете, у меня болит сердце? У меня болят груди. Я чувствую это уже второй день. Приятная тянущая боль, а в животе всё сотрясается. Доченька моя, ребёночек мой, крови-

ночка моя. Опять слёзы. Для чего они? Возможно, это святая вода? Да, слёзы женщины — это святая вода, мироточение.

Вот и ночь. Или вечер. Зашторены окна. А какое сегодня число? Когда у Стасеньки день рождения? У Игорька уже прошло. Надо отметить, купить торт. А у ребёнка? Когда она родилась?

Я не сплю. Около меня стоит он. Тот мужчина из сна. Его не видно, слишком яркий свет. Он говорит мне: «Возлюбленные, будучи предварены о сём, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения».

Странно, а я сижу на полу, слушаю его, а потом говорю ему шепотом: «Тише, не так громко, доченька спит». Он и ушёл, и Бог с ним.

Я проснулась от странного шума. Мою дверь ломали. Да это те люди с того края жизни, они пришли за моей семьёй. Они хотят забрать снова моего ребёнка и мужа. Что ж, пусть попробуют. Нож, нужен нож. Мне нужно защитить свою семью. Бог не поможет мне, не поможет, я знаю.

Поможет нож и я сама.

Они сломали входную дверь и рвутся в нашу комнату! Какая-то женщина кричит моё имя. Я знаю, кто это. Это смерть! Стася плачет, мой ребёнок плачет. Девочка моя, мы не расстанемся с тобою, нет!

Смерть в окружении своих подручных в чёрном, их много, и они пытаются меня уговорить. Что было после? Не помню. Нет, не помню. Нужно вспомнить. Я за ними видела Игоря. Он вернулся, а где Стася? С ним должна быть моя дочь! Нужно найти мужа, где он? Как его найти? Люди, он же пришёл за мною, он вернулся, люди! Подручные смерти забирают меня, но он придёт снова за мной и с ним рядом будет моя доченька. Я знаю, так и будет. Нужно просто ждать и верить, верить и ждать, так как я верила когда-то в Бога.

Запись кассеты остановилась.

Священник, обхватив голову обеими руками, ещё раз переживал свои душевные муки, когда Инну забирала милиция. Она тогда билась, словно раненая птица, и тянулась к нему, громко вопрошая: «Игорёчек, муж мой, где наша доченька, где Станислава?!»

А что он мог поделать? Он даже не нашёл ответа для успокоения боли души её.

Отец Павел поднял взгляд на образ святого и упал на колени от душевной немощности своей.

Прошло два месяца.

Сергей Викторович с неудовлетворённой гримасой перелистывал газету о спорте, тихо бормоча футбольную речёвку. В дверь его кабинета робко постучались. Отложив газету и поправив очки, он громко произнёс: «Ну, постучались, так входите!» На секунду от изумления он резко привстал.

В кабинет вошёл отец Павел, держа на руках годовалого ребёнка.

— Добрый вам день, Сергей Викторович.

— Вы? А, собственно, чем обязан?

— Я пришёл забрать Инну.

— Подождите. А откуда у вас ребёнок?

Малыш с интересом разглядывал врача.

— Удочерил. Я могу увидеть Инну?

— Молодой человек, вы с ума... В смысле — я хотел спросить, зачем вам всё это?

Отец Павел прижал ребёнка к груди и, улыбнувшись, лишь ответил:

— На всё воля Божья.

— Нет, я не могу вот так с вами и дитём пойти к ней. Реакция может быть неадекватной. Она же больна, тем более, никого не узнаёт.

— И всё же, я прошу вас. Ответственность будет полностью на мне.

— Хорошо, но если что будет не так, то извините, — вставая, предупредил врач.

По коридору шёл священник с ребёнком в окружении двух дюжих санитаров, а впереди Сергей Викторович с медицинской сестрой.

— Если что, Ларочка, колите немедленно, — шёпотом промолвил ей врач.

Дверь палаты отворилась.

— Отойдите в сторону, я вас прошу, — тихо произнёс отец Павел санитарам.

Инна, сидевшая у окна, медленно повернула голову. Она с минуту смотрела на ребёнка и священника. Девочка повернула

головку и, взглянув на чужую седеющую женщину, улыбнулась, потянула ручки к ней и громко воскликнула: «Ма!»

По щекам Инны побежали слёзы, улыбка озарила её доселе бледное безжизненное лицо, пустые глаза вспыхнули радостью.

Слава Богу, дождалась.

ЕЁ СЕМЬЯ

Я сел в глубокое большое кресло и морально подготовил себя к долгому и подробному повествованию, к которому обычно склоны пожилые люди.

Полина Эдуардовна в задумчивости, со слабой улыбкой на лице, посмотрела в окно, а затем, сев напротив меня, кивнула, будто подбадривая, и начала с таинственностью в голосе повествовать.

— Ну что ж, пожалуй, начну. Итак, всё случилось обыденным утром. Наш многоквартирный дом шумно раскачивался от суетливых своих жителей, которые спешили на работу и не только. Я не привыкла залеживаться в кровати, поэтому с удовольствием отправилась после бодрящего душа и чашечки чая полюбоваться цветущей сиренью. Вы, верно, заметили, что у нашего парадного входа великолепные кусты сирени, так вот, поудобней расположившись на скамейке, я стала радовать свои глаза нежностью сиреневого цвета. Многие из тех, кто имеет автомобили, уже съехали прочь, поэтому воздух был насыщен ароматом и свежестью весеннего дыхания природы.

И тут вдруг во двор втиснулась большегрузная машина, она проехала мимо нашей парадной и остановилась у следующей. Мощные ребята охотно взялись за дело, освобождая свой фургон от мебельного присутствия.

Не прошло и пяти минут, как следом появилась маленькая зелёная машинка и остановилась около фургона, выпустив из себя не только тёмный выхлоп, но и длинную, подобную жердине, худую женщину в вязаной розовой шапочке.

Она закурила и, что-то резко сказав водителю фургона, осторожно подошла ко мне.

— Здравствуйте, извините, что я вам помешала, но не скажете ли вы мне, давно приехал грузовик?

— Минут семь или восемь назад, после моего выхода во дворик, — посмотрев на свои часики, ответила я ей.

Она кивнула и, манерно продолжая курить, стала рассматривать наш дом.

— Я так понимаю, вы теперь будете здесь жить? — бесцеремонно спросила я.

— Да, и не только я, но и вся моя семья, — с гордостью сказала она.

— Наконец-то во дворе появится детский смех, — с одобрением кивнула я.

— Дети? О, да! Летом обязательно, так как моя взрослая половина: Фёдор, Жорж, Орфей, Иван, Михаил, наконец, обзавелись достойными условиями для гармоничной и полноценной жизни.

Я от этого красноречивого пафоса вначале растерялась, но всё же заинтересовалась:

— А это ваши братья или?..

— Гораздо ближе, — с усмешкой произнесла она, сдув с сигареты пепел.

— Можно вас спросить о вашем имени? — спросила я.

— Лукреция! — громко заявила она.

— А меня зовут Полина Эдуардовна, я живу на восьмом этаже.

— Хм, и я тоже, совпадение, квартира сто тридцать, — улыбнулась мне Лукреция, поправив свою шапочку.

Я чуть свою сумочку из рук не выронила. Она поселилась за стенкой моей спальни. В общем, для меня наступили тёмные времена.

— Почему тёмные? — спросил я, перебив Полину Эдуардовну.

— Ну, неужели не понятно, столько мужчин, а она одна, прощайте, тихие ночи, а тем более, наши балконы соседствуют.

— И что было дальше? — вертя в руках блокнот, спросил я.

— А вот слушайте, только внимательно, здесь упускать вам ничего не следует.

Моя первая ночь с новой соседкой обернулась ужасом. Не подумайте, что я подслушивала, скорей, слышимость ввела меня в курс дела. Я услышала примерно в час ночи её стоны и плачь. Она выла и лишь твердила одно и то же: «Они убили его, убили!» Затем какой-то мужской голос стал успокаивать её, потом голос поменялся на более хриплый и стал вторить в утешение первому. Она истерично отвечала им следующее: «Фёдор, вы с Михаилом не можете понять всю боль утраты, поймите, Орфея больше нет и никогда не будет!»

Так продолжалось до пяти утра, пока сон не покорил меня.

На следующий день я встретила с Ниной Петровной, её соседкой, только по другой лестнице, вы можете и с ней пообщаться. Она поведала мне, что после полудня через стену кухни слышала ещё более страшные вещи.

По её словам, эта Лукреция, находясь на своей кухне, говорила следующее: «Моих младенцев я тебе не дам на съедение. Теперь ты обречена на муки: вначале я отрежу тебе ноги, а затем голову, сволоочь».

После сказанного Полина Эдуардовна сделала паузу, смотря на мою реакцию.

— Неужели вас в самом начале не насторожила многозначительная фраза Лукреции о детях?

— Бред какой-то, — пожал я плечами.

— Не скажите, Владислав, она на следующую ночь пела колыбельные песни, а дети хныкали и даже что-то говорили ей невнятное.

— А что случилось с Орфеем, эта Лукреция вызывала специальную машину?

— Нет, что случилось с его телом, я расскажу вам чуточку позже, мы с Ниной Петровной в ужасе.

— Что было ещё необычного? — поинтересовался я, потирая лоб.

— Были слышны голоса, один — как будто карлик разговаривал, другой басил. Потом смех. Вчера ближе к вечеру я слышала, как Лукреция ругалась с карликом, она угрожала ему, а он разрыдался и просил у неё прощения. Но самое страшное я услышала сегодня с утра — то, что объясняет, почему она не избавилась от тела гражданина Орфея.

Признаюсь, я специально приберегла этот охлаждающий душу факт для вас на концовку моего рассказа.

Возможно, это расшевелит ваш профессиональный долг участкового.

— Но, Полина Эдуардовна, я пришёл к вам по первому вызову, — застучав шариковой ручкой по блокноту, запротестовал я, не желая мириться с её укором.

— Ладно, Владик, сейчас вы услышите то, что, возможно, будут показывать по всем мировым телеканалам.

Полина Эдуардовна, поправив тёмноволосый парик и тяжело вздохнув, продолжила.

— Итак, с утра, где-то в одиннадцать часов дня Лукреция сказала следующее: «Орфей пожертвовал собой, теперь вы выпейте его сок, и он даст вам питание, благодарите его!» Затем все сожители на разные голоса стали благодарить несчастного Орфея.

— Какой кошмар, — беря в руки казённый головной убор, произнёс я. — Ну, что ж, благодарю вас, Полина Эдуардовна, за разъяснение дела, пойду, проведу васу соседку.

— Вы с ума сошли, она вас может... — всполошилась старушка.

— Если что, звоните в отделение, а пока слушайте, что будет происходить за стеной.

— Я думаю, Владик, одним вашим отделением вам её не одолеть, ладно, успеха вам и берегите себя, по-моему, эта женщина на очень многое способна, — с предостережением тряс пальцем, произнесла Полина Эдуардовна.

Чем ближе я приближался к возможному месту преступления, тем ярче представлялась мне картина драмы, так подробно рассказанная соседкой загадочной Лукреции.

Дверь искомой квартиры была покрашена зелёной краской и местами была ещё липкая, осмотрев двери, я осторожно дотронулся до кнопки звонка. Не успев опустить руку, я услышал вопрос:

— Кто это?

— Извините, я ваш участковый Владислав Потапов. Простая формальность, явился для ознакомления с новыми жильцами, — уверенно произнес я.

Дверь отворила высокая худощавая женщина в розовой шапочке, с острыми чертами лица.

— Пожалуйста, проходите, — улыбнувшись, вежливо пригласила меня хозяйка.

Тусклый свет лампочки в коридоре угнетающе освещал старые жёлтые обои.

Она щёлкнула дверным замком и, скрипнув второй дверью, вышла из-за моей спины, которая уже успела покрыться холодным потом: на тумбочке лежал длинный разделочный кухонный нож.

— Вы одна? — спросил я, смотря на женщину снизу вверх.

— Я не бываю одна, тем более, вы рядом со мной, — беря нож с тумбочки, произнесла она, продолжая держать улыбку. — Меня зовут Лукреция, вас это не смущает? — почему-то шёпотом спросила она.

— Великолепное имя! — почему-то громко ответил я, не отрывая взгляд от ножа.

— Проходите в комнату, — пригласила она, оказавшись за моей спиной.

Я быстрыми шагами вошёл в её комнату, готовясь к худшему.

— Вы спрашивали, одна ли я? — вот, познакомьтесь с моей семьёй.

Я обомлел. Передо мной была сказочная оранжерея растений, некоторые из них доходили почти до потолка. Вдруг я услышал хриплый мужской голос за своей спиной.

— Меня зовут Жорж.

Я вздрогнул и резко развернулся.

Лукреция разными голосами представлялась именами, смотря своим пронзительным взглядом карих глаз в мои глаза.

— Что с вами? — сглотнув, спросил я.

— Ничего, просто мои растения здороваются с вами через меня и называют свои имена, ведь вы за этим сюда пришли?

— Вы хотите сказать, что...

— Да, у каждого из них свой голос, просто они общаются через мой.

— Здравствуйте, растения, я ваш новый участковый, — не своим голосом произнёс я.

— Не волнуйтесь, мне очень радостно, что впервые за пять лет в нашей семье появился гость, поэтому мы дружно будем пить чай, — весело произнесла хозяйка дома и, взяв меня за руку, она отвела меня на кухню.

Там, на подоконнике, под стеклянными баночками зарождались изумрудного цвета листочки, дети флоры, продление зелёного рода её семьи.

ИСПОВЕДЬ ПОДКАБЛУЧНИКА

Победу оцени как поражение,
В тот день, когда, возвысившись над слабым,
Узреешь ты в себе ту силу,
Способную не созидать, а разрушать.

Смотря на тлеющую сигарету, Михаил прошёлся широкой ладонью по небритой щеке. Гомон уютного увеселительного

заведения, в котором он пребывал, казался ему чуждым и до нелепости банальным. Вся эта публика со своим восторгом, мелодии заезженных шлягеров, рвавших динамики, и даже это креплёное вино в его бокале наводили бесконечную тоску.

Чья-то тяжёлая рука опустилась на его плечо. Неохотно подняв голову, Михаил растянулся в улыбке.

— Эдик, а ты как сюда забрёл? — бодро выпалил он в сторону высокого, стройного блондина.

— Привет, старина, ты один или?..

— Как перст, — махнул рукой Миша.

Через десять минут мужчины живо обсуждали жизнь, при этом расправляясь с сочной бараниной.

— Представь, Эдуард, каждый будний вечер ноги меня несут мимо моего дома. Нет желания возвращаться с работы домой. А что до выходных — да это просто мука. Я забыл, что значит: ощущать себя вольным человеком, — Михаил сопровождал свои высказывания жестами, нудливо и с отчаянием.

— Да что с тобой, в самом деле?! — воскликнул Эдуард с кривой усмешкой. — Ты что не можешь поставить жену на место?

— Нет, не могу. Когда она начинает командовать, понукать, ворчать, я готов сделать всё, что она скажет, чтобы это прекратить. А может, она разлюбила меня и я ей мешаю? — почти слезливо выдавил Миша, прижав руку к своей груди.

— У меня с Маришкой всё иначе. Ласковое, доброе, нежное создание. Ну, попросит что-либо сделать, и ведь сам знаю, что не хочу. Взгляну в её весёлые глазки, увижу эти пухлые пунцовые губки, которые улыбаются мне, услышу её милый сердцу голосок, и вся моя лень и противоречия испаряются, — с воодушевлением произнёс Эдуард.

— Эдик, постучи по дереву, чтобы не сглазить, — прохрипел Михаил.

— А я не суеверный.

— Как странно. Встречались с ними по молодости зелёной, ведь их мы сестричками с тобой за глаза называли. Хохотушки, заботливые, ласковые девушки были. И что с моей Зиной случилось? — с ностальгией, почти нараспев вспоминал Михаил. — И представь, сразу после свадьбы моя супруга начала закручивать гайки на моей мужской гордости, — жалуясь, он наполнил бокалы вином.

— У Мариночки поставлено дело было так. Хочешь любого развлечения, ну, ты понимаешь, сделай что попросит. Подумаешь, обед приготовить или белье прополоскать. Ведь нам необходимо это обоим. Зато потом я ночью — как шейх в своём гареме.

— Хи-тро, — по слогам выговорил Михаил.

— Да ну, перестань. Просто надо помогать друг другу, — поднимая бокал, с азартом произнёс Эдуард.

— Ну, Мишаня за тебя и твою Зину. Не будь подкаблучником, прояви характер.

Пройдясь полотняной салфеткой по губам, Эдик встал из-за стола и подал другу руку:

— Давай прощаться, мне ещё пропылесосить в гостиной надо, завтра к Мариночке партнёры по бизнесу придут.

Миша грустно покачал головой с взъерошенной тёмной шевелюрой, вяло взяв руку Эдуарда.

— Успехов тебе, шейх, привет Шехерезаде, — буркнул он вслед уходящему.

Вокруг царило веселье, музыка порхала по залу, напитки будоражили разум и кровь посетителей. Лишь один из всех уныло созерцал происходящее.

— Пожалуй, я пойду домой, ещё дел на кухне тма. Опять наслушаюсь минорных слов в свой адрес, — устало произнес Михаил молодому официанту.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

*Не нужно говорить о том,
Что для других живёшь и делаешь для них.
Возможно, им твои дела помеха и пустая суета.*

Ещё в юности Юрию Валерьяновичу отец открыл секрет покорения женских сердец, который он с усердием, внимая завету родителя, применял по сей день.

Грузный Валерьян Иванович, сидя за сосновым письменным столом, поглаживая седеющую патриархальную бороду, наставнически молвил отцово слово любимому отпрыску: «Запомни, сын! Женщина подобна белым листам бумаги. Она сама по себе книга с пустыми страницами, но!..» Подняв полный указательный палец, отец продолжил: «Сия книга изначально имеет

название. Следовательно, каждая женщина — названный роман с незаполненным содержанием. А вот угадаешь ли ты название этого романа, дерзнёшь ли наполнить своим чутким осмыслением пустые страницы книги мечтательной женской души? Всё тут зависит только от тебя самого. И всё же есть хитрость: всегда начинай своё любовное повествование не с прозаичных строк, а с мелодики лирического звука. А женщина тебе сама подскажет, как она именует свой роман, если она не окончательная дура».

Юрий Валерьянович, поглаживая уже свою седую бороду, оторвал немигающий взгляд от представшей перед ним иллюзорной картины далёкого прошлого и уронил печаль своего взора на белый лист бумаги.

Итак, лирика. Ах, сколько он испортил страниц так и не разгаданных им названий женских романов! Отчего же? Примеры его лирических вылазок.

В 19 лет, влюбившись до поллюционного восторга в сорокалетнюю прохожую, он адресовал ей своё первое поэтическое обращение:

Мечтал и грезил я в ночи,
Во снах ваш облик рисовал!
Парам-пам-пам, парам-пам-пам,
Короче, я так очень нужен вам.

Награда за признание была вручена из сжатого кулака кавалера, который пропечатал фингал под глазом юного Юры в тот вечер, когда он выследил место проживания своей музы и предстал перед ней с огромной охапкой свежих одуванчиков.

В 26 лет он влюбился в свою ровесницу, которая стригла его светлую голову в районной парикмахерской. Стихи от великолепия чувств послушно легли на ровные линии писчей тетради.

Как познакомиться с тобою?
Как подойти к тебе и перейти на ты?
Собакам позавидуешь невольно,
У них знакомства так просты, произвольны,
И так задиристы хвосты.

Молодой Юрий влетел в парикмахерскую и наизусть при всех посетителях с бурным, эмоциональным выражением прочёл лирику своей возлюбленной.

Левое яичко сохраняло синий цвет и опухлость в течение последующего квартала. Пусть поэту любви было трудно ходить, однако веру в волшебство Купидона его душа не утратила.

В 34 года природа с начала до конца напоминала о себе, как только взгляд его больших голубых глаз «ложился» на зачехлённую в чёрные одеяния округлую плоть — плоть главного бухгалтера. Она будила пыл воображения Юрия, направляя его в самую сущность этой южной женщины, о которой Юрий Валерьянович грезил ежеминутно, чувствуя, как ласково щекочет под влюблённым сердцем, когда он вспоминает о ней.

Белый лист в мгновение стал пёстрым от жарких предложений в лирическом исполнении.

Всю жизнь я буду помнить
Блеск очей твоих:
Зелёных, серых, голубых...

Впервые Юрий Валерьянович засомневался, какой же у неё цвет глаз?

Она всё время носит затемнённые очки. Пребывая в сомнениях, от всепоглощающей страсти он кусал карандаш, как кусал бы олицетворённый дар очарования, с совершенством воплощённый в его женщине.

Карандаш, будто испугавшись за свой скорый конец, повиная знойным мыслям влюблённого поэта, начертил следующее:

Моя восточная конфетка!
Мой искропламенный сапфир!
Была б ты сделана из теста,
Что б я не съел, то надкусил!

«Пóшло? Нагло? Зато современно и смело! По-мужски! Так пишут настоящие мужчины!» — пронеслось в голове Юры.

Расправа братьями возлюбленной над телом Юрия Валерьяновича содержала в себе три акта. Первый — устный, второй — физический, третий — психологический. Влюблённый при этом чувствовал себя Ромео, принимающим страдания за любовь к своей Джульетте. Пока его Джульетта не вышла под занавес и не поставила жирную точку шпилькой каблука на его раскрытой ладони.

В 45 лет, отметив свой юбилей в шумной компании, состоящей из соседа и его сожительницы, Юрий Валерьянович, оста-

вив спать гостей под шубой недоеденной сельди, вышел навстречу зимней ночи.

О чудо! О совершенство! О нега от мороза! Она стояла вдалеке, но как грациозно стучали её каблучки. Ах, ножки замерзли! Я согрею их в своих ладонях, прижму их к своим щекам и обогрею каждый пальчик устами своими. Сладострастия пульсировали в его опьянённой голове, когда он ринулся, одержимый порывом прекрасного, навстречу к ней. Нега, совершенство, чудо, сочетающиеся в одном, стояли к нему спиной. Да ну её, эту лирику. Я всё скажу прозой. Юрий, протерев оледеневшие линзы очков, подбежал к ней сзади и нежно обнял её.

— Сержант Дыдко! Ваши документы, пьянь! — отозвалась она, недовольно шевеля усами, на которых висели сопливые сосульки.

Нападение на стража порядка, инкриминируемое Юрию Валерьяновичу в самом начале судебных разбирательств, заменили пятнадцатью сутками трудовых исправительных работ на заснеженных улицах любимого города.

Намозолив руки, он позабыл не только о женщинах, но и о рукоблудии.

И вот сегодня? Или завтра? Юрий Валерьянович не обращал внимания на время. Он был преисполнен простым человеческим счастьем. Впервые в жизни, в 70 лет он поцеловался с женщиной по-настоящему! Это масштабное событие случилось на поминках его родственника.

Ей 83 года. Да неважно. Ах, какая женщина! Юрий прочёл стих, посвящённый им обоим, ощутившим слияние уст в уста.

Я с упоеньем наслаждался,
Целуя твои губы, словно лепестки,
Я всласть помады нализался,
Ещё чуть-чуть — и мы к инфаркту были бы близки,

В лобзанье жажды поцелуя я ощущал губами
Твоих пластмассовых коронок ровный строй!
Прокашлявшись, ты сызнава к поцелованью возвращалась,
Как ласточка в свой дом весеннею порою!

Пожав плечами, поэт вздохнул. И, сделав из листа самолётик, с восторгом пережитого запустил его в раскрытую форточку.

— А, нужна мне эта любовь? Романы с неизвестными названиями! Не дано мне, папочка, взламывать и тревожить женские сердца, — произнёс вслух Юрий Валерьянович.

Подойдя к кровати, он с кряхтением сел на неё и нежно погладил подушки. Стих сложился сам собою:

Ты давала мне себя
Трогать и ласкать.
Верен лишь тебе одной,
Милая кровать.

МОЙ ДРУГ

Посвящаю моей собаке Теодору

Я в растерянности стояла в прихожей, смотря на поглощённую суетой сестру.

— Ты проходи, что топчешься у дверей, — быстро проговорила она, наполняя чемодан гардеробом.

— Алла, ты точно уезжаешь на две недели, не больше? — недовольно спросила я её.

— Галочка, как я сказала, так и будет, если, конечно, там замуж не выскочу.

— Не выскочи из своего купальника, — усмехнулась я, видя её в отражении зеркала.

— Его мне Марк подарил. Нравиться?

— Сексуальная бомбардировка пляжа обеспечена, — снимая туфли, оценила я стоявшую передо мной сестру.

— Ты не представляешь, как я бесконечно счастлива вырваться из этого сырого города и упасть на тёплый белый песочек, да ещё с симпатичным мужчиной, — вертась перед зеркалом, произнесла с игривыми нотками Алла.

Я кивнула и, перешагивая через череду сумок и пакетов, прошла в комнату. То, что я увидела, вызвало во мне глубокий, тяжёлый вздох.

На старом тюфяке у батареи лежал он, шевеля бровями и моргая наполненными грустью глазами.

— А как у тебя на любовной волне? — как будто невзначай поинтересовалась Алла.

— Какая там волна? Штиль, даже писка чаек не слышно, — с цинизмом выщедила я из себя.

— А он тебя узнал, — указывая в сторону животного, произнесла Алла, желая поменить тему. — Да он послушный, стоило мне сказать: «Брысь!» — и вот он уже на своей лежанке.

— Ты помнишь, какой он был забавный в детстве? А теперь старик. Интересно, сколько он ещё протянет? — зевая, высказалась я, смотря в его сторону.

— Ну, если будешь его кормить, то, я думаю, две недели точно, как раз к моему приезду, — весело ответила сестра.

— Вот такое наследство нам оставил папочка, — махнув в сторону этого подобия собаки, констатировала я и побрела на кухню.

Через сорок минут красивый широкоплечий блондин увёз мою сестру в страну сказок тысяча и одной ночи. Квартира, ранее переполнявшаяся эмоциями, шумом и топотом, как будто замерла. Мне показалось, что я вовсе одна, но шаги когтистых лап разрушили это чудесное спокойствие. Он пришёл попить воды, но миска была почти пуста. Допив остатки, он так же тихо ушёл обратно, наверное, чувствуя мою отягощённость им. Ведь теперь мне нужно было его кормить, гулять с ним, вставая ни свет ни заря. Мой отпуск катился под откос, как, впрочем, и мои планы. С этими мыслями я вошла в комнату и выругалась в сторону этого спянявого животного.

— Если бы не память о нашем отце, на фиг бы ты нам сдалась, старая тряпка!

Возможно, мне показалось, но из его глаз текли слёзки. Да, показалось, верно, сестра сладкого давала. Отбросив в сторону сочувствие, я направилась к телефону. Продолжительный разговор с подругой, просмотр нового фантастического фильма и бокал красного вина скрасили одинокий вечер. Моё расслабленное состояние взбудоражило воспоминание о прогулке с собакой, которая должна была состояться три часа назад. С недовольством напялив на себя старые джинсы сестры и нацепив этому большому зверю ошейник, я вошла в тёмное пространство прохладного осеннего вечера.

— Давай, делай всё по быстрому, мне не досуг гулять тут с тобой до полуночи! — ворчливо высказала я, отпуская его с поводка.

Через минут пять начал моросить дождь и поднялся холодный ветер, образуя морскую пыль.

— Вот тебе, Галочка, тридцать три удовольствия, — произнесла я в сердцах, стегнув поводком скамейку.

Во двор въехала какая-то машина, тихо припарковалась и, сверкнув фарами, замерла. Я высматривала тёмное пятно, движущееся среди кустов, как вдруг...

— Девушка, я прошу прощения, но погода не располагает к прогулке, — раздался приятный мужской голос.

Я обернулась и увидела его крупную, высокую фигуру, стоявшую у открытой двери легкового автомобиля.

— И что вы предлагаете, купить собаке крытую площадку для выгула? — с иронией ответила я незнакомцу.

— Всё проще. Вы переждёте нужду своего питомца в моей машине. Не бойтесь, я здесь живу. Квартира пятнадцать, четвёртый этаж, вторая дверь от лифта, можете предварительно проверить.

Поёжившись и вытерев ладонью лицо, я подошла к автомобилю и села в уютный кожаный салон.

— Позвольте представиться, Алик, — протянул он мне широкую ладонь.

— Галина, — представилась я, смотря на его весёлое симпатичное лицо, одаривающее заинтересованным мною взглядом.

Всё, что происходило далее, было подобно сказке. Я влюблялась в мужчину-мечту с каждой его фразой, каждым жестом. Мощные плечи, крупные загорелые бицепсы, растягивающие рукава футболки. А этот чарующий мой слух голос... Мы разговаривали часа два, а мне показалось, что пошло не более двадцати минут. И если бы не его фраза о том, что дождь усилился, я бы не обратила внимания на часы.

— Алик, у меня же там собака. Тьфу ты, — на выдохе произнесла я.

— А вот сердиться, Галочка, вам не идёт, — с улыбкой заметил он. И добавил: — Я собак не очень люблю, точнее сказать не люблю их вообще.

— Я тоже, просто сестра попросила присмотреть за ним.

— То есть взвалила свою проблему на ваши хрупкие плечи? — ещё раз ослепительно улыбнулся он белоснежным зубам.

— Верно, — кивнула я, пожалуй, готовая согласиться с любым его высказыванием.

— Вы завтра свободны, у меня родилась великолепная идея! — воскликнул он.

Я согласилась с его идеей встретиться, не раздумывая, и вышла из тёплого салона автомобиля под проливной дождь. Собака сидела около машины, дождь нещадно крупными каплями бил её по мокрому телу.

— Пошли домой, нагулялись, — быстро и грубо произнесла я, отгоняя от себя появившуюся ниоткуда совесть, та с укором указывала на промокшее и трясущееся от холода существо, которое мне доверили.

До двух часов ночи я рылась в шкафу сестры, выискивая одежду, для завтрашнего свидания, меняя своё отражение в зеркале по несколько раз. Мысленно представляя себя, обыкновенную девушку, с ним, с Аликом. Таким большим и мощным мужчиной. Неужели мне, наконец, встретился он, тот, о ком я грезила, о ком мечтала, о ком бредила в холодных объятиях одиночества. Он должен стать моим, и я должна приложить все усилия, чтобы он оценил меня, пожелал...

— Что ты крутишься? — увидев в отражении позади себя робко появившееся взъерошенное существо.

— Тебя надо кормить, да? Такое большое животное не прокормить на мою зарплату. А может, тебе, как всем старикам, на диету сесть? — спросила я его.

Грустные глаза лишь моргали, смотря на меня. «Надо его хоть чем-то вытереть», — подумала я и, взяв сухую половую тряпку, стала его вытирать.

— Ничего, какая тебе разница, чем вытираться и как выгладеть. Вот у меня проблема: успеть привести себя в порядок к завтрашнему свиданию.

Расправившись с консервной банкой, я вывалила её содержимое в его миску.

— Извини, разогреть нет времени, надо своими ноготками заняться, — быстро объяснила я этому прожорливому существу.

Завтрашний день наполнился дурманящим запахом белоснежных лилий, а моя душа вспыхнула от жаркого взгляда Алика. Так мог смотреть только он. И тут всё исчезло, под звуки собачьего лая.

— Пошел вон, свинья! — слегка пнув это старое чудовище, закричала я.

Алик отступил к дверям и процедил сквозь зубы:

— Дурной пес.

— Извини Алик, сейчас закрою его на кухне, — как можно мягче произнесла я, обращая гневный взгляд на разрушителя моего счастья.

Через час мы с Аликом купались в лазерных лучах и вдыхали музыки ритмы, пропуская их сквозь себя. Я ощущала силу рук, исчезая в его объятиях, и трепетала, словно бабочка, у его горячего, обжигающего тела. Нам было сказочно хорошо. А затем сладостные речи ласкали мой слух, учащая сердцебиение, и заполняли мой разум в унисон с искрами игристого вина.

Я вернулась поздно, вместе с Аликом. И вновь прогулка. Да, я выгуливала это существо одна. Совершенно одна, только потому, что эта собака опять облаяла моё совершенство, моего идола любви, которому я готова была поклоняться.

— Ну, тварь, за то, что ты испохабил мой вечер, еды тебе не видать! — швырнув в него его резиновой игрушкой, большим красным ёжиком, выпалила я.

Прошло несколько дней. Наши отношения с Аликом становились всё более близкими. Он не торопил меня, скорее, я не в силах была остановить себя. Мне казалось, что его отсутствие опустошало меня, но когда появлялся он, я готова была взлететь до небес, подобно птице.

Очередной нудный вечер, связывающий меня поводком и мучительной прогулкой с собакой, которую какой-то недалёкий представитель человечества назвал другом человека, был в разгаре. Это существо, наконец, перестало лаять на моего Алика, и мы пошли в лесопарк.

— У меня шикарный план на ночь, — с интригой в голосе произнес Алик.

— Позвольте узнать его подробнее, — с улыбкой смотря на его античный профиль, произнесла я.

— Представьте. Ужин при свечах, зажигательный танец, уютный номер в тихой гостинице...

— Ваше манящее предложение восхитительно! Но, увы, завтра с утра мне придётся выгуливать его, — смотря вниз, на идущего рядом, произнесла я в отчаянии.

Он при этом залаял.

— Галочка, по-моему, собака перебьётся разочек, да и привяжи его к дереву, а то этот третий лишний своим присутствием меня гложет, — с раздражением проговорил Алик.

— А его никто не украдёт? — делая, как велел мой любимый, спросила я, не привязывая, а просто обматывая поводок вокруг дерева.

— Да он даже на консервы для кошек не согдится, — махнул в сторону скулящей собаки Алик.

Мы пошли, взявшись за руки. Я оглянулась, смотря на обеспокоенную четырехлапую фигуру, но горячая ладонь моего Алика уводила меня по дорожке, окаймлённой желтеющим кустарником.

— Как тихо и сумрачно, — заметила я.

— Да романтично, лишь только я и ты, да шорох осенней листвы, — почти прошептал он.

Откуда-то раздалась мужские голоса. Сбивчивая, грубая речь приближалась стремительно. Когда навстречу нам вышли две помятые низкорослые худощавые фигуры, которые при приближении накрыла большая тень Алика, я даже ухмыльнулась.

— Опа, какая пара. Чага, глянь какова куколка.

— Ты это о ком? — спросил прокуренный голос лысого.

— Чо, разуй глазухи, чиксуля полный ажур!

Они остановились напротив нас и, будто не замечая, раскачиваясь с бутылками спиртного, продолжали вести беседу.

Лысый, шмыгнув носом и отхлебнув из бутылки, сплюнул сквозь зубы.

— Так, ты, бычок фуфлявый, хиляй, пока шары в очко не загнали, а ты, телуха, подь сюды.

— Чо, Чага, распишем на двоих?

— А то, не в первой.

Я почувствовала дрожь в ногах, а в своей ладони — запотевшую ладонь моего Алика.

— Ребята, вы что, мы же просто идём, вас не трогаем, — быстро проговорил Алик.

— Трогать будешь свою ганелю, конёк бздячий, — с издевательской усмешкой произнёс Чага и достал нож.

— Вали, чо, не всосал, мерзок, а то щас своей парашной кровушки хлебнёшь, — толкнув Алика в грудь, силло протянул лохматый.

То, что было дальше, я вспоминаю по сей день.

Алик освободился от моей руки и, чуть присев, громко, не своим голосом закричал:

— Бежим, бежим!

Я ринулась за его быстро удаляющейся крупной фигурой, но цепкая рука ухватила меня за волосы, и тут же ударили в лицо.

— Не порть физио, а то не встанет, — услышала я, падая в кусты.

Я в ужасе закричала, но удар ноги в живот полностью перебил мой крик, наполненный страхом и безысходностью.

— Алик, не оставляй меня, — чувствуя липкую, тёплую кровь, стекающую мне на лицо, выдавила я из себя.

Чьи-то руки рвали на мне куртку, стаскивали джинсы, у своего лица я почувствовала зловонное дыхание.

— Помогите, помогите, кто-нибудь, — слышала я свой сдавленный шёпот, смутно видя перед собой искореженные пьяной гримасой лица нападавших.

На каждое моё сопротивление они отвечали сильными ударами по телу.

— Вот, наконец, до трусиков добрались, давай, распечатавай, — пронеслось у меня в голове.

В моих глазах всё поплыло, когда надо мной нависло смеющееся лицо, которое тут же, в сопровождении треска кустов, сменилось уродливой мимикой, а из вонючего рта вырвался крик.

— Чага, что это! Чага, мне больно!

Подобно замедленной съёмке, я увидела тёмное четырехлапое существо, быстро рвущее затылок насильника.

— Откуда он взялся? — прохрипел Чага.

— Рубай его! — заорал лохматый.

Мощные челюсти собаки схватили запястье второго, и он, повиснув всем телом, разодрал руку, держащую нож. Я встала на ноги, но тут же упала в мокрую листву.

— Чага, у меня кровь, мочи гада! — держась за затылок, визгливо орал лохматый.

Его подельник пытался избавиться от бесстрашной собаки, но та продолжала бой, бросаясь на врага снова и снова.

— Умри, тварь! — истекая кровью, вопил Чага.

— Мотаем, Чага, с ним, верняк, хозяин, — услышала я в своём помутнённом рассудке.

Я сидела, дрожа всем телом. Мы были вдвоём. Мой спаситель лизал мне лицо, а я гладила его по голове. Он лежал у меня на коленях, положив мне свою большую голову на грудь, а я с остекленевшим взглядом смотрела впереди себя, продолжала

гладить его и тихо пела ему дрожащим голосом: «Спи, моё счастье, глазки закрой, кончился день для нас непростой, я тебя очень сильно люблю, я тебе песенку эту пою. Ты мой любимый ласковый друг, нас не застигнет участь разлук. Вместе с тобою ночью и днём, вместе с тобою будем вдвоём...»

— Ну, что, мой милый, вставай, нам пора. Я тебя сейчас вымою, накормлю самым вкусным ужином, а потом уложу спать на чистую простынку. Завтра мы пойдём гулять, ты будешь греться на солнышке. Я отведу тебя на полянку, на которую тебя так ни разу не водила. Вставай, мой друг, мой самый лучший друг. Ты так крепко заснул, что тебя не разбудить, проснись, я умоляю тебя, ради Бога, проснись!

Так я просидела с ним, раскачиваясь и глядя его, до восхода солнца, пока нас не нашли какие-то люди.

— Девушка, что с вами, что случилось? — спросили они.

Очнувшись, я стала поправлять разорванную блузу, кутая себя в ветровку.

— Что с вами? Вызывайте скорую... У неё шок... — будто по ту сторону стекла слышала я приглушённую речь стоявших возле меня незнакомых взволнованных людей. Кто-то из них воскликнул: «Посмотрите, у неё мертвая собака!» И я ответила: «Это не собака, это мой друг».

КУКЛА

Дней не бывает ушедших понапрасну.
Те дни даны тебе на размышление о том,
что выбрать?

Жить, иль снова размышлять?

— Уже утро, любимая, пора просыпаться! — раздался в зашторенной спальне бодрый мужской голос.

— Опять утро, ты хотел сказать, — прохрипела в ответ взлохмаченная сонная женщина, жмурясь от света, ворвавшегося в брешь раскрывающихся синих штор.

— Ну, перестань, Изольда! — воскликнул мужчина и с укором спросил:

— Где твоё прежнее жизнелюбие?

Тяжело вздохнув, женщина привстала, поправляя розовую сорочку, и, качнув головой, устало вымолвила:

— Закончилась Изольда Тихоновна, урожденная Кромская. Осталась одна оболочка, труха.

Вытянув вперёд руку, она с печалью в голосе продолжила:

— Посмотри, мой дорогой Витюша, на эту красавицу. Пышные жгучие волосы, розовое гладкое личико, а эти яркие губы!

— Да, вижу. Но при чём здесь кукла? Ты какой раз мне твердишь о ней?

— Да при том, голубчик, что я выросла с ней, она, как видишь, прекрасно сохранилась. Я — увы.

Опустив голову на подушку, женщина закрыла глаза. Стоявший в недоумении муж поморщился, глядя на куклу, затем, хлопнув себя по бедру, с иронией спросил:

— Что же теперь делать, умирать?

— Возможно, Витюша, умирать. Тебе, наверно, самому противно видеть старую и больную жену.

— Я тебя люблю, жена моя, — тихо произнёс Виктор.

— Знаю, мой родной, но я себя разлюбила — вот в чём штука, — с надрывом в голосе произнесла Изольда.

Прошло полгода с тех пор, как Изольда попала в автомобильную катастрофу. Сначала больница, переломы, ушибы. Лекарства с непереносимым запахом. А что потом? Дом, клюка и немощность. Она корила себя за то, что осталась на этом свете такой. Танцы, утренние пробежки, поездка за город к друзьям. И что теперь? Глухая пустошь. Смотря на своё отражение в инкрустированной раме зеркала, она зацепилась взглядом за первые седые волосы на своих чёрных кудрях, морщинки под глазами и этот серый цвет лица. Всего каких-то сорок девять лет, впереди юбилей, а жить не хочется. Нет, не хочется жить!

Переплетение мыслей, воспоминаний и телефонных звонков, на которые она не отвечала, стали единственным событием за прошедший день. К вечеру возвратился с работы её муж. Он молча поел и ушёл в свой кабинет. Изольда так хотела поговорить с ним, но сон предвосхитил ожидание разговора. Она проснулась в час дня. Маятник настенных часов весело раскачивался на оси времени. Спальня в голубых тонах выглядела как-то по-особому празднично. Впрочем, о кукле её детства этого нельзя было сказать.

— Ну что, Мария, пойдёшь ко мне на руки? Давай с тобой пощебечем, — потянулась за ней Изольда. — Чего-то ты сегодня

такая грустная, наверное, я на тебя действую отрицательно, — держа в руках большую куклу в шикарном золотистом кружевном платье, произнесла шёпотом женщина.

Проведя рукой по густой шевелюре фарфоровой головы куклы, Изольда поднесла её к лицу.

— Что это попало в твои волосы? — спросила она Марию.

В жгучих, чёрных волосах куклы было несколько седых волос. Взяв с прикроватной тумбочки очки, Изольда внимательно рассмотрела искусственные волосы. Странно, ничем не испачкано, действительно, похоже на седину.

«Возможно, у меня галлюцинации», — пронеслось в голове женщины.

— Пойдём, Мари, я сварю кофе.

Взяв на руки куклу, женщина, опираясь на трость, медленно пошла на кухню. Остановившись у зеркала, она осторожно посмотрела на себя. Не сон, а явь предстала перед ней. Те несколько седых волосков на её голове почти полностью исчезли. Целый день Изольда провела в каком-то возбуждении. Ей казалось, что здравый рассудок померк. Тонкий намёк Виктору на наличие у неё седины был им отвергнут.

— Перестань говорить чушь! В конце концов, долго ты будешь мучить себя и меня? — с возмущением произнёс он.

— Спасибо, за чай. Впервые за четыре месяца ты заварила свой фирменный чай, — уже более смягчённым тоном произнёс он, ласково проведя своей ладонью по её выющимся волосам.

Про куклу Изольда промолчала. Но, верно, стоило теперь обратить внимание Виктора, когда следующий день изумил её ещё больше. Это невозможно, но у Марии померк цвет красок на кукольном лице. «Где тот яркий искусно прорисованный румянец? Она ведь кукла!» — раздался громкий голос внутри сознания пораженной увиденным женщины, крепко держащей в руках куклу. Доковыляв до зеркала, она увидела себя, но другой. Лицо, доселе бледное, стало играть румянцем, и заметно посвежела кожа. Взяв деревянную массажную расчёску, Изольда, с улыбкой смотря на себя в зеркало, стала медленно, с нежностью расчёсывать выющиеся свои волосы.

Она с нетерпением ждала возвращения мужа. Виктор вернулся к вечеру, супруга вышла к нему на беседу.

— Виктор, ты должен выслушать то, что я скажу, только не смейся, ради Бога, — с искоркой в глазах, которую мог видеть только её муж, произнесла Изольда.

— Я с удовольствием готов выслушать тебя, но с условием, что твоя улыбка не покинет уст твоих.

— Возможно, я свихнулась, но с Марией твориться что-то странное.

— Что может произойти с этим рукотворчеством?

— Посмотри внимательно, она изменилась, — укладывая на руки мужа куклу, с ноткой таинственности в голосе произнесла Изольда.

— Не знаю, я редко обращаю на неё внимание, по мне — ты меняешься в позитивную сторону, — сказав это, Виктор нежно поцеловал жену в уголки губ. — Пойдём спать, любимая. Завтра будет завтра.

Ранним утром Изольда, разжав усталые кисти рук, отбросила трость и, балансируя руками, отошла от зеркала. За ней как будто наблюдали грустные померкшие глаза, почти растаявшие на бледном фарфоровом лице. Седина почти полностью поглотила чёрные волосы Марии, а пухлые губы, которые ещё три дня назад были такими сочными, как спелые красные ягоды, потеряли блеск и яркость.

Взяв в руку телефонную трубку, Изольда набрала номер своей подруги.

— Настя, привет, это я! Представь, стою сама, без опоры, на чём свет стоит, — весело произнесла женщина. — Пойду готовиться к встрече супруга, сегодня надеюсь порадовать его кулинарными секретами...

Прошло три дня.

Виктор курил в своей машине, припаркованной у обочины загородного шоссе.

— Витя, я вижу, ты сегодня сияешь, — заметил кареглазый бородач, сидящий рядом.

— Да Марат, ты верно подметил — сияю. Звонила жена на сотовый, именно моя прежняя — весёлая, озорная.

— Хм, я рад за тебя и за Изольду, — дружески похлопав по плечу Виктора, с улыбкой произнёс Марат.

Виктор взял пакет с заднего сидения машины и передал другу.

Марат с сожалением посмотрел в него и произнёс:

- Жаль уничтожать свои творения.
- Спасибо тебе за твой талант, я восхищён им, — с искренностью произнес Виктор.
- Ты, Виктор, не менее талантливо срезал у Изольды седые волосы. Да, кто бы мог подумать, что пустые фарфоровые кукольные головки смогут сотворить такое чудо в судьбе человека, — с удивлением изрёк художник и, присвистнув, выкинул пакет прочь.

ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК

«Светлячки» в глазах, прямая осанка и гладко выбритое скуластое лицо с сельским румянцем. Особенно омерзительна эта улыбка, до отвратительности дружелюбная. Он жаждет произвести на меня благоприятное впечатление, не человек, а кусок позитива в яркой тканой упаковке.

А вот нежеланный гость предлагает мне свою холёную руку для обмена дружественным рукопожатием. Я слегка надавливаю на его конечность, при этом, стискивая зубы, с прищуром смотрю на его шею и движение кадыка.

— Илья! — громко представляется он.

— Папа Анастасии, — с безразличием произношу я, чувствуя его некоторое замешательство. Он обшаривает своими близко посаженными глазками с растерянным взглядом мою гостиную, явно ища предмет для замеса обоюдного, а следовательно, успешного знакомства со мной.

— Под потолок посмотри, — вдруг захотелось помочь мне ему.

— И правда, виноват, невнимателен, это ваши работы? — дивится он, рассматривая модели военных самолётов.

Я молчу, терпеливо слушаю придурка.

— Это же какой кропотливый труд! — фальшиво играя в восхищенье, восклицает он.

— А ты каким ремеслом владеешь? — подходя к камину, без интереса вопрошаю я.

— Я-то? — быстро переспрашивает он.

— Тупой, — расщепляя полено, отзываюсь я.

— Извините, что?

— Ой, вот что, чем занимаешься в жизни?

— Я дантист.

— Садист.

— Опять не расслышал вас.

— Садись, говорю, сейчас огонь оживлю, душевно пообщаемся, — скрипнув зубами я одарил его своей гримасной улыбкой, нарочно разученной перед зеркалом для таких, как этот.

Знаете, что меня более всего раздражает в людях? Их предсказуемость поведения. Они ведут себя шаблонно, под стать своим прапредкам. Ну что же это, в самом деле? К чему этот доморощенный театр? Я же не придаток памперса, а большой дядька и отчётливо понимаю, что этому мальчику, у которого нос пипочкой, я — личность — безразличен. Ему нужна только моя дочь. Дочь — моё вдохновенье, сила, смысл моей нелёгкой жизни. Та, ради которой я готов на любую высоту и на самое низменное падение, переходя крайности дозволенного социальными нормами... Я созидатель всего, что пойдёт ей во благо и уничтожитель того, что попытается встать на её пути, ибо нет в этом мирке ничего, что было бы мне настолько бесценно.

Огонь пылал. Размышляя, я метнул взгляд на гостя, затем в волны пламени. «Нет. Это слишком мелко, даже для него», — подумалось мне, и, потирая руки, я дружелюбно улыбаюсь в ответ на его зубоскальство.

— А можно полюбопытствовать? — обращается он ко мне.

Я сажусь в кресло напротив него, открываю бутылочку джина, жадно вдыхая ароматный жар плавленной древесной смолы.

Он, не дождавшись моего дозволения, глотает второе предложение, запивает моё угрюмое молчание в ответ на его голос коротким глотком доброго джина.

— Ты про меч хотел меня спросить? — будто переживая, что я так ничего и не ответил, внезапно оживился я.

Он кивает — и опять напротив меня эти обнажённые кривые, чужие зубы.

Своей угнетающей улыбкой он напоминает мне соседскую дворнягу, которая почти так же мне улыбнулась, когда я случайно наступил ей на её линияющий хвост.

Этот типоз всячески старается склонить меня к бестолковому разговору. Если бы были открыты жалюзи, он бы тему погоды не обошёл стороной.

— Итак, Илюша. О самолётках и прочих безделушках я с вдохновеньем устрою тебе экскурс, но чуточку позже, лады? — бросая полено огню на съеденье, произношу я.

— Да, хорошо, конечно, — кивает он.

— Очень мило, что ты такой безотказный. Теперь по делу. Сколько тебе лет?

— Тридцать четыре.

— И у тебя на мою Анастасию определённые, хм, виды?

— Я пришёл к вам поговорить по этому поводу.

— Ты запросто называешь это поводом? По-моему, это слово здесь неуместно. Нет, я не придираюсь к словам, в мои времена сие именовалось с большим уважением, люди в выражении своих чувств были намного изобретательней.

Третий глоток спиртного настоя пнул его железный мозг, который сообразил, что папа Аси ещё та непростая сволочь. Я прочёл эту точную мыслишку в его глазках, оные ещё больше уменьшились от лёгкого свода белёсых бровей.

— У меня самые серьёзные намеренья, я хочу попросить руки вашей дочери, — высказывается он. Его слова прозвучали так, словно он мне нос утёр.

Только вдумайтесь в этот бред! Он хочет! Такие вот сваливаются ниоткуда, в лёгкую просят у рачительных родителей руки их дочерей, а у доченек при этом требуют дать совсем другую часть тела. По меньшей мере, это изначально вопиющий лохотрон!

Вальяжно сидящий напротив пригубил обжигающий джин, он набирает его в ротовую полость, затем образует глоток, который втекает в его гортань, и в этот долгожданный мною момент, я громко и чётко с рёвом выкрикиваю: «Я согласен!», — пристально смотря на него. Да! Илья краснеет, его розовый рот приоткрыт, лишь слышен сип и мой шёпот торжества: «Давай, давай, ну...»

Дуракам везёт, увы, ему удалось-таки вдохнуть и закашляться. Я с отчаянием ударяю по столу, а затем, привстав, часто постукиваю будущего зятя кулаком по спине, косясь на висящий над камином кинжал, соседствующий с мечом.

— Вы спасли мне жизнь, — держась за горло и нависая над столом, тяжело, с хрипотцой выдавливают он никчемную мне благодарность.

Я с испорченным настроением встаю и набираю номер на мобильном телефоне. После утвердительного ответа, смотрю на часы, затем на модели самолётиков и отключаю связь. Илья молчит, но продолжает жить.

— И когда состоится ваше бракосочетание? — усаживаясь напротив него, упавшим голосом вопрошаю я.

— Приблизительно через шесть месяцев, — приходя в себя и, тем самым, выводя меня из себя, отвечает он.

Я беру чугунную кочергу и стучу по каминной решётке так, словно это коротко стриженная Ильюшкина голова, после поворачиваюсь и отвлечённо обращаюсь к нему:

— Что ж. Не моё дело — вникать в ваши молодые дела, ты, надеюсь, не откажешь папе своей возлюбленной в бумажной формальности, так сказать, для отцовского спокойствия за счастье дочери.

Отворачиваясь от очередной порции его улыбки и одобрительного кивка, я вытягиваю из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и подаю ему, он разворачивает, я щёлкаю колпачком шариковой ручки и поясняю:

— Илья, лишь только твоя подпись и сегодняшняя дата.

Мои мышцы расслабляются, я даже не обращаю на прищельца никакого внимания, а смысл? Когда тебе хорошо, стоит ли отвлекать себя всякими мелочами? Чуть опустив веки, я слышу его недоумевающий вопросительный взглас:

— Это серьёзно?!

— Даже не сомневайся, — тихо отвечаю я.

Он вновь восклицает:

— Вы страшный человек!

— Красавцем никогда не слыл, но разве для мужчины это так важно? — отмахиваюсь я в сторону мальчишки.

— Хм, то есть, обидев когда-нибудь вашу дочь, я, вы меня... Но, это мягко скажу, бесчеловечно! Ничего не понимаю... — с перерывами в пару секунд вторгается он в мир моего умиротворённого состояния своими необдуманными фразами.

Я нехотя открываю глаза, кряхтя, поудобней располагаясь в кресле, и задаю ответные вопросы:

— Что тебе непонятно? И каким мягким «скажу» ты тут глаголешь? И почему бесчеловечно? — После паузы чётко даю ему на них ответы: — Я состою в международном обществе защиты животных, претензий ко мне никто не предъявит, крысам-то будет чем дышать, в бочке для этого отверстия предусмотрены.

— Вы что, сумасшедший? — он смотрит на меня.

Вот! Вот его натуральное лицо, без грима «хороший парень»! Такое рожистое выражение лица с хамоватой интонацией проявляется перед доверчивыми родителями дочурки через год, а у меня эта криворотая морда скороспело вызрела в течение одного часа.

Он не унимается:

— Вы меня живьём сажаете в металлическую бочку с живыми крысами и вывозите в лес, долго думали? — продолжает хамить будущий зятьёк отцу, искренне давшему согласие на брак единственного ребёнка.

В ответ я поправляю шейный платок и, смирившись с неприятливым тоном, вежливо поясняю:

— Ильюша, думал я недолго, с детства любил хомячков, но крысы-то поумнее и шустрее пухлощёких. И уж вовсе не понимаю твоих опасений, ежели ты в действительности искренне любишь мою девочку и желаешь ей от всего своего сердца, пылающего любовным ярилом, счастья, то к чему эти поношения моих маленьких родительских прихотей? Ты ведь не обидишь Асеню? И что тебе тогда бояться? Ты ещё всех крыс на планете переживёшь!

Илья с тревогою смотрит на меня, затем с надеждою на бутылку джина, снова на меня и занудно вопрошает:

— Маленьких прихотей? Это же крысы, они едят всё...

— И-ме-нно, — протягиваю я это короткое слово и, шутя, пальцем тыкаю в его мягкий живот. Жених вздрагивает, другой реакции я не ожидал.

— Действуй обдуманно, а я пойду, двери открою, — встаю, обращаясь не к нему, а к модели бомбардировщика, нависающей над сжатой осанкой гостя.

Через минуты три мы побеспокоили Жениха. Нет, у меня не мания величия, мы — это я и Антип.

— Познакомься, мой будущий обожаемый зять. Антип Ильич, мой доверенный нотариус, заверит твою подпись, ты же уже расписался?

Илья потеет, вытирает лоб, после шеи, не будь в нём присущей нормальному человеку стыдливости, он бы при нас много вспотевших мест на себе обезжирил.

— Вас посадят. Это незаконно, и ваша бумажка никакой юридической силы не имеет, — жестикулируя перед собой пальцами, словно с ними разговаривая, объясняет он.

Мы с Антипом переглядываемся. Я подхожу к молодому человеку, произнося увещание:

— Ты прав, и всё же это будет первый юридический прецедент! Конечно же, его, вероятно, признают недействительным, разве это важно? Иное первостепенно: мужественное добровольное лишение себя жизни с осознанием собственной вины перед любимой женщиной, истинный самосуд, несравнимый с жалкими угрызениями совести, крысиные зубчики грызут иначе. На эту идею справедливости обратят внимание не только законники, но и родители дочерей. Те самые мамочки и папочки, матери-одиночки и одноимённые отцы. Они, пролившие слёзы, пережившие с малых ногтей все болячки, ушибчики своих девочек, вложившие в них свою душу, любовь, да что там, всю свою жизнь, дабы взрастить дарование небес...

А что после родительской любви? Появляется нечто в штанах и шляпе, морочит ребёнку голову по схеме плотского обольщения, затем превращает женщину-жену в невольницу своего эгоизма. Это ничтожество ежедневно выпивает из вашей доченьки энергию мечты о счастье. Свекровка ничуть не отстаёт от высасывания соков невестки. А опосля многолетнего морального и физического пиршества упырь перешагивает через вашего опустошённого ребёнка, изломав, вышвыривает на задворки жизни.

Ладно, я тебя уже совсем заговорил, ты уж прости, это видимо возрастное. Антип, заверяй его подпись.

— Я ничего не подпишу, Папенька сумасброд! Дурика нашёл, уху! Ишь, всего в бочку затолкать хотел! Да, ноги моей здесь не будет!

Илья сорвался с насиженного места, и вскоре мы с нотариусом услышали хлопок входных дверей.

Мне остаётся лишь пожать плечами и проводить Антипа, чувствуя неловкость за случившееся. В моё тело «вошла» усталость, я тяжело вздыхаю, снимаю пиджак и шагаю в гостиную.

— Папа, камин погас, — слышу я голос дочери, а сердцем чувствую в нём боль.

Она в кресле, она в грусти.

— Ты всё слышала, Анастасиюшка.

— Да папа, всё. Если бы ты знал, какие слова он мне говорил, а клятвами сыпал... — слёзы обрывают её.

— Слова не дела. Не плачь, пусть плачут те, кто не с тобою, — отвечаю я, и ласково глажу её склонённую голову с русыми кудряшками. Я с умилением любуюсь своей принцессой.

Она через слёзы улыбается и меняет тональность голоса на нежность:

— Пойдём спать, устал тут сидеть? Ох, Руслан, и за что я на тебя тогда обиделась? Глупая... — на выдохе вопрошает она дремлющего грызуна в своих раскрытых ладонях.

ПО ТУ СТОРОНУ СКАМЕЙКИ

Майский жук, лениво выбравшись из расщелины бетонной стены, пошевелив усиками, пополз, огибая сочный резной лист одуванчика, к изумрудной прохладе газона, который ещё не успела заштриховать своим бледным колером городская пыль. Увернувшись от мощной горячей струи, жук быстро покидал тень, созданную мохнатой, задранной вверх лапой неведомого четвероногого существа. Не успел он преодолеть одну опасность, как другая встала на его пути зашнурованным коричневым ботинком. Этот ботинок, впрочем, как и другой, принадлежал сутулому молодому человеку.

Одурманенный весенним ветром, смешанным в шейкере воздушных потоков, из ингредиентов: цветочной пыльцы, людских феромонов, партитуры нот духов и углекислого газа, юноша наслаждался.

Расстегнув ворот клетчатой рубашки, он, чуть прищурив глаза за толстыми линзами роговой оправы очков, обратился ликом своим к солнцу.

Его наручные часы никуда не торопили его, а ноги направляли разгоряченное тело в сторону скамейки, стоящей у многоэтажного дома.

В целлофановом пакете, который он нёс, соседствовало духовное и плотское. А именно — хорошая книга и прохладное пиво. Эти различные по своему содержанию элементы досуга должны были разнообразить действиями его сидящую, скрюченную на скамейке позу и наполнить разум мифическим миром, поневоле проходящим в параллели с алкогольным восприятием.

Девятая глава в его разуме начинала своё повествование, когда в желудок опустились два пенных глотка.

— Моя нежная Ормили́на, я сразил тирана Базифора! Разреши мне прикоснуться к теплу ярила руки твоей, услышать струны арфы голоса твоего, испить устами своими свежесть щёк твоих, румянец коих сравним с зарёй звезды небесной.

— О мой рыцарь света Алиус, покрытый славой вечного рассвета, планет миров Лами́ра! Прости, не знаю, что со мной. Наверное, опять открылся геморрой!

Молодой человек вздрогнул. Последние слова не принадлежали героине книги, они ворвались в отвлечённый иным миром разум извне. Он поднял кудрявую голову и увидел двух весёлых старушек, оккупирующих, с беспорядочным гомоном визгливых голосов, соседскую скамейку.

— Паня, я тебе говорила, предупреждала...

— Тося, последствия бурной молодости — это болячки старости, для которых новокаи́н — приятные воспоминания. Ха-ха-хи!

Поправив очки, молодой человек, отпил пиво и стал искать глазами последний прочитанный абзац.

— Алиус, мне сегодня снился дивный сон. Этот сон принёс меня к ручью кристаллов. Я узрела, как ты обрёл меня. Ты поглощал меня без устали, подобно скульптору ваяли твои руки моё тело. О, как был прекрасен ты! В воплоще́нье нежности, так щедро ты одаривал меня своим теплом и лаской. Глаза твои туманили мой разум. А я была полна тобой. Была подобна пёрышку, которое несло́сь в потоках ветра океанского безбрежья. И ты поднялся надо мной, в засаленных чулках и с грязной головой!

Юноша аж подпрыгнул и хлопнул себя по колену от досады. Старушки манерно курили и продолжали оживлённо стрекотать, посылая звуковые волны с высокими частотами в сторону проходящих мимо девушек и женщин.

— Паня, ты смотри, как дама распушила свои телеса. Да, вот та.

— Ну и платье, надо же было так себя зачехлить. Бёдра все живут отдельно от туловища, — согласилась Паня, выпуская струю табачного дыма.

— Тось, а вон, видишь худышку. Какие брюки, цвета украинского борща.

— Да ладно цвет, ты посмотри на штанины, они ведь даже не шевелятся. Штанины огромные, а ножки, поди, как у комарика. Хи-хи-ха-хи.

— Наверное, она их в цементе замачивала.

— Точно, Тося, а в паркетном лаке полоскала.

Юноша, окончательно потеряв связь с литературой, отчаянно целовался с горлышком пивной бутылки.

— Паня, вот это Барби шоу стар!

— Где?

— Да вон, та Белоснежка.

— Ха-ха! М-да. Можно делать ставки, кто домой первым войдёт, её живот или бюст. Это же надо было так белым облегающим себя обтянуть.

— Слушай, вон рядом с рыжеусой лысостью красота трюхает.

— Ну, Тося. Что могу сказать, штаны, конечно, ничего. А вот куртка.

— Куртка яркая красная!

— Это, видно, она у своего мужика крови напилась! Ха-хи-хи.

— Нет, что за фасон? Попа брюки зажевала, а куртка сзади оттопырилась, наверное, зад брезгует. Ха-ха-ха!

— Тося, ну, вот если бы на этой куртёхе пояса не было, всё бы ничего. Но вот цвет...

— Ну, не знаю, Паня. А вот девица с сумочкой, — указала сухой рукой в сторону девушки Тося.

— Это та, в вязаном пальтишке?

— Слуша-ай. Обрати внимание на её воротник.

— Да, да. Такое чувство, что у неё на шее два потных скунса любовью занимаются.

— Нет, ты посмотри лучше на накладные карманы, здоровенные какие.

— Да. Она, видать, вор-рецидивист супермаркетов. Хи-хи-хи.

— Во-о-о-он, Тося! — подскакивая на скамейке, Паня закивала в сторону женщины.

— В оранжевом?

— Да!

— Оранжевый свитер с чёрной полоской, да? Ну, это скрытая реклама марокканских мандаринов.

— Не сезон. А юбка у неё, как будто ею кому-то рот затыкали.

— Одним словом — тафта. Стирала в стиральной машине, на программе «Безумная стирка». Хи-ха-ха-а-а.

Молодой человек посмотрел на часы, а затем на недопитую бутылку пива и, тяжело вздохнув, закрыл глаза, жалея, что природа не предусмотрела закрытия ушей.

— Паня, я очаровательно дурею, вот это джинсы. Ну, надо же было на такие короткие ноги надеть клёш, да ещё закрывающий туфли.

— Ты лучше посмотри на то, что на них наляпано.

— Это заплатки?

— Какие заплатки? Это носовые платки кутюрье. Коллекция пролитых слёз. Хи-хи-ха-а-а-а-а!

— Ладно, Паня, проехали. Обрати внимание на ту художавую блондинку.

— С мужиком под мышкой?

— Итальянская пара.

— Она в чёрном платье. Традиция Коко...

— Не продолжай, просто коко, а он куку. Хи-хи-хи-и-и.

— Тось, я липко таю. Ну, надо же было на такую плоскую прямую фигуру надеть прямое чёрное платье, да ещё и без бретелей.

— Пловчиха, плечи во какие! Наверное, телохранитель этого мужика-колобка.

— Да-а. Он от мафии ушёл, от налоговой ушёл...

— А вон миловидная особа с парнями.

— Ну, юбка с запахом.

— С запахом, ставь правильно ударение, Паня. Поэтому парни рядом в пыли её очарования клубятся.

— Додумалась на узкие бёдра натянуть такую юбку, да ещё с заниженной талией. Талия-то у неё длиннющая. А вот топик ничего.

— Да, согласна, но мне такой не пойдёт, — доставая пудреницу, произнесла Тосья.

— Тось, полюбуйся на марш инфантилизма. Каково?

— А, по-моему, мило. Симпатичное платице-рубашечка, даже очень. Почти ночнушка. Эх, приступ лунатизма затянулся, и девочка продолжает ходить во сне.

— Нет, ну при чём здесь кружева? Так раскатать ими себе объём и без того толстых рук!

— Паня, ты рассмотри идущую за ней.

— Ты имеешь в виду её бриджи?

— Ну, хотя бы.

— Да, коленные чашечки крупноваты, зачем их было так обнажать? Манжетки так и застряли на них. А может — это трудовые мозоли? Хи-хи-ха! Ой, нужно пожалеть девочку.

Тося закурила и кивнула в сторону девушки с борзой.

— Паня, ты о собаке?

— О её хозяйке.

— М-м-да. Мини-юбка, да ещё стягивающая широкие бёдра, она так и ползёт вверх. Нужно было при раскрое прибавить по бёдрам пару сантиметров.

— Слушай, а может, это иностранный шпион с собакой секреты вынюхивают?

— Точно, ещё пару шагов — и из-под юбки вывалятся яйца и кобура!

Тося от смеха подавилась табачным дымом и активно закашляла.

Юноша сделал глоток. Последняя капля пива явилась следствием последней капли терпения.

— В конце концов, перестаньте оскорблять женщин! — возмущённо выпалил он в адрес двух особ, с грохотом бросая бутылку в урну.

Старушки одновременно медленно повернули голову в сторону нового звука и объекта.

— Тося, как, он сказал, его зовут, Оскар?

— Да, а вот фамилия распространённая, так и вертится на языке.

Тося и Паня встали и подошли к молодому человеку, нависнув над ним.

— Что, сынок, познакомиться с нами хочешь? С обеими или по частям? — сплёвывая окурок сигареты, метко попав в урну, медленно произнесла Тося.

Юноша оторопел и, обхватив руками книгу, подобрал голову в плечи.

Резкий рывок вырвал книгу из его рук. Паня посмотрела название книги и жёстко вымолвила:

— В наше время, вьюноша, за такую литературу сажали, по статье — 965 «Разбазаривание семенного фонда страны».

— Ладно, Паня. Оставь этого рукоблуда, некогда. Линять пора.

Молодой человек ещё с минуту не мог прийти в себя, глядя на быстро удаляющиеся фигуры. Вой сирен полностью вывел его из этого состояния. У тротуара остановились две машины — полицейская и скорой помощи. Два внушительного вида полицейских в компании с худеньким пожилым врачом окружили растерявшегося юношу, который от неожиданности встал.

— Пацан! Тут двух бабок не видал? — басовито заявил один из полисменов, при этом щёлкнув пузырьком жвачки перед носом молодого человека.

— Послушайте, мы разыскиваем двух старушек, они сегодня сбежали из нашей психиатрической клиники, мнят себя модельерами, — любезно обратился врач.

Сглотнув, юноша посмотрел в ту сторону, где скрылись две старушки. И пожал плечами.

— Слышь, Сахно, он датый. Нам для плана нужно, давай отвезём его в отделение, — обратился один полицейский к другому.

Врач, при этих словах, покачал головой:

— И у вас план? Да и у нас то же самое.

— Да ты не беспокойся, док. Мы его пару часиков у себя придержим, станет и вашим клиентом, — хлопнув в ладоши, заверил полицейский врача. — Лады? А ты полезай в машину, — ткнув пальцем юношу в грудь, грубо промолвил второй полицейский.

Врач, взяв юношу за запястье, ласково произнёс:

— Молодой человек, не забудьте, пожалуйста, свою книгу, мы вам по ней диагноз поставим.

Сделав в воздухе круг, на пустую скамейку приземлился майский жук, получив наслаждение от величия природы и её вечно безмятежной свободы.

ОН

Те люди, что встретились с тобой и рядом шли по жизненной дороге, плохими не были. Они шагали так, как воспринимали этот путь их ноги.

Я никогда не вела личный дневник. Считала это занятие пустой тратой времени, эмоций и уделом морально слабых лю-

дей. Однако события, ворвавшиеся в мою тихую, устоявшуюся жизнь... Да что там говорить, высвободившие меня из плена топи стоячего болота, побудили меня прибегнуть к такому способу изложения собственных мыслей, чтобы вновь понять себя, а возможно, и вспомнить в себе ту женщину, которая перестала дышать в унисон с мечтой и испытывать сердцебиение любви.

И сейчас, перечитывая свой дневник, я достаточно чётко вижу саму себя со стороны. Ту женщину, которая всё же имеет право на счастье, надежду и долгожданную любовь.

04.01.2007 г.

Моя первая запись. Надеюсь не последняя. Праздники прошли, что называется, на «ура»! Я так не веселилась... Когда — уж и не припомню.

Подруги, сотрудники и... Боюсь даже говорить вслух. Ну, всё же напишу. Да, я познакомилась с мужчиной. Впервые за пять лет мне кто-то из этого племени был приятен. Откуда была такая неприязнь? С того самого смрадного и мерзкого отрезка моей жизни, что называется «развод». Мне хотелось флиртовать с ним, быть самой собою. Возможно, я позволила себе расслабиться, и яркое впечатление о нём — всего лишь мираж?

06.01.2007 г.

Его настойчивость меня настораживает. Цветы, которые он присылает мне на работу. Да ещё эти стихи. И кто придумал этот SMS? Зачем дала свой номер мобильного? Одни вопросы. И почему я так волнуюсь, когда слышу его голос?

07.01.2007 г.

Сегодня он пришёл ко мне домой. Двери ему открыла моя дочь, Яночка.

Вот глупая! Я не пустила его в квартиру. Пообщались в коридоре. Но вот что любопытно: он моментально нашёл общий язык с ребёнком.

Вообще, насколько мне известно, чужие дети никому не нужны. А тут!

Я не говорила ему о ребёнке, но эта неожиданная новость, насколько мне показалось, даже обрадовала его. Хм, странный тип.

08.01.2007 г.

Сижу одна на кухне. Дочь спит. Тишина, будто уши заложило. Сегодня он не звонил. Вот дура! Сама себе обещания клятвенно давала: больше не верить мужикам ни-ког-да!!! Почему-то опять вспомнила своего бывшего супруга. Хотя он мне напоминает о себе ежедневно. Дочь — его копия. Слава Богу, только внешне. Я прожила с Кириллом два года.

Каждый прожитый с ним день был подобен ядовитой капле, которая отравляла меня, убивала во мне женщину, личность, человека. Его гадостные замечания по поводу моей внешности. Особенно, когда я забеременела.

— Ты — толстая тёлка или клуша? — с издёвкой указывал он мне.

— Ты что, рябой стала? — меня рябые тётки отвращают.

— Купи себе пояс, а то на животе растяжки появятся, потом с тобою сексом только в темноте заниматься...

Нет, у меня нет злости на него. Сама по доброй воле и любви вышла за него замуж. Даже сейчас, когда я вспоминаю, как на третий день после родильного дома получила от него оплеуху по лицу только за то, что не постирала ему брюки. А эти ночи, когда грудной ребёнок рыдал, а он ногами спихивал меня на пол, грязно при этом ругаясь. Его ночные загулы — это вообще отдельная глава. И вот однажды это чудовище на моём дне рождения, изрядно напившись при всех, толкнуло меня и назвало грязной скотиной, которая должна была танцевать перед его начальником, которого оно и пригласило. Я сказала всё! А после развода — год преследований, ночных звонков, оскорблений. И — о счастье! Он уехал. Да, Кирилл уехал в Америку. С работой и карьерой у него всегда ладилось. Фу, и что я всё это пишу? Зачем всё это сызнова вспоминаю? Как тошно на душе. Звонит мобильный. Ну, кого там ещё?

Это Артём!!!! Так, дневничок, до новых встреч!

11.01.2007 г.

Вот опять сижу, пишу. Читала своё негативное повествование за восьмое число. Будто не про себя. Даже жалко эту женщину стало. Жалость к самой себе чем-то напоминает мелкую царапину в раннем детстве.

Когда плачешь не столько от боли, а от испуга за саму себя.

Хватит о прошлом. Артём. Нарисовала его образ. Смешной получился.

Кто он? Опять я вся в вопросах и сомнениях. Возможно, это от неуверенности в себе самой. Неужели я очаровательна? Способна вызвать сладкую дрожь души, наполнить счастьем всё живое? Это его слова. А эти стихи:

Мой Ангел, созданный Всевышним!
Ты, вопреки холодному покою дней моих,
Пришла ко мне и нежной ласковой рукою
Согрела моё сердце, замерзшее во льду тоски реки безбрежной.
Ты, словно тысяча светил,
Преобразила светом мой мирок унылый,
Наполнила его духовным смыслом,
Спасла и сохранила душу падшую мою.

Слова, слова. Мы были в ресторане. Артём заказал для меня песню, подарил шикарную золотую брошь. Нет, я не приняла его дар. Всё слишком быстро. Я в замешательстве. А может, я боюсь идти навстречу счастью? Странно, но впервые я написала это слово с ощущением его смысла.

13.01.2007 г.

Артём. Это имя мне кажется необычным. Человек, обладатель этого имени, для меня стал загадочным. А что, собственно, я о нём знаю?

Работает в дочерней фирме нашей компании. Возраст? Немного моложе меня. Надеюсь. Умный, внимательный, галантный, красивый, желанный.

Так, стоп! Ты, девочка, увлеклась! Да, блин, а почему бы и нет!

16.01.2007 г.

Хотела вчера всё записать, но не было сил. Впервые я обессилела от чувства радости. Это было подобно тому, когда ты купаешься в знойный летний день. Речка противоречит тебе своим ласковым течением, а ты продолжаешь плыть на тот берег. Незведанный, новый, благоухающий полевым цветеньем. И вот ты, доплыв, выходишь на этот чудесный берег обессиленная, но... Хм, что-то я в прозаики подалась. Открываю новенькое в себе.

Возможно, я снова становлюсь сама собою? По-моему, я смогу полюбить Артёма уже за то, как он относится к моей дочурке.

А может, я его люблю? Глупости! Эта косматая борода мне совсем не нравится. И я, по простоте своей, объявила ему об этом. Вчера великолепно провели время! Ездили в парк водных аттракционов, затем посидели в кафе. Артёма было не оторвать от общения с моей дочкой.

Яночка в его присутствии вела себя, как полноценный ребенок, у которого есть папа. Она была капризной, весёлой, забавной. Я даже немного по-матерински заревновала. Дочь всегда со мною такая взрослая, а тут дитя дитём. Будто ей не семь, а четыре года. А может, мне так же инфантильно вести себя с Артёмом? Надо попробовать.

18.01.2007 г.

Он сумасшедший! Пришёл сегодня ко мне на работу. Все наши тётки с мест повыскакивали, оживились. Даже старая облигация, Елена Валерьевна, не поленилась губки подкрасить. Как всегда, шикарный букет, отличный отглаженный костюм, по которому я его и узнала. Он сбрил бороду! Вот, знакомься заново. Привыкай к новой внешности. Что же, будем влюбляться в обновлённого Артёма. Не мужчина, а сюрприз в моей жизни! Нет, подарок!

23.01.2007 г.

С двадцатого числа хожу сама не своя. Может, мысли сложатся в дневнике? Попробую. Итак. Вечером мы были в ночном клубе. Я даже закомплексовала. Уже давно не юная девочка, а тут на тебе, танцульки. В танце он поцеловал меня. Да, вроде, тоже не столь юная, чтобы переживать по поводу поцелуя, но всё же. Я вздрогнула, замялась. Хорошо, что пощёчину не отвесила. И тут он, что называется, подлил масла в огонь, который уже вспыхнул во мне.

Огонь желания, страсти! С ума сойти, ведь у меня голова закружилась.

Меня больше пяти лет вот так не целовал ни один мужчина. А тут любимый мужчина. Артём взял мои руки и расцеловал их, а потом встал на колени и громко воскликнул: «Я люблю тебя!» Он протянул мне свои большие ладони, держа на них от-

крытую коробочку с обручальным кольцом. Все танцующие около нас расступились и захлопали в ладоши.

А я, как деревянный идол, стою не шелохнувшись. Вот зажатая! Я так ничего и не ответила. Через полчаса Артём привёз меня домой.

Яночка не спала. Она отличилась не меньше, чем я. Тут же у порога стала показывать ему семейный альбом. Зачем?! И конечно, показала фотографию Кирилла.

— А это мой папа! Он в Америке, — похвасталась дочь. Было бы кем.

Артём при этом занервничал, слабо улыбнулся и уехал. Что мне делать? Что? Я люблю Артёма! Очень сильно люблю его. Когда же он позвонит мне? А может, самой позвонить? О, эта сволочь Кирилл! Хотела порвать, сжечь, растоптать его мерзкую фотографию, но не нашла. Завтра весь дом переверну, но найду!

27.01.2007 г.

Вспомнился фильм «Москва слезам не верит». Момент, когда пропал Гоша, а потом его нашли. В финальной сцене героиня Алентовой произнесла такую фразу: «Как долго я тебя ждала». Я не ожидала, что жизненная ситуация этого эпизода фильма станет моей. Артём, в отличие от Гоши, пришёл сам. Мы с Яночкой на седьмом небе от счастья!!! Я благодарю судьбу за то, что подарила мне этого человека. Мне и моей доченьке. Впервые в жизни я почувствовала себя любимой женщиной. Только рядом с Артёмом я вкусила это блаженство!

На часах уже без пятнадцати. Всё пора. Он сейчас придёт, а у меня бигуди на голове. Целую тебя, мой маленький дневничок. Возможно, ты тоже сыграл свою роль в обретении мною счастья.

Мужские кисти рук закрыли цветную обложку миниатюрной книжечки с аккуратными записями. Светлые глаза обратили взгляд в зеркало.

— Артём, мы тебя ждём! Ты ещё долго будешь мыть руки? — раздался за дверями ванной комнаты весёлый голос Маргариты.

— Дядя Артём, мы без вас не начнём! — последовал весёлый детский голосок.

— Иду, иду, мои хорошие, — отозвался он, убирая дневник Риты во внутренний карман пиджака, попутно другой рукой доставая из соседнего фотографию, на которой был изображен Кирилл.

Приблизившись лицом к зеркалу, он взглянул на фото.

— С возвращением тебя в семью, Кирилл, — шёпотом произнес Артём, восхищаясь талантом пластического хирурга.

СЕТЬ И...

Пётр с трепетом дотронулся до клавиатуры. В серых глазах молодого человека отразился ответ из аквамаринового текста, наполненного смыслом его жизни. Всё вокруг было нелепым и чёрно-белым, когда он отводил взгляд от экрана монитора, пылающего душевной теплотой и искренностью чувств.

Уголки его тонких губ поднялись вверх, когда очередная фраза неземного оппонента прошла сквозь него, затронув центр его души.

Он не замедлил с ответом, стараясь передать всё, что почувствовал он своей сущностью. Шепча слова, которые были так ничтожны и бедны, чтобы передать его любовь к ней, девушке с необыкновенным именем Тайна.

— Петя, в конце концов, ты не один родился на этот свет, у тебя есть сестра, которой тоже необходима эта железка! — в комнату вошла Снежана и, бросив органайзер на стол, за которым сидел её брат, с восклицанием встала над его измученной душой и вопросительно-согнутой спиной.

— Как ты меня достала! — процедил сквозь зубы Пётр, машинально выключая компьютер.

— Достала? Повсюду валяются твои интернет-карточки! Ты все отпускные на них потратил? — спросила сестра.

— Не считай чужие деньги, Снежаночка. Свои заработай! — махнув на сестру рукой, огрызнулся Пётр и тяжёлой походкой вышел прочь из комнаты.

— Здравствуй, Петя! — от неожиданности вздрогнула девушка, столкнувшись с вышедшим в прихожую молодым человеком.

— И ты здесь, лиса, — недовольно произнёс Пётр.

— Я Лиза, — поправила его растерявшаяся девушка.

— Все вы одинаковы, вот только вас всех зовут по-разному, — торопливо надевая обувь, проворчал с сарказмом молодой человек, плюнув воздушным поцелуем в маленькую хрупкую фигуру Лизы, которая обиженными глазами смотрела на него.

Хлопок входных дверей, а затем тишина, которая зловеще витала вместе со сквозняком. Однако эту негативную идиллию нарушил командный тон Снежаны.

— Лиза, иди сюда! Тебя там что, дверьми прищемило?!

Дверным хлопком будто прищемило сердце Лизы, вот что случилось на самом деле, когда ушёл он.

Пётр стремительно вышел из парадной и быстрым широким шагом направился прочь от этого скучного дома, каким, впрочем, было всё вокруг.

— Петруха! — раздался мужской голос позади него.

Он неохотно оглянулся. Двое мужчин махали ему руками, зазывая его. Тяжело вздохнув, Пётр подошёл к ним и, обменявшись рукопожатием, спросил:

— Сигарета есть?

— Ты же бросил? — удивился длинный.

— Сейчас подниму, — беря сигарету из протянутой пачки, буркнул Петя.

— Как жизнь молодая? — подмигивая, спросил второй.

— Ну, если человек снова закурил, то явно неблагополучно, — заметил длинный.

Пётр глубоко затянулся и, выдохнув серую струю табачного дыма, почувствовал некую лёгкость в своём теле.

— Лёня, а тот компьютерный магазин, что собирались открыть на днях, работает? — поинтересовался Пётр.

— Да ну, фигня, а не магазин. Вот в двух кварталах отсюда — это да! — громко изрёк второй.

— С каких это пор, Антон, ты в цифровом железе стал разбираться? — затягиваясь вновь, с усмешкой произнёс Петя.

Тот лишь развёл руками и хотел было что-то сказать, но громкая фраза бесцеремонно влетела в их трио.

— Капитонов! Ты за сигареты взялся?! Молодец! А завтра за стакан?! — чеканя каждое слово, к мужской компании приблизилась колоритная дама в чёрном клетчатом пальто.

— Кто это? — спросил курящего Леонид.

— Моя классная руководительница, сленг здесь ни при чём.

— Ты что, ещё в школе учишься? — с усмешкой, шёпотом спросил Антон.

— Завязал пять лет назад. А ты забыл? — быстро ответил Пётр.

— Ну, что, Капитонов, не учишься, не работаешь, куришь, — констатировала подошедшая почти вплотную к Пете женщина солидного возраста, с не менее солидным видом.

Выбросив окуроч, Пётр с усилием улыбнулся.

— Здравствуйте, Эльвира Викторовна!

— Ну, что, отравился? Жвачкой зажуй своё здравствуйте. Где учишься?

— Отучился в техническом вузе, работаю программистом, получил паспорт, холост, бездетный. Вот, вроде, и всё, — отпарировал Петя.

— Если будешь курить, то боевым и детным тебе не стать, — с этим замечанием Эльвира Викторовна с достоинством покинула растерянное трио.

— Классная у тебя классная руководительница! — с восхищением произнёс Леонид.

— Эльвира — повелительница тьмы, — подметил Антон.

— Повелительница геометрии и алгебры. Кстати, живёт через два дома, а встретил её впервые за пять лет, — кивая вслед удаляющейся фигуре, проговорил Пётр.

— Эй, а что у тебя с глазами? Красные какие-то, — приглядываясь к лицу Петра, заметил Антон.

— Он с девушкой в сети познакомился, вот и строят друг другу глазки, — хлопая по плечу Петра, с улыбкой вымолвил Леонид.

— Не твоё дело, Лёня, — резко отрезал шутке ноги Пётр.

— И давно познакомился? — поинтересовался с ухмылкой Антон.

— Завтра будет два месяца, — более смягчённо произнёс Пётр.

— Ой, да за это время у тебя должно быть красным другое, а не глаза. Ну, и у неё, естественно! — с издёвкой воскликнул Антон.

Удар кулака в грудь Антона свалил его полную фигуру на асфальт.

— Ты что, Пётр?! — хватая за руки молодого человека, закричал Лёня.

Пётр вырвался из спасительных для Антона объятий Леонида и со злобой процедил сквозь зубы: «Отвалите, ослы. Что вы понимаете?»

Антон лежал на асфальте, держась за грудь, грязно ругаясь в сторону уходящей фигуре своего обидчика.

Елизавета сидела рядом со Снежаной и, сложив руки, смотрела, как та на клавиатуре набирает текст.

— Перестань нервничать. Соберись. Нам завтра нужно быть во всеоружии, редактор нам провала не простит, — не отрывая взгляда от монитора, деловито и убедительно произнесла Снежана.

— Ну, и ладно, — промямлила Лиза.

— Так, Елизавета, у моего брата затмение, скоро пройдёт, и всё у вас наладится.

— Нет, не наладится. Это у него со мною было затмение, а тут, похоже, всё серьёзно.

— Перестань. Ну, перебесится, и вы снова будете вместе.

— Пойми, Снежаночка, он во мне уже ничего не замечает. Я помню, как он раньше смотрел на меня, а теперь он так смотрит на компьютер, — с горечью в голосе произнесла Лиза и поймала пальчиком первую слезинку.

Снежана тяжело вздохнула, затем, закусив нижнюю губу, с согласием кивнула.

— Как глупо и бесчеловечно, — произнесла Лизонька, закрывая личико руками.

— Так. Послушай моего доброго совета. Во-первых, попытайся понять, отчего всё это произошло. Во-вторых, действуй, если хочешь спасти ваши с ним отношения, — тихо произнесла Снежана, погладив подругу по спине.

— Ладно. Лучшее средство от хандры — это работа и секс. Ну, с сексом у нас пока тихо, поэтому будем работать. Вот статья. Допечатай её, а я пойду, схожу за мороженым, — бодро произнесла Снежана, оставляя Лизу наедине с бездушной машиной, которую Елизавета в первую минуту одиночества готова была разбить на мелкие кусочки. Но кто такая Тайна? Этот вопрос остановил её от безумного потока эмоций.

Банк встретил клиента с улыбкой, а простился с неудовлетворённой гримасой. Петр закрыл счёт и набил карманы джинсов разноцветной ликвидной бумагой, которую он копил в течение двух лет, отказывая себе во всём. Ноги, подчиняясь его желанию, доставили тело в компьютерный магазин.

После покупки ноутбука следующим пунктом его назначения стал ювелирный магазин, где он купил то, что называют аксессуаром брачных уз. Его виртуальная мечта близилась к осязаемой. Оставалось теперь только одно. Войти в сеть и...

Елизавета торопливо шла к перекрёстку, продолжая бороться с тем, что так непобедимо шествовало в ней. Боль утраты того, кто был ей самым близким и родным. Mamochka, papochka,

где вы? Почему вы сейчас не со мной? Заберите меня с собой, я не хочу жить в этом мире, — пронеслось у неё в голове. Автомобильная река бурлила скоростным потоком, по берегу которой шла маленькая белокурая девушка.

— Лизонька, девочка моя! — раздался голос рядом с ней. На долю секунды ей показалось, что позвала её умершая мама. Обернувшись, она остановилась.

— Эльвирочка Викторовна, добрый вечер.

— Ну, моя любимая ученица. Уже неделю тебя не встречаю. Что за грусть в твоих очах?

Елизавета махнула рукой и, слабо улыбнувшись, промолвила:

— Стоит ли об этом?

— И правда, не стоит. Лучше пойдём ко мне, я пирожных купила, — пригласила Эльвира Викторовна.

Лиза пожалала плечами, но согласилась, поймав тёплый взгляд больших серых глаз, напомнивших ей глаза Петра.

Жидкие кристаллы монитора наполнялись смыслом душевных порывов молодого человека, который играл в ночи на клавиатуре мелодию своей неземной любви, преобразая лёгкие щелчки клавиш в текстовое послание, украшенное лирикой.

Вот, свершилось то, о чём мечтала его душа все эти два месяца! Тайна согласилась встретиться с ним завтра в полночь. Этого не может быть!

Пётр ликовал, ему не верилось в то, что произошло на экране его монитора. Она дала своё согласие встретиться с ним! Петя с нежностью поцеловал каждую печатную строчку на экране, которую адресовали ему её пальчики. Их он завтра будет целовать, если она окажет ему такую честь.

Следующий день он пребывал в состоянии бурного помешательства.

Костюм, одеколон, парикмахер и огромная корзина цветов. Флористка надолго запомнит столь придиричивого и требовательного заказчика.

Таксист не забудет взволнованного и щедрого пассажира. Портье гостиницы задумается о том, как давно он не бегал к женщинам с такой цветочной ношей.

Двадцать две ступени, четырнадцать шагов до дверей номера с числом, которое теперь будет в его жизни счастливым. Пётр, сделав три глубоких вдоха, чуть не забыв выдохнуть, дрожащей рукой постучался в двери благородных пород дерева. Не дождавшись ответа, держа в руках благоухающую корзину, он переступил порог.

Дверь сама закрылась за ним. Он стоял в номере, помещение которого было наполнено томным интимным освещением. Осторожно опустив корзину, он увидел её фигуру, лежащую в центре большого ложа с пологом, который, подобно водопаду, голубым шифоном струился вниз.

— Тайна, я могу приблизиться к вам? — с дрожью в голосе спросил Пётр.

— Ну, конечно, Капитонов, приближайся, раз вошёл.

Петя почувствовал, что его колени среагировали на ответ импульсивным сгибом, а руки подняли корзину с цветами и с силой прижали к груди.

— Ну, мой сладкий Петручо, будь смелей. Не прячь своё мужественное сильное тело за беззащитностью флоры, которая должна быть преподнесена мне.

— Эльвира Викторовна, это номер шесть? — не узнавая свой голос, промямлил Петя.

— Нет, больничная палата. Чего тут странного, петушочек мой. Будь смелей, подойди ко мне, — прищмокивая губами, нежно грудным голосом проговорила Эльвира Викторовна.

Пётр, не выпуская корзину из слабеющих рук, робко подошёл к шикарному ложу, на котором возлежала не менее шикарная женщина.

— Вы так легко одеты, Эльвира Викторовна, — заметил Петя, смотря на чёрное облегающее платье, с трудом удерживающее аппетитные формы, затянутые тугими пурпурными бантиками.

— По-твоему, я должна лежать в валенках и телогрейке? Это костюм любви, называется «Разверни и натяни». Странное название, правда?

— Очень, Эльвира Викторовна.

— Ох, какие чудесные цветы ты мне принёс, умница. А то эти гладиолусы на первое сентября да мимозы на восьмое марта порядком надоели.

Пётр сел рядом на край стула, стоящий недалеко от кровати.

— Ах, Петечка, расслабься. Сейчас тебе твоя Тайна нальёт шампанского, и мы вкусим с тобою запретные плоды, о которых ты так грезил.

— А почему Вы решили со мной переписываться? — спросил Петя, после глотка винного напитка.

— О Петя! Я всегда симпатизировала тебе и часто ставила на уроках двойки. Тем самым намекая, что мы с тобою пара. Ты не понимал мои намёки, и я решила поймать тебя в сети через сеть интернета.

— Так вы умеете пользоваться компьютером? — в прострации, чувствуя удар алкоголя, спросил Пётр.

— Петюня, я очень продвинутый юзер, очень... — кладя руку на колено молодому человеку, прошептала Эльвира Викторовна.

Пётр подбросил себя вверх и быстро направился к дверям, сбивчиво говоря:

— Простите, Эльвира Викторовна, но мне надо идти, рад был повидаться...

— Не уходи, мой милый хулиганчик! У тебя такая многообещающая фамилия — Ка-питонов. Я хочу быть твоей Багирой, тем более что корзину с джунглями ты принёс с собой!

Петя непослушными руками мучался с замком. Дверь номера никак не хотела открываться. Его лицо и уши пылали.

— Не разбивай моё сердце, мой амурный, не уходи! — слёзно умоляла Эльвира Викторовна, вставая с кровати.

— О Боже! Помогите мне! — воскликнул Петя. Дверь открылась, и его ватные ноги запрыгали по ступеням вниз.

Женщина, с трудом сдерживая смех, протянула руку к мобильному телефону, набирая телефон Елизаветы.

Всю оставшуюся ночь Пётр просидел в каком-то баре, глотая табачный дым вперемишку с джином. Происшедшее с ним казалось кошмаром. Дело было не в Эльвире Викторовне и её безнравственном поведении, а в разрушенной мечте о той, которую нарисовал его мужской склад ума, — образе идеальной и совершенной женщины. Благополучно утопив этот идеал в спиртном, он поехал домой на такси, периодически выговаривая по слогам фразу: «Ка-питонов дурак, одураченный бандерлогами». Фраза давалась тяжело и к тому же вводила в беспокойство водителя такси, который также запомнит его на всю жизнь вместе с флористкой и портье.

В пять часов вечера его разбудила Снежана, которой пришлось держать трубку телефона у его уха, так как звонили с работы.

— Петь, разберись с программкой, там какие-то ошибки. Мы скинули её тебе на e-mail. Извини, что от отпуска отрываем, но...

— Всё будет сделано, Багира, ой, Самсон Яковлевич, — сказав это, Пётр упал на подушку со стоном: «Воды!»

Поздно вечером Петя сидел у своего зацелованного ноутбука, просматривая электронную почту. Новое послание от Тайны возбудило желание удалить письмо, но уважение к своему учителю заставило его удержаться от этого порыва. И он не замедлил ответить ей в последний раз.

Узкие глаза читали его послание: «Уважаемая Тайна! Вы теперь — не тайна. Прошу вас оставить меня в покое и больше мне не писать писем. Моё решение окончательное и бесповоротное. С уважением, Пётр».

Рука прочитавшего сообщение от Пети легла на волосатую грудь.

— О, нет, нет! Какой бездушный наглец! — раздался гнусавый мужской голос. — Он ранил меня в самое сердце! Амур жестокий! — мужчина хлопнул корпус своего монитора и, тяжело вздохнув, обратил внимание на сиамского кота, в сердцах вымолвил: — Вот они, бездушные мужчины! Правы всё же эти женщины, от них одни страдания.

Пётр, расправившись с работой, вошёл на кухню, налил кружку крепкого чая, набрал номер Елизаветы и на её ответ тихо произнёс:

— Здравствуй, Лиза! Ты ещё хочешь общаться с тем, кто был в сетях?

ЗА ЧЕТВЕРТИНКОЙ ВЕКА

Синий сатин, подтянувшись к Адамову яблоку, сложился в галстучный узел между отлётами воротничка бежевой сорочки.

— Вот задача!

— Ты о чём, милый?

— Пятно на галстук...М-м.

— Покажи где? Пятно? Пятнышко.

— Лора, не надо ногтём скрести.

— Ничего страшного, прикроешь галстучной заколкой. Поди, посмотри, что там Поль делает, он после кормления так и не уснул.

— Кричит, что он ещё может делать? Сейчас возьму его на руки.

— Джекоб, обязательно накинь мой передник, он там, рядом с кроватью.

— Пойми его тиранические вопли. Чем ты так недоволен? Иди на ручки, не понимаешь? Вот мамин передник, чувствуешь запах мамы? Я тоже твой самый родной и близкий тебе человек. Не надо так расстраиваться, сынок. Папа. Скажи «па-па», это так просто. О Боже! Лора, который час?!

— Без двадцати. И где твой отец? Каким образом тебе удалось отговорить меня отказаться от услуг няни из агентства? До сих пор не пойму, где я дала слабину?

— Лора, мы уезжаем всего лишь на пару часов, и моё отношение к заботам чужих людей отрицательное.

— Чужих? Твой отец бросил тебя в четырёхлетнем возрасте и объявился спустя четверть века. Ты ведь о нём толком ничего и не знаешь, или я ошибаюсь, м?

— Я знаю, что он мой отец, и от своей матушки я ни разу не слышал ничего дурного о нём. Они разошлись из-за несходства характеров, право, с кем не бывает? В жизни люди только и заняты тем, что бегают друг за другом, а позже друг от друга.

— Твоя мама просто не стала показывать тебе голую правду об этом типе, Господи, упокой её женскую душу. Вот мне любопытно, какую фантастическую версию своего невольшебного исчезновения из семьи выдумал твой отец?

— Я посчитал этот вопрос...

— Ты не хотел делать папе больно, а ведь он ни разу за все годы не прислал тебе на день рождения даже дешёвой открытки. Цитирую его фразу, прозвучавшую на вашей встрече: «Как приятно уходить отцом, а возвращаться дедушкой», лично мою интуицию она насторожила. По-моему, твоё доверие этому человеку — верх легкомыслия! Я опасюсь оставлять с ним наедине моего ребёнка!

— Не кричи! Поль — тоже мой ребёнок!

— Я не кричу, я перекрикиваю сына! Дай ему соску! Джекоб, ну какой же ты нерасторопный! И что за утро сегодня! То муж капризничает, то ребёнок...

- Что, в общем-то, одно и то же, миссис Трикси.
- Ах! Мистер...
- Рад видеть тебя, Лора, называй меня папа. О-о, какая милая пара, сын и внук. Ну, дайте же мне обнять продление моего рода.
- Привет, отец.
- Вы... Папа... Как вошли?
- Через дверь, доченька. Папы, в отличие от проходимцев, входят в дом через дверь. Руки у вас я вымыл, давай, давай его смелее, Джекоб.
- Тогда мистер... Папа. Простите, никак не могу привыкнуть...
- А я сразу привык, доченька. Что за лист?
- Тут по пунктам расписано всё необходимое Поллю и...
- Не стоило беспокоить себя по пустякам, я сам во всём разберусь, малыш. Я к внуку обращаюсь. Теперь оба отправляйтесь по своим молодым делам.

В холле дверной колокольчик растревожила чья-то рука.

Джекоб вопросительно взглянул на Лору. Та, слегка зардевшись румянцем, округлив глаза, смущённо улыбнулась:

— Ко мне пришла моя подруга Грейс. У неё неполадки с печатной машинкой и она... В общем, её диссертация горит, я предложила попечатать у нас. Пойду, скорее открою, простите.

— Хм, странно, папа.

— Что сынок?

— Поль у тебя на руках не плачет, даже свою пустышку выплюнул.

— Грейс, говори шёпотом. Я устала тянуть время, а тебя всё нет и нет. Делаем всё обговоренное вчера, следи за каждым шагом этого человека. Печатную машинку я поставила в холле. Вот телефонный номер Чесфилдов, мы там будем приблизительно через полчаса.

— Лора, всё будет как договаривались, ты же знакома с моей обязательной натурой. Где тут можно положить мою шляпку?

— Я поехал, отец, спасибо, не подвёл.

— Ровной дороги, сын.

— Лора, мы уходим! День добрый, Грейс.

— И вам добрый, Джекоб.

— Пойдём, любимый. Грейс, закрывай за нами. И всё же, Джекоб, какая жалость, что мои родители живут так далеко. Ты ведь скучаешь по моей маме?

— Лора, зачем именно сегодня здесь твоя подруга?

— Я всего лишь оказала ей любезность.

— Тогда она могла посидеть с Полем.

— Грейс боится детей.

— Так вот почему она боится мужчин. Хм-м.

— Заводи машину, шутник.

Прошла половина часа.

— Аллоу. Здравствуйте, с вами говорит Грейс Делирю, могу ли я...

— Я слушаю, Грейс.

— Лора, это я. Приходится говорить вполголоса. Станный мистер, ведёт себя как-то странно.

— А поподробней.

— Вначале он пел мальчику латиноамериканские песни, а после показывал ему карточные фокусы.

— Поль плакал?

— К сожалению, нет. Похоже, вашему сыну нравятся все эти бестолковые занятия.

— Что в данный момент делает мистер Трикси?

— Минуточку, сейчас посмотрю, насколько телефонный провод позволит. Жаль, не позволил. Этот человек захаживал в спальню и отпустил в присутствии Поля о вашем совместном брачном ложе несколько впечатляющих непристойностей. Я тебе чуть позже перезвоню, когда раз узнаю его дальнейшие действия. Лора, ты там ещё сколько пробудешь?

— Затрудняюсь сказать точно. С документами заминка вышла, наш адвокат поехал к архивариусу, будем с Джекобом ждать его возвращения, а я твоего звонка.

— Обязательно перезвоню. Всё, я плавно вешаю трубку. Оу! Сэр, вы меня напугали!

— Тише, не будите малыша. Для вас я просто Пауль, а вас не затруднит украсить уныние тишины своим именем?

— У меня простое имя. Грейс.

— Грейс. Ваше исполненное прелести имя, мисс, означает «созданная для неожиданного незнакомца». Вы не знали?

Я подарю вам, Грейс, один полезный совет: никогда не делайте два дела одновременно. У вас удобное кресло, но вот ваша осанка не стыкуется с эргономической задумкой производителя, позвольте вам помочь. Поль, побудь пока тут.

— А-аа!!! Уберите руки!!! Помогите!!! А-аа!!!

— Жаль, внучок, что за всё своё существование человечество в призывах о помощи так и не смогло придумать что-то более оригинальное.

— Как вы смеете меня связывать!!!

— Хм. С этим бантичным узелком, мэм, вы стали похожи на приятный сюрприз. Мой проснувшийся детёныш, как думаешь, что забыл дедушка? Правильно, кляп. Складываешь любую понравившуюся тебе тряпочку трубочкой, загибаешь пополам и проталкиваешь, но не слишком глубоко. У вас, Грейс, замечательные зубы. Натуральные?

А давай, малыш, читаем, о чём в размышлениях пишут современные умы слабого пола. Параграф шестнадцать, глава вторая: «Сообщества землероек. Видовой состав и численность».

Ты думаешь, Поль, дедушка выскажется негативно о занятиях юной мисс? Отнюдь. Увлечение наукой о природе помогает нам расширять знания о самих себе. Не будем создавать помех в импульсах мозга пытливого ума леди.

Ты слышишь, малыш, стук моего не разбитого никем сердца? Это мерное покачивание на руках, оно тебе напоминает мамин домик, да? Пойми внучок, женщины сами по себе в вертикальном положении существа бесполезные, если, конечно, они не официантки и не в ожидании потомства. Женщина без мужчины — пустота.

А вот на-ка, вдохни этот аромат. Чувствуешь запах рук кубинок в смеси с табачным листом? У-у, да. Сигара — лучшая собеседница для мужских мыслей. Она придаёт тебе равновесие, когда от спиртного не держат ноги, и указывает противоположной от тебя личности, какое оно ничтожество.

Так где тут твоя выпивка? Хм, тебе нужно подогреть, а мне слегка охладить, но а взболтать нам надо и то, и другое. Кстати, по дороге к тебе я встретил двух твоих собутыльников, вылитые Кастор и Поллукс, и примерно твоего возраста. Мамочка у них Леда, не менее, но и не более.

Что ж, давай перед глотками жизни сменим одежку. Располагайся поудобней. Расстёгиваем... О! Узнаю свою породу,

не то, что у моего сына. Рычаг управления громкости дамских голосовых связок у тебя — любой позавидует. Хотя... Не этим должен кичиться мужчина, а умом. Я всегда считал член излишком того, что у тебя не поместилось в голове. Если вдруг между тобой и любимой повисла пауза непонимания, достань и воспользуйся этим образчиком приятного общения. Никакого словоблудия, лжи, пафоса, глу-пос-ти...

Поль, похоже, телефон звонит. Иди на руки. Удобно? Вот так, перехвачу, отлично.

— Слушаю.

— Мистер Трикси?

— Да, Лора.

— А, то есть хотела сказать папа.

— А, доченька, что именно?

— Где Грейс и как там у вас дела?

— Высший класс! Ваша нескучная подруга нам с внуком исполнила на фортепьяно пятую фугу Баха из Хорошо темперированного клавира.

— Не поняла, она ведь не умеет играть.

— Я научил. У неё музыкальные пальцы. Совсем забыл, Грейс, подуйте на свои пальчики, помогает расслабиться, только не сдуйте свой маникюр!

— Км, так, мистер Трикси, я немедленно хочу поговорить с Грейс, это возможно, я надеюсь.

— Было возможно одну четверть минуты тому назад. Она захотела попудрить носик.

— Что?

— Пописать вышла. Знаете, тут все писают без устали, и я предчувствую то, что скоро солью, оставив память о своём присутствии. К примеру, Полю четвёртый раз кряду ползунки меняю.

— А подгузники, они там...

— Лора, вы хотите, чтобы мальчика постигла участь моего несчастного сына? Будущему мужчине это противопоказано. Не волнуйте понапрасну свой материнский инстинкт. У нас всё замечательно. Целую в мочку, дочка.

Уфф. Скажи, парень, только нам пелёночного дерматита не хватало.

Каково самочувствие, Грейс? Забыл, она же онемела от твоего слюнявчика.

Вот, так, ну и... Вдохни глубже, а теперь говори.

— Вы! А вы!

— Знаю, ты меня мысленно засудила и посадила на электрический стул. Попробуй, Грейс, снять паутину эмоций, так мешающих твоей интуиции, которая шепчет, что я соответствую твоему вкусу. Мужчина, что монета, с одной стороны решка, с другой орёл, всё зависит от того, на какую из моих сторон ты обратишь своё внимание. Ну же, смелее, Грейс, твоя горячка гнева завершает полноту всех видимых мной в тебе достоинств, недаром, Поль, я высказал в своё время предположение о том, что все очкастые тихони — очковые кобры. Они мало говорят, тем самым сохраняя энергию для действия.

Ты не представляешь, Грейс, сколько я сейчас затрачиваю калорий, чтобы удержать себя от соблазна тебя поцеловать. Не хочу выглядеть перед внуком легкомысленным юнцом с проседью.

Поль, твоя же выпивка давно согрелась, пора кусь-кусь. Давай, я тебя уложу на бочок, не кричи, и не ругайся в сторону мисс. Что ты сказал? Ао-о?

Фи, Поль! Никогда, внучок, не позволяй себе говорить с женщиной нарочито грубо. Это непозволительно, даже если она нестерпимо бздящая овца.

Кушай и слушай. Вначале ты должен тронуть полюбившуюся тебе женщину мягкостью первого слова с интригующим, но уже басовитым повествованием. Одурманить её флюидами, пощекотать биотоками подушечек пальцев, проходящих в микронном расстоянии от женского уже начинающего разогреваться тела. Одно, два твоих исключительно неповторимых слова, которые запомнятся ей на всю жизнь вместе с тобой и твоим последующим немногословием. А после рассвета её глаз, когда словно лепестки розы *Charmant* распустятся влажные губы, а стать плоти уподобится свечному воску, срывай с неё одежду и трахай, чтобы сиськи тряслись, даже если их нет!

— Мистер Трикси! Как вы смеете говорить младенцу такую низость!

— Низость? Назвать низостью то, что находится на уровне декольте? Грейс, у тебя всё в порядке с глазомером? Кроме того, с этим приятным на осязание объектом парень знаком не понаслышке, правда ведь, моё продолжение, да? Скажи глупенькой тёте: я ими наслаждаюсь чаще, чем дедушка.

Мой внук, смотря на тебя связанную, может подумать, что слова родоначальника о стартовом покорении женщины и её финишном наполнении расходятся с делами, ведь у нас с тобой, Грейс, ничего из вышеперечисленного не было. Так вот, Польш, происходящее сейчас между мной и мисс — лишь промежуточное звено между пуховой лаской души и неистовством сердцебиения. Я решил, что с данной особой нужно начинать с середины, встряхнуть ото сна старую деву с задатками жокея любви. Иначе мои нежности она бы восприняла за бестолковое домогательство, а секс за насильственную мастурбацию, выпадающую из привычного графика. Отгаивай, Грейс, Польш срыгнул.

Итак, на свете, мой светлый мальчик, есть два средства борьбы с блевотным настроением — улыбка ребёнка и приятная музыка, навевающая аналогичные воспоминания. Улыбка у меня на руках, а музыка...

Что тут в фонотеке твоего папы? Моцарт — «Реквием», джаз — противоречивое сочетание, а эта пластинка... Ого! Pink Floyd! Научим эти акустические ящики петь психоделик-рок. Ва!

Вы купили гитару, чтобы наказать вашу маму...

Подпевай, малыш!

И Вы не любили школу,

И Вы знаете, что Вы — ничей дурак.

Так добро пожаловать в машину-у-у!!!

Эта группа, Польш, мне напоминает 1974 год, я тогда служил в Южном Вьетнаме, помню, мы с парнями ехали, э... Вот об этом и правда тебе рановато, и не дай Бог. Чего ты вздыхаешь? Хочешь, поговорим о машинах? Давай. Как тебе объяснить, это такие четырёх колёсные отсосы для кошельков. Подойдём к окну, вот, видишь, возле нашего дома стоит тачка, вот её и называют машина. Она безмолвно фискальничает на своего владельца. Всё расскажет. И о его пристрастии к цветку, отношению к спорту, комфорту, неприхотливости, чистоплотности и, конечно, недостатке. Вон та машина намекает нам с тобой на то, что её хозяин лишён всякого вкуса, при этом он закомплексованная и неуверенная в себе натура, которая мечтает, чтобы его заметили, ведь его никто не любит, а он так этого хочет. Скажи он о своих блудных страстях вслух, непременно покраснеет даже пошляк.

— Хватит нести мальчику чушь! Мистер Трикси, это моя машина!

— Покорнейше прошу меня простить, Грейс.
— Поль краснеет от вашего идиотизма!
— Этому виной всего лишь колики, шикарная мисс. Сейчас нам необходим укропный или фенхелевый настой, где тут предусмотрительная мама травку прячет? Грейс! Ты так напряжена, я тебе тоже заварю, и покрепче.

После фитотерапии и разумной доли алкоголя.

— Опутанная нимфетка, ты кротко дремлешь? Мы вернулись!
Ты выпил, Поль и я попил, теперь мы оба будем ждать, как думаешь, Грейс, кого мы будем ждать с нетерпением?

— Полицию, сэр.

— Отрыжку, мисс. Дедушка свою, а внушек свою. Предлагаю пари! Кому эта фря первым прикажет высказаться вслух? А с полицией всё намного проще. Наберите копам и промямлийте: «Пауль Трикси», они стремглав кинутся искать в заявлениях со всех участков список свежеегнанных дорогих машин.

— Я ни на йоту не сомневалась, сэр, в вашем мутном прошлом.

— У всего животного мира мутное прошлое, да, мой славный Поль, и у тебя, Грейс, так уж получилось.

— Вы мерзавец, и я не боюсь вас!

— Не кричите, из-за вас я не услышу отрыжку Поля. Ого-о. По-моему, что-то было, а, нет, это возмутительное урчание пустого брюшка несгибаемой леди. Устал, я вижу, мой мальчик, давай, дедушка тебя на животик положит, ах, моё сокровище. Не хочешь лежать? Знаю, в дедушкиных объятьях тепло и уютно. Даю тебе слово, малыш! Ни с кем ещё Пауль Трикси не делился своим теплом, как с тобой, иных обнимешь и думаешь: скорей бы это кончилось.

— Посмотрите на себя внимательно! Видели бы вы своё фиглирство со стороны. Вы бы поняли, насколько отстали от жизни! Эта нелепая одежда, стрижка, манеры...

— Обожди Поль, я отодвину мисс от зеркала. Безусловно, разговоры с самим собой бывают весьма результативны, но, Грейс, не в присутствии кого-либо и желательно в своём доме.

— Я рада, мистер Трикси, что мне удалось уязвить вас! Вы держите слабую женщину связанной, при этом фривольно рассуждая о мужских качествах! Стареющий трус!

— Ты, в общем-то, не связана, Грейс. Так, бутафория. Скорей, тебе этого хотелось в потаённых плотских фантазиях. Потрудись пошевелить локтями. Я тебя не разочаровал? Ты выглядишь расстроенной.

— Хочу пить!

— Понятное мне желание. Вот, прошу.

— Пффф, тфф, аххэ-э, что? Это... Аппф.

— Сорок пять градусов к твоим тридцати шести и шести!

— Мерз... Аа-а, км-м...

— Поллбуйся, Поль. Перед тобой ещё живой пример того, во что может превратиться образованная женщина после глотка алкоголя. Её язык вычерпывает из разума застоявшееся болото былых обид, несостоявшихся истерик, недополученных оргазмов и фрагменты разочарований в недалёких мечтах.

Вы тайно нас покинете, мисс Делирию?

— Нет! Оставить вас один на один с малышом — это преступление. Я остаюсь до возвращения Лоры и вашего, но совсем не похожего на вас сына.

— Увы. Мои черты, склад характера, жизнелюбие в момент зачатья свернули не туда, жаль... Зато я отчётливо вижу эти данности в своём внуке! Линия бровей, губ, мои ушки. Хм, а пальцы, Грейс, вот же, они подобны моим! Сними же скорей свои очки, взгляните правде в глаза!

Ого! Грейс, у тебя обворожительные глаза.

— Правда?

— И ничего кроме правды, Грейс. Однако не помешало бы сменить музыкальное меню. Что-нибудь располагающее к движению. Не это. Не совсем то. Поль, как твой слух отреагирует на Вальс? Положительно, вот и чудесно. Мисс, позвольте вас пригласить на неприватный танец.

— Ещё чего. Вдруг вы опять что-то хотите со мной затеять.

— Сожалею, но сейчас это невозможно, я держу чистую душу в своих руках, моя грешная за прутьями грудной клетки, вам нечего бояться.

— Прекратите свои неуверенные па, у вас маленький на руках.

— И мы вас с Полем приглашаем, и уповаем на ваше снисхождение.

— Соглашусь на это безумие, и только ради подстраховки малыша.

— Вашу руку. Чуть ближе, Грейс. На меня и Поля. Согните. Нет, не эту часть тела, рученьку в локотке, да. Да, Грейс! Прикройте глаза, умоляю, ни-ни, ни слова, тс-с, легко, плавно...

— Мои туфли, каблуки, на них...

— Снимите их, они мешают вам парить. Я веду вас, я рядом с вами, совершенно верно, Грейс, ваше тело отдаляется от светлого рассудка, оно совершает революцию эмоций, воодушевленных вдохновеньем.

— Мистер Трикси, я...

— Ещё глоток Грейс, ам, не Рома, воздуха из нот...

— Позже припаркую. Ух, жарковато сегодня.

— Джекоб, я счастлива! У нас всё получилось! Ура!

— Дай, я обниму тебя, моя маленькая.

— Не так сильно, груди молоком наполнились, такое ощущение, что вот-вот лопнут.

— Накормим нашего счастливчика досыта, и мне ещё останется.

— Странно, звонок не работает, доставай ключи, мои в сумке.

— Заходи...

— Где они? Так тихо? Тут что-то не то...

— Лора, погоди, не волнуйся только, они, наверное...

— О, не-еет!

— Что там?! Лора! Одевайтесь, тупые тапки! Я бегу! А вот... Бог мой, папа...

По прошествии двадцати пяти дней.

— Джекоб, немедленно отложи в сторону эту прошлогоднюю газету! Неужели тебе не интересны мои высказывания о нём?

— Я читал новости и внимательно тебя слушал. По моему мнению, нельзя так поступать с человеком, когда он твой родитель.

— Мой? Твой, и не навязывай мне это сомнительное родство. Ты сам теперь отец! Смог бы ты позволить себе так бесчеловечно поступить с собственным ребёнком, а в перспективе, прожив со мною долгую счастливую жизнь, так безнравственно нянчить внуков?

— Это лёгкое недоразумение...

— Что?! Младенец спит с сигарой во рту, а бабушка с соской, и это, по-твоему, лёгкое недоразумение? Позор!

— Твоя подруга, Грейс, спала в объятьях папы и также была в нетрезвом состоянии.

— То, что произошло с несчастной Грейс, я бы бесспорно назвала нелепой случайностью. Она мне четвёртую неделю подряд звонит и просит прощения!

— И ты простила её?

— Как истинная христианка — да!

— Тогда отчего за компанию тебе не простить дедушку Поля?

— Хватит мне своими беседами мешать убирать со стола. Я не могу сосредоточиться. Сходи, успокой сына. Мальчик проснулся.

— Его пробуждение услышал бы и тугоухий. Тише! Не вопи, папа спешит как может.

— Джекоб! Не забудь поменять подгузник и выбросить использованный! Так. Что я хотела? Переложить чашки из буфета в... Звонят. Иду, иду! Кто там?!

Рельефное дверное стекло с размытыми очертаниями силуэта отошло на задний план. В светлых глазах Лоры отчётливо отразился высокий моложавый мужчина с радушной улыбкой, сияющей на обветренном скуластом лице.

— С приветом, доченька!

— Хм, мистер Трикси.

— Где мой юный друг? Я слышу его голос?

— Мне думается, слышать на расстоянии голос моего сына для вас будет вполне достаточно.

— Лора, а вот и я!

— Ты?

— Я!

— Грейс, ты наредила губы?

— М-да, и сделала завитушки, тебе нравится моя новая причёска?

— Аэ-м, неплохо для начала, Грейс.

— Мы с мистером Трикси катались и вот решили заглянуть к вам.

— Это ваша машина, сэр?

— А, да. Бьюик этого года.

— Грейс, а ты с мистером Трикси...

— Ой, ты даже себе представить не в силах, как мистер Трикси помогает мне с написанием научного труда. Он меня так мастерски побуждает к изысканиям!

— Мы, Лора как раз с Грейс вплотную подошли к разделу размножение, этих, м-м...

— Хм, насекомоядных, милый. А-ах.

— Точно.

— Сдается мне, Грейс, этот раздел диссертации у тебя будет насыщен наибольшим количеством блестящих открытий.

— Папа. Здравствуй.

— Здравствуй, сын.

— Джекоб, зачем ты принёс сюда малыша?! Унеси его обратно!

— Лора, не откажи старику в минутке свидания с внуком. Не плачь, моё отражение, иди к дедушке. Скучал?

— Удивительно, отец, он у тебя перестаёт плакать.

— Всё просто, сынок. Поль чувствует себя в надёжных руках.

— Свидание окончено.

— Но, Лора, папа только...

— Джекоб, я хотела сказать, в другой раз мы вас обязательно пригласим, мистер Трикси.

— Замётано. Простите, Лора, я хотел сказать, что с нетерпением буду ждать от вас приглашения.

— Пока, подруга, пригласи нас и не заставляй долго ждать. Тебе ясно?

— Вполне. Приятно было повидаться. Эх, Грейс.

Я будто сегодня предчувствовала его визит. Всё с утра из рук вон. Джекоб. А, Джекоб! Хочешь побыть один? Ну и ладно... Я уже от всего этого устала! Опять звонят! Чего им обоим надо? Перестаньте дёргать колокольчик! Растрезвонились, хулиганы! Вы что себе...

— Добрый день, мэм.

— Я бы поспорила.

— Я из Службы почтовой доставки. Здесь проживает мистер Джекоб Трикси?

— Да. Проживает. Свой век. Я его жена.

— Пожалуйста, распишитесь в квитанции на получение ценного письма.

— Насколько ценного? Не обращайтесь внимания, голова кругом. Благодарю вас, сэр.

— Хорошего дня, миссис Трикси.

И что это за письмо такое? Где тут ножницы были? Посмотрим, и...

На обеденный стол выпала пачка, рассыпавшись на двадцать пять поздравительных открыток — С днём рождения, сын!

САМАЯ КРАСИВАЯ

*Не дни, не годы жизнь определяют, а
восприятие событий, которые с душою
были прожиты тобой.*

Опять эта грязная посуда. Кастрюля пыхтит, словно старый паровоз.

Вот и муж — с равнодушной миной на лице. И куда смотрят его усталые голубые глаза? Конечно же, на кухонный стол. А что там я, какая-то замухрышка в пятнистом от домашних забот переднике. Обычный будний вечер в моей семье. Хорошо, что ребенок утомился, а то плясать мне вальс быта до полуночи.

— Ты меня поцелуешь? — спросила я, как смогла игриво.

— Ам-ж, да, давай, — прожевывая пирожок, воспытал желанием к поцелую мой благоверный.

Вот оно, женское счастье. Мой любимый, я и телевизор, как до боли романтично.

— Ты только посмотри, какая дамочка, — оживился муж, переключая телевизионный канал.

— Да на ней грима килограмм! — сразу оценила я на глаз.

Он глотнул пиво из бокала и обнял подушку. В первый раз в жизни я приревновала его к какой-то подушке.

Муж, зевнув и растерев пальцами виски, на выдохе произнёс:

— Хм, ладно пойду я, пожалуй, отдамся во власть сна.

— Ты частями отдашься или весь? — с надеждой спросила я.

— Весь, без остатка, — пробормотал он и покинул меня.

Взяв подушку, которая только что была у него в руках и ещё сохранила тепло моего любимого мужчины, я почувствовала холодок одиночества. А та барышня из телеэкрана со счастливой улыбкой на лице упивалась вниманием двух мужчин, любезно, с заинтересованностью беседующих с ней. Ведущая телепередачи не успела увернуться. Брошенная мной подушка точно попала в неё, хотя при этом она никак на моё хулиганское действие не среагировала.

— Как жаль, — сказала я вслух и, вздохнув, подняла с пола куколку дочери.

Прохладное осеннее утро. Машенька с кленовым листом в руках. Мы идём в детский садик.

— Мама, а скоро будет снег?

— Не торопись дочка, дай листикам солнышку порадоваться.

— А листики потом куда деваются, их солнышко с собой забирает?

— Кто был красивым и радовал, солнышко тех забирает. Ну, а послушных детей забирают мамы.

— Я у тебя красивая, послушная и радую солнышко.

— Да, моя прелесть, слушайся Александру Тихоновну и не забудь надеть на прогулку шарф.

Вернувшись в свою хижину, я стала перевоплощаться в костюм домохозяйки. Домохозяйка — звучит гордо. Звучал ещё и мой мобильный телефон.

— Привет, Кристина, да, я дома, как всегда.

Звонила моя сестра. Ну, что сказать. Младшая сестрёнка, хороша собой, без мужских проблем, то есть, я хотела сказать, не замужем. Она, в отличие от меня, поумнела и рассталась с иллюзиями гораздо раньше, выучилась, владеет рекламным агентством. Ну, что у неё за жизнь? Одна сплошная суета. И вот эта суета в облике Кристины со мною на кухне осторожно потягивает горячий кофе.

— Гала, ты что-то не в себе, что случилось? — спросила она покровительственным тоном.

— Не лезь в душу, — отрезала я.

— Галина, да что с тобой? — взяв меня за руку, произнесла с тревогой Кристина.

Я встала из-за стола и, сорвав с себя передник, швырнула его в сторону плиты. Правда, не удержалась. Наболело всё, да так сильно, что мочи нет. Даже не помню, как я ей говорила о том, что происходит в моих отношениях с мужем уже почти полгода. Моя младшая сестра впервые видела свою старшую в таком нестабильном эмоциональном состоянии.

— По-моему, пахнет жареным, — произнесла с тревогой Кристина.

— А как ты думаешь, если он меня в упор не видит! — воскликнула я.

Кристина сорвалась со стула и кинулась к электрической плите. Пахло не жареным, а палёным. Мой передник теперь зевал огромной дырой.

После такого жаркого разговора мы перешли в нашей беседе на рассудительные и спокойные тона. Через пятнадцать минут Кристина стала собираться.

— Я помчалась, а ты, Галина, если хочешь, чтобы всё было мармеладно-карамельно, как обещала, слушайся меня.

— Ну, неужели всё это возможно? — спросила с неуверенностью я.

— Так же возможно, как спать с двумя, э-э, котами, я хотела сказать.

У моей сестры со сравнениями всегда были неудачные варианты. Но то, что она предложила мне, пожалуй, было интересной задумкой.

— Целую, Галочка, завтра в десять ровно у меня, а там посмотрим.

Чмокнув меня в щёчку, она умчалась на своем ярком авто, помахав мне ручкой.

Отойдя от окна, я отправилась убирать последствия пожара.

Вечер был чудесным. Как всегда — море внимания, слов и эмоциональных реплик в адрес телевизора. Мой муж даже не заметил, как расправился с грибным жульеном, котлетой «по-киевски». Прочитав Машеньке на ночь сказку, я осталась с человеком, с которым мне придётся прожить всю свою жизнь. Сама с собою, конечно. Оставалось только пойти и пообщаться душевно с душем, в душевой кабине. А потом лечь спать, ощущая рядом тепло того, с кем порою было невыносимо жарко. Я будто растворялась в лучах его страсти, и было это не так давно, а на самом деле — минула вечность.

Какой странный подарок преподнесла мне судьба в лице моей сестры.

Неожиданным открытием следующего утра для меня стала я сама. Пробыв в студии Кристины несколько часов, я словно приобрела крылья. Те самые крылья, которые поднимают самооценку человека, особенно когда цены себе вовсе не знаешь. Нет, это не меркантилизм. Это материя твоих свойств, присутствующих только тебе одной. Возможно ли оценить каким-либо ме-

рилом тёплый нежный взгляд человека, обращённый к тебе одной? Или желание твоего тела? Да, возможно. Оценить не ценю материального, а ощущением души. Того маленького комочка энергии, которая способна заполнить и поглотить тебя всю, тогда, когда мужчина облачает женщину в любовь и заключает в объятия нежности.

Именно через любовь душа в тебе, словно вселенная, расширяется до глобальной величины, состоящей из гигакилометров лучших духовных качеств, с которыми мы, люди, изначально пришли в этот мир.

Извините, увлеклась. Философия помогает отличить живое от неживого на духовном уровне. Если за два года я вернулась опять к этим исканиям истины, значит, я ожила.

Муж пришёл словно промокший воробушек.

— Что за погода — то солнце, то дождь, — ворчал он, топчась у гардеробной.

— Само непостоянство, как и вы, мужчины, — заметила с улыбкой я.

— Как Маня?

— Уже спит.

— С этой работой ребёнка совсем перестал видеть.

— Когда она будет выходить замуж, я напишу тебе освобождение, — заверила я.

— На, возьми журнал, мне тут у офиса вручили, — щёлкая замками кейса, произнёс он.

— Мне некогда читать, кормить тебя надо, да ещё телевизор настроить на эротический канал.

— А ты всё шутишь, посмотри тут в журнале статья о румынской актрисе.

— Ну и что?

— Да ты открой, она, точь-в-точь, как ты.

— По-моему, у тебя крыша от непогоды протекла, — отмахнулась я и ушла на кухню.

Было уже два часа ночи, когда я украдкой зашла в кабинет мужа, в котором он провёл остаток вечера, разменяв его с полуночью. То, что я увидела, меня удивило.

Под стеклом его письменного стола красовалась вырезанная из журнала фотография румынской актрисы во фривольном наряде. Действительно, сходство поразительное, чем не я.

На следующий день я вернулась от Кристины, чувствуя какое-то необъяснимое возбуждение. Почти час я разрушала рукотворное творчество. Макияж и причёска сводились на нет. Нужно было вновь стать обычной женщиной, той, к которой привык мой неотразимый глава семейства.

Он пришёл на час раньше, чем обычно. Ребёнок был в восторге. Взяв дочурку на руки, он отправился в гостиную.

— Ты ужинать будешь? — спросила я.

— Позже. Кстати, твой сериал закончился.

— Выключи, пожалуйста, телевизор, — попросила я.

— Сейчас покажут интервью с румынской актрисой, во вчерашнем журнале было напечатан анонс. Галчонок, а где тот канал, я не могу найти? — с нетерпением спросил он.

— Давай найду, — произнесла я, с раздражением склоняясь над блоком управления телевизора.

— Ой, мама, тебя показывают! — радостно воскликнула Машенька.

— Галочка, смотри, как на тебя похожа, и голос, как у тебя, — последовал бас за нежным голосом дочурки.

— Лучше уложи Машу спать, хватит вам смотреть на чужих мам и жён, — строго произнесла я.

Через пять минут под капризы дочери и уговоры отца оба исчезли за дверями детской.

Я, словно пантера, молнией перепрыгнув через пуфик, очутилась у электроники, вещающей такое откровенное интервью. Радужный диск попал под тяжёлую руку, больно оцарапав её в отместку.

Когда все уgomонились и я, почувствовав усталость, уже наполовину пребывала в ином измерении ночи, ощутила на своём бедре тяжелую руку мужа. Вторая его рука оказалась более смелой в своих исследованиях моего тела. Вы думаете, я растаяла. Вы ошибаетесь. Хотя ощущения внизу моего аппетитного животика были такими, словно я зажала между ног звезду с неба, но при этом я удержалась от соблазна. Удержалась даже тогда, когда расстояние между мной и мужем было сокращено его живым и прочным мостиком.

— Нет и ещё раз нет, мой дорогой, любимый, единственный, — как можно сексуальней и с истомой в голосе прошептала, всхлипывая, я, защищая свое тело одеялом. В ответ прозвучал

львиный рёв досады, а после — почти хныканье сопливого мальчишки, которому не дали поиграть в игрушки.

Субботний день был для меня самым любимым днём в семейной жизни. Моя семья обретала в этот день целостность и ощущение того летнего тепла воспоминаний о первом годе нашей совместной жизни с мужем, когда на свет появилась Машенька. Папа шутил, дочь бегала, прячась за мою длинную юбку, проспект сопровождал нас субботней безмятежностью.

Наше семейное воссоединение и отрешённость от всего нарушили четверо молодых людей.

— Извините, но не могли бы вы дать нам свой автограф? — попросила меня с улыбкой белокурая девушка.

— С чего бы это? — с удивлением произнесла я.

Мой муж с недоумением посмотрел на разбитную молодёжь.

— Мы вас видели на плакате у метро, это ведь вы представляете женскую одежду? — показывая в сторону метрополитена, произнёс один из молодых людей.

Я пожала плечами, но всё же поставила свою закорючку на их календарике с рекламой женской одежды, на котором красовалась особа, очень похожая на меня, но не так «нагруженная» одеждой. Через пять минут мой муж пристально рассматривал большой рекламный щит, а продавщицы мороженого кивали в мою сторону.

— Мама, посмотри, прямо как ты, только не так украшена и почти голая, — дёргая меня за руку, привлекала моё внимание дочь.

— Я всё понял, — решительно произнёс муж.

— Ты это о чём? — спросила осторожно я.

— О том, что твой муж не достоин тебя, но позволь мне исправить своё невнимание к тебе и заслужить твоё расположение.

— Ты что, недавно Дюма перечитывал? Такого красноречия я давно от тебя не слышала...

Ко мне подошёл мужчина лет сорока и подал мне букет лилий.

— Извините, это вам, я вижу что вы...

Мой муж оборвал вкрадчивую речь нового моего почитателя угрожающим жестом и, вернув цветы дарящему, буквально поволок меня и дочь прочь от рекламного щита.

Скажу вам откровенно. Возможно, то, что называют ложью, в конечном итоге воплотилось в правду. Ту самую правдивость

чувств, которые притупляются в нас, когда мы видим ежедневно одно и то же.

Представьте, вы выезжаете из пыльного города к загородному домику, расположенному на берегу озера. Чудесно, не правда ли? Но если это озеро с домиком на берегу вы видите ежедневно на протяжении нескольких лет, в этом случае та острота ощущений теряется. Моя сестра помогла мне измениться. Стать другой, необычной для мужа. А может быть, самой собою? И если мы, женщины, любим ушами, то мужчины — глазами. Нужно быть для мужчины единственной, а для его мужского начала различной, вот секрет притягательности к себе сильного пола.

Вы заметили, что на протяжении всего повествования я не назвала имени моего мужа. Именно теперь он заслуживает, чтобы я называла его по имени. Особенно в мгновения, пережитые в любви, и годы простого женского семейного счастья.

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Утро. Все неотложные дела свершаются с первыми лучами солнца. Неотложных дел у меня нет, поэтому поваляюсь с философией жизни на пару.

Жена ушла. Да ладно жена, тёща — и та бросила, отправилась на тот свет, даже не попрощавшись. Собак, кошек и всяких там детей нет, а если бы и были, кормить нечем. Можно, конечно, было жить с аквариумными рыбками, но вот беда, рыбу люблю только в жареном виде.

Сегодня я решил изменить свою жизнь — окончательно и бесповоротно. Да! Я решил повеситься. Сколько раз в кино наблюдал это нехитрое действие, но так и не понял одного чрезвычайно важного нюанса. С какой стороны верёвочную петлю намывают?

С внутренней или наружной? Жизненно важный вопрос!

Встаю со скрипом с топчана, иду жарить яичницу. Сковородка треснула. Смекалка бдит, и я беру электрический утюг, включаю и жарю на его «подошве». Ай, чуть подгорела, не беда, похрустим с отчаянием на пару.

Поел, скорлупу растолок, рекомендую, укрепляет костные ткани. Кальций для моих костей в прок пойдёт, как никак, а выстоять на табурете какое-то время обязательно нужно.

Так у кого же узнать про верёвку? Аварийная? Нет. Муниципалитет, МЧС... Листаю засаленный справочник — и ни одного путного телефона. Идея! Звоню наобум. Набираю цифры. Молчок. Дальше. Занято. Ой, ответили.

— Эллоу, вы меня слышите? — вежливо начинаю я.

— Вы кто? — задаёт нелепый вопрос женщина.

— Я мужчина, а вообще-то это не важно. Скажите, с какой стороны намывают верёвку?

— Чего? Какую верёвку?

— Как какую? У меня одна верёвка, коричневая, волосатая, то бишь с ворсом...

— Забей её себе в гудок, козёл! — кричит она в трубку.

— Я не козёл, я господин, — поясняю я, но в ответ — с ума сводящие короткие гудки, она меня не слышит, разъединили, жаль, приятный у неё голос, не побоюсь этого слова, сексуальный.

Однако я, замечтавшись, отвлёкся.

Набираю вновь. Пусто. Опять вращаю цифровой диск. Опа!

— Эллоу, э...

— Я вас внимательно слушаю, — отвечает мне с выражением пожилая дама.

Интеллигентное начало беседы, подумал я и задал вопрос про свою верёвку. Она в полноразумном раздумье, мыча знакомую мне мелодию, внезапно сорвалась на рассуждение:

— Я досконально разобрала ваш вопрос, касаемый льняной верёвки. Позвольте выразить своё мнение, ваша верёвка дрянь. Не затрудните себя, посещением строительного гипермаркета, уж я вас уверяю, тамошняя нейлоновая верёвка и в грош вам не станет. Отмотайте две длины, сплетите крест на крест косичку и адью этому миру.

— А, мда, а мыло?

— К сожалению, в этом вопросе я некомпетентна, хотя опираясь на женское разумение и некоторый опыт в ведении домашнего хозяйства, посмею предположить...

— А покороче, — перебиваю я её.

— Вы так спешите? Гм, воспользуйтесь средством для мытья посуды на мыльной основе.

— Благодарю вас, — киваю я.

— У меня к вам пожелание, будете в аду, передавайте привет моему мужу Дроссику. С таким именем ещё ни один сукин сын не родился и не умер, кроме него, — со слезами бросила она трубку.

— Дроссик, Дроссик, — бормочу я под нос, удерживая трясутщимся пальцем на переносице очки. — Нужно записать, а то забуду.

Через час пришёл с бесплатной верёвкой (даже взял про запас, в хозяйстве пригодится).

Через два сплёл верёвочную косичку.

— Качественно получилось, — любуюсь в зеркало верёвкой на шее, произнёс с гордостью я. — И цвет благородный, белый, в тон рубашки.

К сожалению, счастье не бывает полным, о технологии намыливания я так ничего и не узнал. Моющее средство — сто-процентная химия, я же повеситься решил, а не отравиться.

Схожу я к соседу, этот одинокий увалень наверняка дома. Чутьочку недолюбливаю я его, после того как узнал о том, что меня он ненавидит.

Звоню. Он открывает мне двери и пулей убегает обратно в комнату с криками: «Ну, же, бей! Гол! Мазила! Сапожник!»

— Здравствуй, Семён, — здороваюсь я позади его складчатого затылка, на шее которого болтается косматая седая голова болельщика.

— Ошибётся, ошибётся! Пас, ну! Во блин! — отхлёбывая пиво и брызжа пеной, вопит он.

— Семён, а Семён? — тихо вопрошаю я. Он будто бы не слышит. — Семён!!! — кричу я.

— Го-о-ол!!! — кричит он, после спрашивает: — Чего тебе?

— Один вопрос.

Сосед, не оборачиваясь, поднимает вверх указательный палец.

— Я тут повеситься задумал...

— Не шутишь? — быстро оборачивается он, пропуская гол в свои ворота.

— Ты же знаешь, что с юмором я не знаком. Семён, с какой стороны петлю верёвки мылить, с лицевой или изнаночной? — произношу я слова нарочно растянуто, чтобы он не обратил внимания на счёт первого тайма.

Он бросает взгляд в телевизор и сразу тарашится на меня, с пригласительным жестом охотно произносит:

— Пойдём, подсоблю, пока время есть.

Через несчитанные шаги и слышное шарканье мы оказываемся в моей бетонной конуре.

— А у тебя тут хорошо, просторно, — закуривая сигарету, осматриваясь оценивающе, высказывается он, подбоча левую руку.

— Ни жена, ни мебель не захотели со мной жить, — пожал я плечами. — А на мою пенсию антуражем не разживёшься.

— Квартиру на кого отписал? — проводя рукой по тумбочке, между прочим интересуется он.

— Завещал международному фонду спасения исчезающих видов птиц, в данном случае редкому виду: пингвин-«антифрак».

— Во как?!

— Вот так, люблю птиц, они летают.

— Потерпи чуток, скоро и ты полетишь, — подбадривает он меня, встав на цыпочки, снимет с потолка трехрожковый светильник, бурча, сплёвывая клочок пыли.

— Тащи свою верёвку, да ещё мыло не забудь! — нетерпимо выкрикивает он, закусывая папиросною гильзу.

Я быстренько переодел белую рубашечку, ещё со свадьбы пахнущую браком, и подал ему мою верёвку с мыльницей.

— Какая же у тебя верёвка добрая, — проверяя её на прочность, с курящей улыбкой подмечает он. — Давай, я тебе свою дам, попроще, а эта мне на даче пригодится.

— Ни за что, бери всё что хочешь, только не верёвку.

— Ым, тогда я заберу тумбочку, э, и картину с голой бабой.

— Семён, перед нами репродукция с полотна голландского живописца, XVII века, Рембрандта Харменса ван Рейна. Картина — «одалиска» Дана. Художник воспел в каждом своём отрывистом движении кисти красоту дочери аргосского царя Акрисия.

— Очень приятно познакомиться, но хотелось бы поближе. На даче в предбаннике повешу Данаю, а тебя, стало быть, здесь, — аккуратно смазывая мылом петлю и с фронта и с тылу, с удовольствием вымолвил он.

— Готово, ну ты, значит, тут вешайся на здоровье, а я домой пойду. И ещё, ценные вещи, если есть, в коридорчике для меня положи, — попросил Семён, снимая Данаю и укладывая картину на мою тумбочку.

Я стоял возле табурета, исподлобья смотря на соседа, с трудом поднимавшего невысокий шкафчик, прошлого столетия.

Скорее стать обладателем чужого было сильнее веса изделия фанерно-мебельного комбината г. Череповца.

— Сеня, тебе помочь?

— Не-е, не надо, справлюсь, не отвлекай себя пустяками, когда повесишься, крикни, я ещё что-нибудь для дачи приберу.

— Прощай, Семён, — слегка помахал я ему рукою.

Из коридора раздался его прокуренный голос:

— Слышь, дай в долг сотню, с пенсии верну!

— Посмотри, пожалуйста, в брюках, они там справа висят, в них кошелёк...

— Гламурные у тебя брюки! Можно, я их себе заберу?

— Уж не побрезгуй, Семён! — становясь на табурет, выкрикиваю я. За него отвечает тишина.

— Взошёл на табурет. Моя плетёная ручная работа на шее, так, помост подо мной, бумажка с именем Дроссик в кармане, — слипшимися от страха губами кое-как произнёс я, неловко хлопая себя по груди в котором колошматит сердце, теперь кажущееся мне от непривычных частых толчков невыносимо огромным.

— Ничего не забыл? Теперь нужно оттолкнуться и... Секундочку, нет минуточку. Насколько я помню из фильмов, у висельника должно быть последнее желание. Какое моё желание? Что за напасть? Пока на шее не было верёвки, столько всего желалось, а теперь пустота. Вспоминаю, что обычно просят приговорённые? Поесть! Плотно и вкусно. Не пойдёт, в холодильнике и так мало продуктов на поминки нужно оставить, что людям тратиться. Чего ещё хотят эти мерзавцы? Женщину? Не осилю, опозорюсь только, лучше сразу вешаться. Табак! Последнюю трубочку! Сказка «Огниво» — мама читала.

К сожалению, я не курю, да и не пробовал, вот дурак. Здоровье берёг. А вот сейчас в самый раз попробовать, накуриться за всю семидесятилетнюю жизнь! — осторожно снимая с крюка верёвку и сходя с мини эшафота, торжествуя, произношу я, обматывая длинный плетёный конец вокруг шеи.

Выбегаю на лестницу, открываю незапертые двери соседской квартиры.

— Семён, дай мне!.. — сталкиваясь с ним в тёмном коридоре, я прерываю восклицание моей последней просьбы.

— А-а, ак, а, — ответил мне сосед с натужившимися глазами, схватясь обеими руками за грудь.

— Семён, эй, — пытаюсь удержать его падающее на пол упитанное тело, прошептал я. — Сеня, что ты?! Сенечка...

Включаю свет. Склоняюсь над ним. Беспомощность на моём лице отражается в его испуганном взгляде, мерцает, обволакивается тусклой пеленой...

Я вызвал скорую помощь. Час ожидания помощи в квартире соседа не прошёл для меня даром.

Врач спросил меня:

— Расскажите о происшедшем.

— А что тут рассказывать? Зашёл к нему по-соседски, и вдруг ему плохо стало, — просто объяснил я.

— Внезапная остановка сердца, — констатировал доктор. — Вскрытие покажет, — кладя вялую забелевшую кисть руки на грудь Семена, он отодвинул чемоданчик с невостребованным дефибрилятором и после обратился ко мне: — Кто с ним проживает?

— Он один. К нему иногда приходит сын, как дочка.

— Понятно, разберёмся, а что это у вас на шее?

— Ах, это? Верёвка, — трогая её, объяснил я.

— Зачем?

— Ну, как вам сказать? Мой индивидуальный имидж, прикид такой, а что?

Врач с усмешкой мотнул головой и неторопливо набрал на мобильном номер. Медсестра томила в своих юных мыслях, топчась у ног горизонтально лежащего...

Я вернулся домой, захлопнул двери, закрылся на ключ и, с брезгливостью сняв верёвку, вздохнул полной грудью с успокоившимся сердцем, осмотрел свою преобразившуюся комнату. Телевизор, настенные часы с музыкой, магнитофон, ноутбук, кожаная куртка, пуховик, плащ, шапка «Петушок», тугая пачка купюр крупного достоинства и метровый бенгальский фikus.

— Тебе-то, Сеня, это барахло человеческого счастья уже ни к чему. Я честно выполнил данное жизни обещание. Я её изменил!

Моя победная речь завершилась повешением «Данаи» на гвоздь.

ХУДОЖНИК И НАТУРЩИЦА

Тяжёлую на вид входную дверь радушно распахнула полная дама средних лет с химической завивкой и художественно

расписанной косметикой головой, по обыкновению, с лицевой её стороны.

— Проходите, милочка, раздевайтесь, — любезно произнесла дама борющейся с нерешительностью белокурой девушке.

— Я к художнику Сигезмундову, — пролепетало юное создание.

— Да, ага, конечно. Он вас ждёт. Надеюсь, вы совершеннолетняя? — вставляя папиросу в инкрустированный самоцветами мундштук, поинтересовалась хозяйка дома.

— Конечно, как вы просили, вот мой паспорт, — вынимая из сумочки дрожащими руками, произнесла девушка.

— Зинаида Арнольдовна! Что вы, право, задерживаете сударыню? — раздался из глубины длинного полутёмного коридора хриплый немолодой мужской голос с интонацией нетерпения.

— Одну минуту, Микки, простые формальности, — послала пояснительный ответ Зинаида Арнольдовна. — Голубушка, следуйте за мной, — кинула она натуре.

Стройная, высокая, худощавая фигура девушки отправилась за грузным, дымящим табачным дымом телом дамы. В мрачном коридоре могло сложиться впечатление, что по туннелю идёт паровоз с одним вагончиком первого класса.

— Вот, проходите. Обязательно повесьте одежду на плечики и располагайтесь в кресле. Не волнуйтесь. Вы позируете впервые? — заботливо помогая обнажаться девушке, спросила Зинаида Арнольдовна.

— Да, первый, я... — водя большим пальцем по поясной резинке стрингов, почти прошептала девушка.

— Зинову, ну, скоро у вас там всё образуется? — вновь прозвучал с нетерпеливым вопрошением мужской голос.

— Микки, мы готовы! Итак! Начинай набрасывать! — выпуская струю табачного дыма в сторону окна, дала старт хозяйка дома. Затем, потушив сигарету в позолоченной пепельнице, громко стала произносить: — Так, пиши! Лицо овальное! Шея длинная! Плечи узкие, покатые! Э-э. Грудь. Грудь миниатюрная с овальными крупными кружками! Соски крупные, вытянутые! Живот плоский, пупок впалый, бёдра...

— Извините, ым-м. Зинаида? — в недоумении произнесла девушка.

— Арнольдовна. Что вас, милочка, тревожит?

- А как же он всё это зарисовывает?
- С моих слов, дорогуша. Супруг всё-таки, а я его вдохновение, всё понятно? — топя руку в пышном боку, с гордостью произнесла Зинаида Арнольдовна.
- Зиночка! А что у нас с бёдрами и?..

УТРАТА ЧУВСТВ

Разлюбить человека — это когда ранее оцененные достоинства воспринимаются как недостатки. Полюбить человека — это воспринимать его недостатки как достоинства.

В одно прелестное дождливое утро ко мне пожаловал растерянный человек.

Да, именно — и он забыл не только свой зонт, но и оставил дома мужскую выдержку и холодный рассудок. Напоив его горячим зелёным чаем, я задался вопросом: что, собственно, его побудило посетить человека моей профессии? Ответ был кратким, но лаконичным. Что-то вроде: «Давай замедлим шаг, чтоб пробежаться».

— У меня утрата чувств к жене, — заявил он и звякнул чайной чашкой.

— У вас утрата моральных или и физических чувств? — осторожно спросил я.

— Хм, с этим у меня всё как надо, — замахал он руками.

Хотел я поинтересоваться — а как надо? Но передумал. Современный мужчина особо уязвим в этом вопросе.

— А как давно вы женаты?

— Почти полтора года, — буркнул он.

— И с какого момента вы стали ощущать в себе потерю чувств к вашей избраннице?

Он начал сбивчивый, банальный и нудливый рассказ. Однако из его рассказа, как и из многих других, я сделал определённые выводы, которые, подобно жукам короедам, точат древо любви и счастья.

Итак, если вам ещё интересно, то я начну. Мужчины по своей сути — великие фантазёры в определении женского идеала. Когда они влюбляются, то они, подобно Ленскому из бессмертного произведения Александра Сергеевича «Евгений Онегин», придумывают свою Ольгу. Проще говоря, того, что не хва-

тает их объекту вожделения. Они искусственно на подсознательном уровне берут свою суженую за уши (в переносном смысле) и «тащат» в рамки своего благополучного идеала.

Женщины в выборе самца более честны и практичны, даже доскональны.

Хотя случается, что самцам парнокопытных везёт.

Так вот, о мужчинах. Мужчины начинают пристально наблюдать за своим идеалом только с того момента, когда тот начинает с ними совместную жизнь. Его идеал просыпается вместе с ним, порой не в лучшем виде.

Далее совместный приём пищи, возможно, с чавканьем и причмокиванием.

Домашний халат по своему фасону порой не в силах противостоять нарядам, которые он видел на ней на чудесных свиданиях. Чистка зубов, сопровождающееся обильным сплёвыванием, совместное использование кабинета задумчивости (туалета), особенно когда освежитель воздуха выдохся месяц назад. А если его идеал возжелал страстного французского поцелуя после чашечки растворимого кофе, разбавленного никотином сигареты...

Мужчина начинает приходить в себя, прощаясь со сказочным образом.

Ну, живут же другие! Не обращают внимания на эти житейские мелочи! Дело в том, что великое строится из мелочей. В данном случае ваша задача — не создавать великое (оно уже создано), а именно ваша взаимная любовь. Здесь необходимо сохранить тот весенний ветерок чувств, которые надувают паруса вашей любви, минимизируя бытовые мелочи. Именно быт лишает нас романтики, красоты отношений, нежности и бесконечной любви. И через некоторое время мы начинаем искать эти составляющие на стороне, пытаясь пробудить то, что уснуло в нас к близкому нам человеку. И в этом виновны только мы, когда делаем несчастным человека, которому обещали бесконечное счастье.

Я предлагаю вам памятку по безопасности прекрасных отношений.

1. Ассоциируйте себя с тем человеком, которым вы были на свиданиях.

2. Интересуйтесь желаниями и настроением любимого человека.

3. Уделяйте внимание внешнему виду, старайтесь делать это в отсутствии своей половинки (в ванной либо другой комнате).

4. Не ходите обнажённым перед любимым человеком с не-сексуально озабоченным видом.

5. Просыпаясь и видя взгляд своего любимого человека, не задавайте вопрос: «Сколько времени?» Просто улыбнитесь.

6. Общайтесь с утра после чистки зубов.

7. Не ищите себе занятий возле туалета, когда там он или она.

8. Поднимайте стульчак и, слив воду, закрывайте крышку (для мужчин).

9. Если вы заметили во внешнем виде любимого человека то, что вас не устраивает, поправьте это. Не смейтесь и не тычьте в него пальцем.

10. После поцелуя с сигаретой не приставайте с нежностями (если не понятно — лизните пепельницу).

11. Миритесь с привязанностями своего любимого, будьте терпимы — ведь это часть его жизни (будь то футбол или долгий разговор с подругой по телефону).

12. Если вам не интересна тема беседы второй половины, не выражайте это вслух, женщине достаточно сказать, какая она сладкая и нежно поцеловать. И последующая тема беседы будет приятна и близка вам обоим.

13. В конце месяца обязательно посещайте публичные места: кафе, рестораны, театры, оперу, музеи, выставки и. т. д.

14. Раз в месяц полезна смена обстановки. Снимите номер в гостинице с полным пансионом, хотя бы на сутки.

15. Меньше смотрите телевизор, больше читайте. Тогда вы всегда будете интересным собеседником и, вполне вероятно, прославите у своего любимого великим мыслителем.

16. Делайте приятные сюрпризы. Маленькие безделушки, будь то открытка, мягкая игрушка либо брелок, вызовут чувство праздника и разрядят суровые будни. А главное — заставят вспоминать любимого вами человека о вас чаще.

17. Ужин при свечах и сервированный стол скрасят хруст подгоревших котлет или групповуху слипшихся пельменей. Даже «братская могила» — банка килек в томатном соусе — покажутся вам экзотическим блюдом, если вы посадите её к себе на колени.

18. Чаще вместе листайте свадебный альбом и смотрите домашнее видео.

19. Говорите друг другу больше тёплых слов и вспоминайте яркие положительные моменты в вашей жизни.

20. Зубрите анекдоты. Конфликт сходит на нет, если вспомнить соответствующий анекдот.

Вот приблизительная памятка, которую вы с лёгкостью сможете не только применить, но и дополнить. И, возможно, людей с утратой чувств станет меньше.

Да, кстати, если вам любопытно, что случилось с моим собеседником далее, могу дорассказать.

После его откровений, которые сводились к разрушению его представлений о любимой женщине, я спросил:

— У вас есть её фотография?

Он, после некоторых ужимок, достал фотографию из своего портмоне и протянул мне. На фотографии была запечатлена милая цветущая женщина. Её взгляд околдовывал, а пунцовые губы очаровательно манили взгляд.

— Великолепная фотография! — воскликнул я.

— Да, хорошая, цифровая, — с гордостью объяснил он качество снимка.

Я, внимательно посмотрев на его несовершенный профиль, кашлянул и произнес:

— Вы уверены, что ваша жена вам более не нужна и вы жестоко ошиблись в своём выборе?

Он кивнул и тут же пожал плечами.

— У вас есть дети? — спросил я.

— Нет, — с облегчением произнёс он.

— Знаете что? Если вы хотите подать на развод и сегодня объявить ей о своём решении, не могли бы вы выполнить мою просьбу?

— Какую? — поинтересовался он.

— Пустяк — позвоните мне в день вашего развода и назовите время и место.

— А вам это зачем?

— Мне кажется, нет, я уверен, что нашёл ту, которую так долго искал, — решительно ответил я.

— Вы о чём? — встрепнулся он.

— О женщине, которая мне очень понравилась. О вашей жене, то есть, можно сказать, бывшей жене.

— Вы что? Вы её совсем не знаете!

— Узнаю, у меня будет на это время. Я очень прошу вас выполнить мою просьбу. Буду очень признателен вам.

Он с минуту молчал, смотря на меня стеклянным взглядом. Ещё раз восхитившись её образом, я заботливо положил фотографию его женщины себе в карман.

— Вы с ума сошли? — подскочил он со стула.

— Нет, я готов покорить эту женщину. Вы мне дали понять, что она не ваш идеал. Готовить не умеет, а я умею. Стирает неважно, а у меня новая стиральная машина простаивает. Мучает вас походами по магазинам, а у меня автомобиль и большой холодильник, — выдержав паузу, я продолжил: — И, собственно, что у неё за причёска и за одежда? Явно запущенная вами женщина, а такому алмазу, как она, нужна огранка. Но я это исправлю. Спасибо и всего вам доброго. Жду от вас звонка.

Честно говоря, я, как минимум, ожидал удара в область своей челюсти, но то, что я увидел далее, было гораздо сильнее. Он разрыдался и стал умолять меня вернуть ему фотографию жены и не искать с ней встречи. Именно сейчас он, наконец, понял, насколько она дорога ему и какой он парнокопытный самец...

Солнышко льётся мне в окно, и нет более дождя. «Значит, будем греть душу и возвращать в себе любовь», — подумал я, тщательно моя чашку после моего посетителя, растерянного человека.

МИФ ЛЕСА

Мизинчик, безымянный, средний, указательный пальчики игриво пробежались по небритому квадратному подбородку с трогательной ямочкой.

— Дорогуший, а колючки откуда? Я же тебе давала сумму на эпиляцию, — с недоумением, внимательно разглядывая мужа, задала вопрос полная женщина.

Его растерянное вытянутое лицо округлилось в овальных линзах её зеркальных солнечных очков. Скривив блестящие от гигиенической помады полные губы, он с недовольством выпалил:

— Зоя! А купальный костюм? А соломенная шляпка? Халатик, кружевной комбидресс...

— Ой, Борюсик, я совсем забыла, что на тряпки тебе ни гроша не выделила, ну, прости, — целуя мужчину в колкую щёку, виновато произнесла Зоя.

— Странные вы, женщины, — не унимался он. — Весь год в одиночестве, в четырёх стенах, у телевизора, тренировочные на кресле протираешь, а оказавшись в отпуске среди людей, событий, внимания, не дают почувствовать себя настоящим мужчиной, — нервно теребя под рубашкой живот, пожаловался Борис.

Зоя, опережая его эмоции, с нежностью дунула на его расстроенное лицо и прошептала на ухо:

— Ню, нюшенька мой, не надувай губки и не морщи лобик, а то морщинки будут. Ты звонил матушке?

— Ах! Совсем память короткая, сейчас наберу.

— Я уже набрала, — с заботой и ласковой улыбкой произнесла Зоя, протягивая ему сотовый телефон.

Туристический аэробус, озарённый южным солнцем, плавно повернул к туннелю.

Смуглый гид одарил пассажиров лучезарной улыбкой, громко и чётко произнеся следующее: «Уважаемые милые господа и дамы, с удовольствием предлагаю вам сыграть в игру! Когда мы окажемся в туннеле, вы закроете свои очаровательные очи и обязательно загадаете самое заветное желание, при этом хлопая в ладоши! По поверью наших волшебных восточных краёв, Родины Джинов, любое ваше желание будет исполнено!»

— Опять в туннеле ремонтные работы, — усмехнулась Зоя.

«Поверье» и «будет исполнено» из уст гида прозвучали очаровательно-таинственно, словно магическое заклинание, которое обратилось шумом ладошечных хлопков. Дружное рукоплескание сорвал дикий одинокий визг. Кому он принадлежал, мужчине или женщине, выяснилось лишь после вылета серебристой парящей машины из тёмного чрева туннеля вновь на белый свет.

Женщина спортивного телосложения привлекла внимание не только Бориса и Зои, но и остальных любопытных пассажиров.

Высокая широкоплечая особа склонилась над хрупкой фигуркой лысеющего мужчины, утиравшего поток слёз белым чепцом.

— Она меня за ляжку ущипнула, — всхлипывая, повторял он, указывая на женщину, вальяжно сидящую позади него и с кривой улыбкой отхлёбывающую пиво из литровой жестяной банки.

Спутница оскорблённого до слёз мужчины, промокнула его глаза платочком и бережно, словно боясь задеть оставшиеся волосы, покрыла его голову белоснежным чепцом. После этого

она встала с кресла и сделала шаг к усмехающейся обидчице: «Было бы, за что щипать цыпленка...»

Меткий удар смазал нос, прервав словесное впечатление от знакомства с чужим окороком.

Спортивная женщина дунула на кулак, смотря на результат наказания.

— Да, ладно, баба, чё, блин, сразу в рожу суёшь, я два дня назад откинулась, вот и занесло, — утирая широкий нос ладнью, прошепелявила наказанная.

— Зоя! Ты видела, как она её! — восхитился муж Зои.

— Хм, а ты забыл, роднуля, как я двоих в бассейне воспитнула?

— А, те нахалки?

— Именно, те женщины, которые к тебе приставали, так они в два раза больше были, чем эта пьяная фря.

Борис ничего не ответил, лишь, обняв жену за предплечье, положил ей голову на плечо и, медленно прикрыв глаза, тихо произнёс:

— Скорей бы добраться до отеля, меня укачало.

Зоя, посмотрев на часы и погладив мужа по голове, вложила в его руку трёхцветный леденец со словами: «Соси, Борюсик, помогает».

Прибрежный морской ветер путал длинные кудрявые локоны русских волос, небрежно разбрасывая их по овалу лица.

Зоя украдкой любовалась идущим рядом с ней Борисом.

— И всё же тебе так идут неубранные волосы, — осторожно обнимая за талию, прошептала она ему на ушко.

Он, потупив взгляд, смущённо улыбнулся.

Вышагивая по вымощенному ракушками холлу отеля, они, взяв у робота-портёя ключи, вошли в лифт. Зоя с силой сжала его стан, покрыв жадным, дерзким поцелуем уста Бориса, он сладко застонал, выгнувшись телом, когда она отпустил его губы. Тяжело дыша, муж сбивчиво прошептал жене:

— Ты, меня задушишь, сумасшедшая.

— Борюссия, только ты виновник моего безумства, — прыгала она и легко толкнула мужа в номер, почти приказывая: — Иди в душ, я тебя подожду, — достав из пачки сигариллу, Зоя, закурив, вышла на просторный балкон.

Слабеющие от вечера солнечные лучи короновали белую макушку горы-исполины, прохладный ветер остужал знойную

воздушную чашу природы, давая набраться сил цветущей флоре, которая с приближением сумерек насыщалась колоритом сочных красок и пестротой оттенков.

На соседнем балконе, словно занавес, поднялся махровый квадрат полотенца, и появился он.

Зоя отвернулась от замешательства, вслед за которым сосед поспешно запоясал полы своего распахнутого халата.

— Ну, что ты там возишься, Апполинарий?! Полотенце высохло?! — раздался женский недовольный голос с балкона соседнего номера.

— Да, Глаша, — торопливо ответил он, одёргивая халат, зацепившейся за край стоящего на балконе кондиционера.

— Так иди же, что ты там застрял?! Посуши волосы, расчеши, наконец, усы, — усталый женский голос приблизился, и она сменила его, выйдя на балкон.

Зоя вновь посмотрела на нового персонажа, выпорхнувшего из-за махровой материи, которую с верёвки разом сорвала её рука.

— Вот, всё нужно напоминать и делать за мужчин, — в сердцах высказалась соседка вслух, невольно обратившись к Зое.

Зоя понимающе кивнула, выдув ароматный дым сигариллы.

— И вам это знакомо? — смягчившись, улыбнулась незнакомая женщина.

— До кончиков его ногтей, — указывая через плечо большим пальцем, усмехнулась Зоя.

— Меня Аглафира зовут, можете звать меня Аглая, Глаша.

— Очень приятно, Зоя, просто Зоя.

Протягивая через границу соседствующих балконов руки, приветливо улыбнулась женщина женщине и обе обменялись крепким женским рукопожатием.

— Может, по стаканчику опрокинем? — предложила Аглафира.

— Легко, только... — Зоя вытянула вперёд обе руки на уровне талии и подала бёдрами взад и вперёд. — Своего натяну, — подмигнув пояснила она.

Глаша легко усмехнулась, проведя рукой по подбородку, и задалась вопросом:

— И мне, может, своего трахнуть — по голове, для начала, чтобы порасторопнее был?

— Попробуй, — вздохнула Зоя. — Давай встретимся в баре в двадцать, по нулям. Ничего, что я вот так враз на «ты» перешла?

— Не парься, в восемь вечера в уличном баре. Пойду пока, жаркое смажу, сгорел мой красавчик, кожа нежная...

— Давай, Глаш, до встречи, — попрощалась словами и жестом Зоя.

Затушив сигариллу, она вошла в номер.

Борис, утопающий в кружевах кремового пеньюара, нежился на середине тахты, завлекаясь водя проэпилированными ногами по шёлку синих простыней.

— Ну, как я тебе? — прикрывая смущённый взгляд ладошками, произнёс он.

Она, звякнув пряжкой брючного ремня, взошла на тахту с восхищённым волнением, произнеся:

— Ты великолепен, розанчик!

— Зоинька, только, пожалуйста, поаккуратней с пеньюарчиком, а то жёлтенький в прошлый раз так порвала, что замутился пришивать.

— Я тебе сто куплю, моё сокровище! — сбрасывая прочь с себя рубашку, страстно вымолвила Зоя и набросилась на трепетное желанное мужское тело.

На свете нет ничего добрее, светлее и лучезарнее, чем взгляд удовлетворённой женщины. Он, словно бенгальский огонёк, ярок, искромётен, эффектен, но, к сожалению, так недолог.

Что ж, ничто не вечно под луной, кроме стремления человечества к самовыражению, комфорту и различного рода развлечениям. Кстати, на эти сладкие деяния чаще вдохновляет именно луна. И вот сейчас эта планета-загадка, наполовину растворённая в тёплом дыхании вечера, с высоты небесной «созерцала» на расслабленную публику.

Высокая, статная женщина в белоснежном костюме, словно бригантина, вошла в шумную от музыки и слов лагуну бара. Свет струился будто извне, выделяя из сгущающихся сумерек крепкую, стройную полуобнажённую фигуру бармена, построенную по усиленной фитнес-программе.

Вокруг барной стойки плавно поднимались и опускались огоньки сигарет, ночные бабочки стремились к грациозно танцующему пламени свечей, пьянящая музыка востока, туманила разум, призывая сердце к забвению в роковой любви.

— Зояна, вай, вот ты где! — с радостью перекрикивая музыкальное настроение, подошла Аглая к сидящей за стойкой женщине.

— Приветик, — прилаживая ёжик тёмных волос, криво улыбнулась Зоя, с разочарованным взглядом оценивая свою соседку.

— А ты знаешь, сегодня на Марсе наша научная экспедиция обнаружили разумных существ! Да-а. Пока только хихикающих вшей. Но... В общем, я, узнав это, сразу отмечать, ну, пришла на час раньше, чтобы здесь, то есть, чтобы тут, фу, ну, я здесь, чтобы там, вот, — неровно держа стопку объяснила Аглафира.

— Давай за столик присядем? — предложила Зоя.

— Можно попытаться. Ой, а какой симпатичный белый костюмчик у тебя, — развела руками Глаша, расплескав содержимое рюмки.

«А может, действительно, налакаться?» — спросила себя Зоя.

Широкоплечий с бронзовым телом бармен с ярким макияжем и густыми золотистыми ресницами записал заказ, не смотря в лист, а пристально и с удовольствием глядя на Зою.

— Эх, пошли, — обнимая неуверенно стоявшую Аглаю, мечтательно произнесла она, всё ещё находясь под впечатлением пылого взгляда бармена, а возможно, и барвуменши.

— А это самое... — начала Глаша.

— Самое и это нам принесут, — уверенно кивнула Зоя.

— Ты такая большая, сильная, крепкая, можно, я тебя поцелую? — потянулась к Зое Аглафира.

— Целуй.

— Уф-ф, Боже! Великолепно! Жить! — воскликнув слова, обращённые к звёздному небу, Глаша расплакалась.

Зоя, щёлкнув замком кожаной сумочки, заботливо подала бумажный платок, с удивлением смотря на Аглаю.

— Прости, лет десять не мочилась глазами, — махнув на предложенный платок, выдохнула она.

Официантка тихо появилась с полным подносом и так же тихо «растворилась» с пустым.

Зоя свернула «голову» бутылочке с минералкой. Та, пшикнув, зашипела в стакане.

— Выпей, помогает, — протянула она наполненный стакан Глаше.

— Не тот случай. Зоя, я в порядке, разлей лучше это.

Серебро «Текилы», лайм с солью, действительно, оказали целительное воздействие на Аглафиру.

— О, ну, вот, опять трезвая.

— Ым. Какое лакомство, — отбрасывая шпатель в тарелку, оценила Зоя.

— И правда, я все канапухи слопаю, — согласилась Глаша.

— Не лопни, лучше оставь местечко для фирменной за-
жарки, скоро принесут.

— Постараюсь, — разливая кактусовую водку, улыбнулась та в ответ.

Девушки-женщины выпили, разом выдохнув. Стоящая между ними свеча на миг загорелась ярче. После в воздухе повисла пауза, каждой подумалось о своём.

Внезапно Глаша подскочила на стуле, активно размахивая над головой руками:

— Лида! Лидусик! Ой, Зояна, извини, я совсем про неё забыла...

— Нет проблем, — вполоборота сев нога на ногу, пожалала плечами Зоя.

Третий не лишний, особенно когда за одним столом льётся душевный разговор вперемишку со спиртным. И всё было бы именно так, если бы не было четвёртого, принадлежащего к иному, прямо и косвенно противоположному полу.

— Лидия, ты же обещала мне, — стоя над умиротворёнными душами трёх женщин, с укором промямлил он ей, при этом с недовольством, искоса смотря на Аглафиру и Зою.

— Что я тебе опять обещала? Всё, Карлуша, иди в пах.

— Обещала не пить, — настойчиво напомнил он.

Зоя с Глашей с интересом наблюдали, кто одержит победу в состязании этой парочки: Лидия или Карл?

— Ладно, Карлуша, сегодня я тебе разрешаю поиграть в компьютер, — звякнув ключами от номера, с досадой произнесла Лида.

Мужчина изменился в лице, украсив его улыбкой, и выхватил из благодетельной руки заветные ключи.

— Иди же, Карл, пока не передумала, — поцеловав в лоб долговязого мужчину, она села на свой стул, процедив сквозь коктейльную соломинку: «Гей-мер».

— Порой эти мужчинки так бесят, — наполняя стопки, тряхнула головой Глаша.

Зоя закурила и, проведя рукой по золоту браслета, ухмыльнувшись, высказалась:

— Когда я торопливо сделала предложение своему Борюсику, не скрою, переживала, что его отобьют, соблазнят... Так вот, моя мама мне тогда сказала следующее: «Не сикай, доча, твой муж всегда будет твоей женой. Кто как не ты с такой заботой и терпением будет к нему относиться, словно мать к ребёнку».

Глаша с Лидией с пониманием кивнули, держа наполненные стопки. Те звякнули и почти синхронно встали под девяносто градусов.

— Oh, yes! В жилу пошло! — высказалась Лидия, со смаком кусая дольку лайма.

— Кстати, о детях... — начала Аглафира.

— Может, не будем? — перебила её Зоя.

— Ты права, — вздохнула Лидия, придвигая к себе тарелку с ароматным жарким.

Зоя поставила локти на стол и положила в раскрытые ладони расслабленную голову, с отчаянием произнеся:

— Вот я, девочки, руководитель силиконово-литейного завода, так? Имею два аэромобилия, дом под Сестрорецком с участком в пятьдесят гектар, четыре квартиры, одну в Москве, одну в Будапеште, ну, и две в Петербурге, а ведь до сих пор коплю деньги на ребёнка, то есть пробирку.

— Пф, а для меня вообще это нереальная мечта, — смотря на горящую свечу, кивнула Лидия и с горькой улыбкой продолжила: — Где бы найти мужчину, который бы метко и результативно пальнул в мою яйцеклетку?

— Есть такие, — почти прошептала Аглая.

Её оппонентки разом изменились в лице.

— Бред, более двухсот лет ни один мужчина не способен на такой фантастический подвиг, — махнула рукой Зоя в сторону Глаши.

— А я говорю, что есть, — с упрямством тыкая шпажкой в сэндвич, более громко вымолвила Аглафира.

— Ну, не томи, Глашенька, говори, где? — взяв её за запястье, взмолилась Лида.

Аглая, почесав макушку, обратилась к Зое:

— Можно сигарету?

Та кивнула.

Сделав три глубоких затяжки, она повествовательно начала:

— После всемирной революции, не буду озвучивать это длинное название, язык и так заплетается, так вот, после нашей великой победы мужское несогласное сопротивление было подавлено и отправлено в так называемые резервации, которые были построены в лесах по всему миру, где мужиков-сопротивленцев результативно доили, ну, понятно, девочки, для каких целей, а затем через пять лет в этих лесных лагерях пошла волна бунтов, и многим удалось удрать в лес, где они...

— Кх-м, брось, эту легенду я читала в женском сетевом журнале, — пережёвывая сэндвич, недовольно высказалась Зоя.

— Может, это правда, а? — с надеждой произнесла Лидия.

— Ха! Я следила за развитием этой сказки, мол, в прошлом году в лесу видели трёх диких мужиков, даже экспедицию в этот лес выслали, — закуривая вторую сигариллу, развеивала миф Зоя.

— И что? — одновременно спросили Глаша и Лида.

— Что? Ни одной живой палки не нашли, то есть... — осеклась Зоя.

— Слушайте, девки, а давайте сейчас близлежащий лесок прочедем? Вдруг изловим хотя бы завалящего, одичавшего, но мужика, а? — хлопнула в ладоши Лидия.

— Точно! — неуверенно, но всё же поднимаясь со стула, воскликнула Аглафира и, вытянув указательный палец вверх, решительно добавила: — Если поймает, чур, я первая!

— Не застуди свой «чур», ага! Первая с конца! Моя идея! — хватая за плечо Аглаю и впредссывая её на насиженное место, горячася, выпалила Лида.

Аглафира схватила Лидию за грудки и, с угрозой сведя к переносице нарисованные брови, прошипела:

— По фигу, чья идея, мужик будет вначале мой.

Зоя, резко встав, прилагая всю свою силу, стала разнимать сцепившихся соперниц:

— Девочки, брейк, стоп, хватит! Ещё никого не выловили, а вы уже зуботычите друг друга.

— Что происходит? — раздался удивлённый мужской голос.

Женщины, остановив потасовку, с затуманенным алкоголем вниманием посмотрели на незнакомца.

— О, Борюсик, прости, сразу не узнала, — падая на стул, произнесла Зоя.

— Фу, здесь так накурено, — махая веером, поморщился Борис.

Глаша с Лидой, приложив к лицам полотняные салфетки, молча сели.

— Накурено? Бар на улице, вроде, — беря за руку Бориса и сажая себе на колено, зевнула Зоя.

— Сладушка, ты скоро? Уже одиннадцатый час, мне скучно одному, — водя пальцами по замученному алкоголем лицу Зои и разглядывая незнакомых женщин, с ноткой каприза протянул Борис.

— Км, да, Борюссия, пора. Ты иди, я тебя догоню, — слегка хлопнув его по заду, устало вымолвила Зоя.

— Ему идёт, — заметила Лидия.

— Идёт. Сказанула. У Бориса шикарное платье! Вот что бы я сказала, — поправляя помятую блузу, вставила своё восхищение Аглафира и, кашлянув, затянула песню: — Миленький ты мо-ой. Ик. Ой, икаю. Возьми меня, ик, с собо-ой, там, в краю далёком, буду тебе, ик, ж-жено-ой.

— Что за фольклор? — оживилась Зоя.

— А это пра, пра, ик, бабушкин диск в наследство достался.

— Какая пошлость. Там, в краю далёком, возьми с собой, ещё ехать куда-то. Миленьких сейчас пруд пруди. Я вот Карла вообще из Швеции выписала.

— Нет, ик, тут смысл друг, ик, ой, — Глаша, погрозив пальцем, залпом выпила стакан воды и, кивнув, продолжила: — Другой смысл у этой песни, понимаете, тогда, в те стародавние времена, миленькими называли больших, волосато-ядрёных мужиков, как бы уменьшительно-ласкательно, что ли.

Зоя с усмешкой подытожила:

— Вот и доназывались, уменьшили до предела, чтобы поласкать, очки надевать приходится.

— Эхе-хенюшки, девоньки, тошно-то как, — кулаком ударя себя в грудь, простонала Аглафира, смотря на умирающий огонёк догорающей свечи.

Потерев лоб, Зоя открыла свою сумочку и достала две маленькие пластиковые розовые трубочки, протянув Глаше и Лидии, со словами:

— Расслабьте низ живота девочки, голове легче станет.

— О! Вот это сюрприз! — вдруг засияла Глаша.

— А это что? То самое? — с интересом вертя в руках миниатюрный цилиндр, спросила Лида.

Зоя с улыбкой утвердительно кивнула:

— Последняя разработка генетиков, чистый тестостерон, такого ещё в аптеках нет. Дайте своим маленьким мужским друзьям, они вас начисто отколбасят. Ладно, благодарю вас за вечер, пожалуй, пойду.

Пожав крепкую руку Аглафоре и хваткую Лидии, Зоя, встав, с осторожностью сделала несколько шагов, затем, остановившись, медленно развернулась к подругам, с предостережением громко произнесла: «И не вздумайте ходить в лес!» — про себя прошептала: «Всё это сказки, мужиков нет».

Окончание чтения текста нарастающей волной погладила музыкальная композиция, вслед за которой прозвучал мужской голос диктора: «Вы слушали радиопостановку рассказа “Миф леса”. Далее в нашей программе...»

Рита сняла гарнитуру мобильного телефона и, аккуратно свернув, убрала в сумочку.

— Маргарита Павловна, прошу вас пройти в зал, — вежливо пригласила её девушка, вручая пластиковый конверт с документами.

Актный зал был полон, справедливой сказать, богато украшен разноцветьем женщин всех континентов и стран.

Маргарита вошла на президиум, заняв почётное место среди членов правления. Поправив строгий галстук и обравив глаза тонкой оправой очков, она раскрыла конверт.

— Добрый день, Маргарита Павловна, рада вас видеть, — пролепетала с улыбкой дама средних лет.

— Здравствуйте, Виктория Викторовна, — пожав ей руку, с прохладой поприветствовала она.

— Ах, как нас много! — вдохновенно воскликнула Виктория Викторовна, взволнованно смотря на рассаживающихся женщин. — Это же так здорово! Наконец сбывается то, к чему мы так долго с упорством стремились! — с задором добавила она, сложив на груди руки.

Рита, сняв очки, прикусила ощёчную душку и медленно кивнула, осматривая сверху вниз переполненные ряды огромного зала.

На трибуну, под оглушительный шум аплодисментов, взошла седоволосая женщина, с девушкой-переводчицей. Поправив микрофон, она радушной улыбкой одарила весь зал и громколасно с торжеством интонации воскликнула: «Женщины мира! Я счастлива приветствовать вас и ваши очаровательные, самые прекрасные лица. Да! Я вижу в ваших глазах ослепительный поток, дарящий жизнь, чувствую порывы энергии, которые исходят из ваших душ, наполненных весенним теплом и устремлённых к замерзающему миру! Именно вы способны согреть и спасти молящую о помощи планету. Планету-женщину с женственным именем — Земля! Вы — женщины мира, матери мира, вдохновляющие на бессмертие саму любовь!

Спасибо вам, что оказали мне великую честь видеть вас и находиться рядом с вами в этот знаменательный день, к которому мы целеустремлённо шли долгие, порой несправедливые к нам годы.

И я, с переполняющим меня волнением, объявляю первый съезд добровольного международного союза феминисток “Розовая ветвь” открытым!»

Гром аплодисментов встающих под торжество гимна “Розовой ветви” женщин заполнил собою всю кубатуру актового зала. Когда хвалебная песня стихла, трибун, не меняя интонации, продолжила:

— Я, как председатель международного союза феминисток в России, предоставляю слово нашему почётному члену, профессору философии, Маргарите Павловне Демидовой!

— Маргарита, вам слово, — аккуратно дотронувшись до руки держащей фотографию, быстрым шёпотом произнесла Виктория Викторовна.

Рита вздрогнула, бережно спрятала фотографию и, перекинув сумочку через плечо, взошла на трибуну.

Лист с речью повис в воздухе, она посмотрела на сидящих в зале. Тысячи женских глаз, десятки объективов со вниманием смотрели на её хрупкую фигуру. Уши ожидали слов, объективы мимики и жестов.

Маргарита медленно запустила руку в волосы, щёлкнув заколкой. Осветлённые пряди густыми струями упали на её плечи. Другой рукой развязав стягивающий шею галстук, она разом избавилась от него, затем, расстегнув двубортный серый пиджак, взяла лист с речью и, ещё раз осмотрев зал, превратила машинописные страницы в измятый шарик.

— Прошу вас меня простить, — тихо произнесла она и сошла с трибуны.

Седоволосая дама оказалась рядом и цепко ухватила Риту за локоть. По залу прокатились перешёптывание, выкрики и смешки.

— Что за выходки? — едко прошептала сквозь чуть приоткрытые узкие губы старушка.

Освободившись от тисков её хватки, Маргарита вышла во взбудораженный зал.

— Постойте! Вы куда?! — визгливо выкрикнула с президиума Виктория Викторовна.

Рита развела руки в стороны, вздохнув ответила: «Spending your time with your kids and preparation for meeting your husband! А проще, детей кормить и мужа ждать».

РЕВНОСТЬ. ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Можно предположить, что ревность — это результат последствия выработки организмом гормонов, отвечающих за ЛИБИДО. К чему приводит ревность? К необычным ситуациям, которые, в отличие от секса, порой, более насыщены эмоциональным раскрасом событий.

Вот правдивая история — на Ваш суд, мой уважаемый читатель.

Лидочка, в свои 26 лет, безумно влюбилась и, вконец потеряв над собой контроль, вышла замуж. Её возлюбленный Жорик был не то что красивым, ну, в самом деле, девки любят не за белое лицо. После двух месяцев семейной жизни, как это бывает, Лидочка, помня нудливые пения подруг и мамочки, стала искать пятна на солнце, которое её с любовью грело.

Прицепиться было не к чему, но кто ищет — тот всегда найдёт.

Периодически ревнуя Жорика к сотрудницам, редко, но звонящим домой по делу, чередуя ревность к женщинам с дыркой от бублика, она вдруг была поставлена перед фактом. Жорик должен был отправиться в командировку на десять дней в

другой город. Зная его мощный сексуальный арсенал, который он безжалостно и каждодневно расстреливал на её женской территории, Лидочка задалась вопросом. И как он, такой темпераментный, продержится десять суток без её поддержки?

Лучшее средство защиты — это нападение, и Лидочка сыграла роль скандалёзы. Скандал удался! Жорик проглотил сначала поминутную тарификацию звонков его соратниц по труду, затем отведал длинный монолог о двух задержках на работе, а потом запил всё это слезами Лидочки.

— Ну, почему ты мне не доверишься? — устало произнёс он, обнимая чемодан.

— Да я уже предвижу, как ты валяешься в постели с местной шалашёвкой! — всхлипывая, воскликнула Лидочка, утирая его галстуком с трудом выжатые слёзы.

И всё же Жорик уехал. Лидочка не стала ему звонить, а тем более, отвечать на его звонки, лишь отправляла сухую фразу по SMS — «Всё хорошо, отдыхай». На пятый день отсутствия благоверного мужа она уехала на дачу. Там она вела беседы о сущности мужской в семейных отношениях, которые заставляли прислушаться не только её незамужних подруг, но и певчих птиц.

На десятый день, пропитавшись советами по борьбе с мужчинами, полученными от бывалых замужних женщин, Лидочка всё же не выдержала и отправилась домой. Всю дорогу она обдумывала, каким тоном с ним начать разговор и какую мимику при этом использовать, когда включить в себе сильную женщину, а когда оросить разговор потоками слёз. И вот, двери открыв своим ключом, она споткнулась о развратный чемодан Жорика, при этом наступив на чьи-то женские туфли. За долю секунды, как пантера, она впрыгнула в спальню. Не ужас, а радость победы — вот что зарделось в Лидочкином разуме! Из-под одеяла торчали две головы. Одна Жорика, а другая блондинистая, кудрявая, с её собственной и любимой заколкой.

Жорик не ожидал, поэтому из-под одеяла не вылез, подлец. Впрочем, как и его бесстыжая любовница, скрывающая под ним сволочное лицо.

Лидочка, вспомнив своё далёкое спортивное прошлое, достала из комода спортивный пневматический пистолет, зарядила его и, приняв позу Лары Крофт, с пафосом произнесла:

— Ну, что любовнички, постреляли? А теперь моя очередь!

Жорик, потеряв самообладание, заговорил скороговоркой.

— Лида, милая, я всё тебе объясню, ты что, не надо!

Пока Лидочка нервно перебирала в голове нецензурные слова и складывала из них предложение...

«Руки помнят», — как говорят мастера. Лидочкин указательный пальчик согнулся, и пистолет плюнул свинцом в голову сопернице по брачному ложу. Та издала пронзительный, но почему-то не визг, а свист.

Через пару секунд голова соперницы, охмулившей мужа, вовсе исчезла под одеялом, а из дрожащих рук Лидочки выпало орудие убийства.

Всё обошлось. Жорик разыграл любимую жену, купив и положив ради такого случая резиновую куклу из магазина сексуальной культуры. А вот Лидочка целый месяц пила успокоительное.

Сейчас Жорик и Лидочка работают вместе, в одной фирме и сидят в одном кабинете. Жорик тестирует компьютерные игры, а Лидочка охраняет его мужской арсенал и пересчитывает боеприпасы, лишь изредка отвлекаясь на работу.

ИЗМЕНА

Что значит понятие измены в нашем случае? Измена — смена партнёра. Просто, да? Проще, чем сменить автомобиль.

Стремление к измене чаще возникает в двух случаях: психологическое или физиологическое желание изменить что-либо в своей жизни. К примеру: вы желаете увидеть Биг Бен в Лондоне? А углубиться в недра Марианской впадины? Возможно, да, но только не вы! Но ведь кто-то ночами не спит, ворочается, ай, как хочет...

Все данные изменчивые стремления могут быть заблокированы или, отнюдь, разблокированы средней составляющей между разумом и действием, а именно подсознанием. (Не интуицией.) Тем добрым ангелом или солёным бесом.

Ну, действие подсознательных процессов различно. И если, к примеру, у вас есть мозг и совесть, то у половых органов они отсутствуют напрочь. Да-с. Членса со Звездой за парту не посадишь прослушать курс лекций по этике и психологии семейных взаимоотношений. Но ведь дело даже не в этом упущении природы. Производная измены — в нас самих, и, глубоко зевая, она

просыпается и в тот момент, когда ваш безымянный палец протыкает дырку обручального кольца.

«Неужели вечная любовь? Неужто на всю оставшуюся жизнь?» — эти вопросы ракетой пролетают в подсознании.

Людей сближают множество несовместимых между собой различий. Начиная от физиологической гармонии, кончая духовным мировосприятием. В промежутке этих составляющих цепочки взаимоотношений полов может стать и глупость. Но глупость порой крепче держит отношения. Абсурд? Нет. Люди живут друг с другом всю жизнь, пытаясь понять, что они нашли в необыкновенности партнёра?

И вот вы в супружеской лодке. Кто на вёслах, кто на руле... Вы общаетесь, спите, сосёте карамельки перед телевизором, лижите медок у родных на пасеке, трахаетесь с грязной посудой и имеете дело с протечкой в трубах. А по телеку сериал, футбол... А он или она смотрит ящик, не желая переключать канал. И вот вы покупаете второй телевизор, затем третий для детей. Друзья с подругами звонят, но вы не свободны. Некогда! Холодильник пустой, дети прожорливые получились... Хватит!

— Хе, не-е, не хватит. Даже в отпуск с семьёй поедешь, — дрыгая ножками, на вашем плече хихикает бес.

И муж не Казанова! Казёлова!

И жена не так пластична и грациозна в позе «наездницы». Так села, что приток крови к ногам застопорила. А добрый ангел ваши ножки массирует и шепчет: «Терпи, не сдавайся, ну, капельку она пополнила...»

А теперь отбросьте в сторону, что читали до этого.

Пример: вы посмотрели первую серию художественного фильма, сыграли в компьютерную игру, поболели в первом тайме за любимую хоккейную команду... Какой вам подсознание задаст вопрос? А? Да! Что дальше? Что во второй части?

Так вот. Проснувшись после брачной ночи, не обольщайтесь. Подсознание тикает, время до старта налево резво марширует.

Начинайте расти! Нет, мужчины, я не о нём, и не о них, мои сладушки, женщины.

Подумайте, на чём именно выстроилась ваша мотивация при выборе партнёра жизни. Купюры в расчёт не берём.

— Она меня за муки полюбила!

Лупщите себя сильнее, если при этом её лицо озаряется улыбкой.

— У меня большой бюст!

Ухаживайте за грудью, посещайте маммолога, чтобы ваши прелести были в тонусе.

— Я пишу стихи!

Пишите, а не ковыряйте нос перед телевизором.

— Я много зарабатываю!

Я же сказал, деньги сейчас не в теме. Жрицы любви за углом.

— У меня супер-р-ски получается готовить!

Продолжайте, но кормите здоровой пищей, чтобы потом не ляпнуть: «Пойду пороса харчевать».

Сохраняя основу его и её предпочтений, вы усыпите блудливость подсознания на 10%. Ну, хоть что-то. На 90% хочется изменить, но ведь не на 100!

Что дальше, мои хорошие? Ваш характер!

Она пилит. Он зануда. А где вы были раньше? Брак — это игра в компромисс. Причём чем чаще вы идёте на компромисс, тем сильнее ваше влияние. Глупость? Мудрость. За компромисс в быту вы можете принять в оплату компромисс в личных отношениях, и наоборот. Достало! Не нужно идти к маме жаловаться. Мама — как пуля, в таких ситуациях дура. Прихлопнет вашу личную жизнь — и баста.

Сходите в церковь, подышите ладаном, послушайте хор... Вот ваш бес прокашляется.

Возможно, вы скажете: «Да, компромисс. А другая (ой) дадут без условий». Что дадут? А, это? Дадут однозначно! Но возьмёт ли это он(а)?

Тут нужно проявить изобретательность. Нет, мужчины, не нужно привязывать гвоздик и подставлять магнит, если вам не хочется изменять, но вы стесняетесь отстать от «передовой» части человечества. И не стоит шептать имя Ричарда Гира, если он Коля Хомяков.

В супружестве вы должны быть преисполнены желания к взаимонаполнению друг другом и духовным, и физиологическим.

Мужчины. Не дрыгайтесь, как водомерка в пруду. Женщины. Не стойте, словно коровы, в напряжённом состоянии ума о сохраненном файле отчёта за квартал. Даже во время секса общайтесь, говорите, читайте стихи, грязно ругайтесь, но общайтесь! Возмож-

но, вам этого не хватает для достижения долгожданного оргазма. И муж ваш не пойдёт налево, чтобы самоутвердиться на поприще окончательного удовлетворения женщиной. А то выходит, что сексуальные отношения в браке — рутинная работа на общественных началах. О сверхурочных даже говорить не будем. Отчего это? Почему мы так начинаем воспринимать наш жизненный выбор? А левых партнёров за неземное наслаждение?

Дело в нас. Здесь также необходимо работать над собою. Множество литературы, одежды, аксессуаров вкупе с вашим желанием затмят всех и вся. Не нужно говорить: «Вот ещё, баловаться. Должна я напрягаться». Вы это делаете, в первую очередь, для себя.

Живёте один раз. Так живите. Тем более, стереотипное мышление мужчин и женщин одинаковое. Она днём скромная, тихая, а ночью шлоха громогласная. Он днём мудрец порядочный. А ночью — отбойный молоток.

Вот вам всё вместе ещё 40% к антиизменной броне. Итого 50%.

Эх. Остаётся ещё 50. Это самое унылое и лишённое сексуального содержания. А именно: честь, воспитание, жизненные ценности, духовность и мораль. О чести, воспитании, жизненных ценностях и духовности можно рассуждать до окончания геля в моём перо. Поговорим о морали. Она, как любовь, аморфна. Притягивать её к вечной книге безнадежно, ибо мы так далеки от заповедей. Мораль в сексе, возможно ли сие?

Безусловно, да! Прежде чем задавать себе вопрос о вашей состоятельности на стороне, задайтесь вопросом: «Как вы себя будете чувствовать после того, как врежете орган в рот чужой жене, несовершеннолетней проститутке или обнадёженной обещаниями женщине? Как вы себя будете чувствовать после того, как впихнёте в свою скважину чужого мужа, у которого есть дети, обязательства...»

Если ваша мораль крошиться под остротой зубчиков беса, вы в адском порядке. Если в вашей груди и разуме вы ощутили омерзение, проходите мимо, не задерживайте толпу грешников.

Мораль в сексуальных отношениях — противоядие подсолнечному низменному. Вы не способны изнасиловать своего ребёнка? Нет? Но вы, занимаясь этим с чужим супругом(ой)! Вы морально насилюете чужую семью, вы унижаете слабого на низ человека, впустив его в свою алчную «любовь».

Измена — всего лишь причина. Но всякая причина подразумевает следствие с последствием потери себя как личности, семьи, родных...

И если сейчас, смотря на женщину или мужчину, вы мысленно представляете его (её) в своей постели, это нормально, вы стоите перед собственным выбором.

Их двое. Чёрненький и беленький. Выбирайте.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛЕ

*О жизни не суди сурово — она лишь такова,
каким ты словом назовешь её.*

Вот моя однушка. Блочная, низко-потолочная, с извечно присутствующим резонансом бытового шума.

Степанида, брякнув о столик связкой ключей и перешагнув через лужу кошачьей водицы, пересекла порожек миниатюрной кухоньки. Два рыжих усача из отряда насекомых, наверняка, вели беседы о вечном, но, увидев хозяйку дома, лениво поползли от куска сдобной ватрушки отсыпаться. Кухня была похожа на космический отстойник пришельцев. Стройные и не очень ряды нелетающих и грязных тарелок. Ложки попережку с чашками, крошки, фантики...

Скинув пальто с плеч и расправив грудь, Степанида, сплюнув нецензурным словом, достала из кармана джинсов только что купленную пачку сигарет.

Жёлтый огонёк зажигалки аккуратно окольцевал край сигареты, первая затяжка вышла в пространство раскрытой форточки. За окном толпился, ревел и завывал проспект. Люди, машины, призывная реклама. Одним словом, пейзаж урбанистического муравейника обрамлённый рамой оконного блока. Глубоко затянувшись, Степанида потянулась в карман брюк за мобильным телефоном. Пришло сообщение о приостановлении обслуживания. Убрав «прожорливую» трубку на прежнее место, она вновь устало посмотрела в окно.

Её внимание привлекли люди. Их было человек десять. Яркая, фосфоресцирующая пестрота цветов их одежд резала глаза. Эти люди были одеты не по сезону и городскому социальному стилю.

— Наверное, иностранцы, — проговорила она вслух.

Около этой весёлой и цветной толпы остановился двухэтажный автобус, из которого вышли улыбающиеся и разбитые млад и стар.

Уличные фонари зажглись раньше обычного, окутав проспект томным холодом криптона. Дома-коробки при этом свете стали выглядеть, словно серые айсберги на чёрном льду асфальта.

Наблюдения женщины были прерваны отчаянным скрипом входных металлических дверей.

— Во, припёрся, опять, поди, пьяный и грязный, — на вздохе проворчала она.

На кухню шагнул высокий мужчина в чёрном кожаном пальто. Его лицо почти закрывал шикарный букет из чайных роз.

— Это тебе, моя любимая женщина! — воскликнул он.

— С чего бы это? — нервозно затягиваясь остатком сигареты и чуть присев от удивления, спросила Степанида.

— Оттого, что есть ты и наша с тобой любовь.

Степанида почувствовала, что по её щеке побежала слеза счастья.

— Не волнуйся, я сейчас вымою посуду и мы отправимся в ресторан. Такси уже в пути, — с нежностью в голосе произнес её муж.

Она была поражена таким неожиданным и ничем не объяснимым поведением своего супруга.

У её ног тёрся рыжий кот, сладко мурлыча свою убаюкивающую песню. Кот, который всегда только царапался.

Степаниду переполняло ликование радости. Она за такие короткие минуты вновь обрела счастье, которое, как ей казалось, и вовсе не существует на свете.

В двух кварталах от её дома господин Чудаев методично и с удовольствием бил господина Бабэкова за то, что тот по ошибке распродал блок контрабандных сигарет, «заряженных» отборной марихуаной.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Вчерашним полуденным днём я имел честь встретиться с одной уважаемой особой. Деловая встреча с импозантной женщиной! Кто-нибудь из вас имел честь? Женщину? А я имел и то и другое в сугубо деловом смысловом значении этого слова.

Мы, разобравшись с форматами А4, разложив их по папкам и «мамкам», с полувзгляда поняли вопросительно согнувшуюся над нами ясноглазую официантку. Мы заказали... И кофе тоже.

После того, как мы с удовольствием нарушили золотое правило Саввы Морозова и закусили неким лимонном, поскакал конь, а следом затопал як, ну, а за ними поплёлся разговор.

— Слушай, лапуля, я тут хотела с тобою посоветоваться...

— начала она, смотря на себя в зеркальце.

— Со мной? — щёлкая зажигалкой, улыбнулся я.

— А то с кем? — щёлкая пудреницей, усмехнулась она. — У тебя получается с женой, ну, ты понимаешь?

— А я знаю? Ты у неё спроси! — каков вопрос — таков ответ, подумал я.

— Ты не понял заяц. Ну, ей когда хорошо, её тянет, ну там а-а-а-а, лапочет?

— Да! Когда чихать хочет. Слушай, детка, давай без женской логической разведки, напрямую попробуй, — осторожно одёрнул я свою собеседницу.

— Бли-и-и-ин, — протянула она.

— Давай без сленга, — вздохнул я табачным дымом.

— Пи-изец. А у меня беда. С Колькой-то прожила десяток лет и вот в конце этого года не чувствую к нему ничего. Охладела напрочь, прикинь? Сама себя и то не могу кайфануться.

— А Николай Ильич?

— Что шкаф, что Колька, всё одно.

— Избався от шкафа, смотришь, и муж ярче и виднее станет.

— Ну, нет! Шкаф итальянский, не-е.

— У мужа чувства к тебе самой не охладели?

— Знаешь, и у него. Раньше лип, как муха...

— Не продолжай.

— Да-а. А теперь закрывается в кабинете или сортире и читает.

— Хм, а раньше это рвение к знаниям у Николая наблюдалось?

— К чему? Да ну, зачем? Он ведь начальник, ему некогда, а тут, прям, хочу всё знать.

— Может, съел чего? — туша сигарету, подмигнул я.

— Что? Стебок.

— Объясни, каковы ваши личные отношения друг к другу? Ссоритесь?

— Не-ет, наоборот. Вот тут у нас с Колюней всё идеалисизм. И ведь, шмелюга, цветы дарит, кофинуху мне с утряны варит, ножки массирует.

— А потом уходит с головой в печатную продукцию, — кивнул я.

— Точно! Поговорит со мной, погладит по головке, ну, моей голове и читать.

— А когда гладит, у тебя желание его обласкать появляется?

— Чего появляется?

Я взял стул и поставил его рядом со своей собеседницей, сел и обнял её. Она внимательно и напряжённо с чуть приоткрытым ртом смотрела на моё лицо. Осторожно коснувшись своими губами уголочков её губ, я провёл кончиками пальцев по её шейке.

— Ты слышишь нежность? — трепетно я прошептал ей в ушко.

— А, так это. Во мужики! Во шустряги! Хотя бы предупредил. Нам ведь, женщинам, нужно морально подготовиться, настроиться. А вы! Не успеешь трусы снять, а вы уж там шуруете, трудоголики.

— Извини, — смутившись, пожал я плечами.

— Не-е-ет, давай ещё разок. Повторенье — ученье, мать её.

Мы повторили, несмотря на то, что стали объектом всеобщего внимания посетителей заведения.

— У меня встал! — воскликнула она.

— Расцвёл бутончик желания, — поправил я её и пересел на своё прежнее место. — В данном случае у вас с Николаем любовные отношения переросли в иное русло, — начал я.

— Ой, чё-то жарко, — махая папкой, произнесла она, другой рукой поправляя волосы.

— Да, душноовато, — согласился я.

— Так что там про русло?

— Ваши отношения с мужем со временем преобразовались в родственные. Ты видишь в супруге не самца, а, к примеру, брата, папу. Он в тебе сестру, маму.

— Во! Точно! Я тут его с папочкой сравнивала, так похож голосом. Ексклизми, перебила.

— Так вот, инцест...

— А это что за зараза?

— Интимные отношения между родными по крови людьми, близкими родственниками, инцест — явление для вас, вполне нормальных людей, естественно, отвратительное, поэтому ваше подсознание блокирует возможность сексуального влечения, а тем более — вступление в интимную близость.

— И что мне теперь делать? — держа бокал коньяка и давая команду «старт» слезам, заревела она. — Я ведь столько деньжищ каждый месяц в салонах оставляю, бля-а-а, а дивидендов но-о-оль, — продолжала рыдать она.

Мне пришлось пересесть опять к ней.

Со стороны люди поняли так. Он с ней того самого, а когда она ему прямо заявила о своей беременности, он свернул лыжи и решил её тривиально бросить. Минимум, козлопупс.

— Ну, чё ты елозишь, словно геморройк? Раз подсел, два обними, — утирая нос, протянула она.

— Подруга, я ведь тебя пять лет знаю, а ты, несмотря на салоны, не изменилась нисколько.

— Это комплемент?

— Нет.

— А чё это было? — промокнув платком глаза, уставилась она на меня.

— Изменись. Перестань быть собою. В чём ты дома ходишь?

— В джинсе.

— Купи халатики, пять и разных. Так, а причёска?

— Эта, что и сейчас.

— Распусти волосы.

— Так там, несмотря на все усилия, седые суки лезут.

— Сделай мелирование, заплети косички. Что ещё дома носишь?

— Тапочки, и ещё трусики...

— Тапочки тоже купи разные под цвет халатиков, даже со зверюгами. Трусики в шкафчик итальянский, носи панталончики, освежает восприятие.

— И всё?

— Нет, голуба, не всё. О чём с Коленькой беседуете?

— О работе.

— Ух, российская забава. Дома о работе, на работе о доме. Читай, что ему интересно. Отношения заканчиваются, когда сказать друг другу более нечего. Что посещаете в свободное время? Телевизор?

— Ну...

— Запишитесь в школу танцев. Танец в паре раскрепощает и зажигает сердце. А ещё необходим женщине шарм.

— Это духи такие, тяжёлый букет, не моё это ё.

— Ты меня не дополняла, шарм — он превосходит красоту стократно. Красота временна, а шарм неувядаем. Здесь необходимо обратить внимание на свои жесты, взгляд, манеру высказывать свои мысли. Тембр голоса, который наиболее выразит не только твои измышления, но и тебя саму. К примеру, слово

«милый» может быть преподнесено множеством вариаций. Попробуй перед своим зеркальным отражением прошептать это волшебное слово, обращая своё внимание на мимику, взор своих очей. Изобрети жесты, те, которые будут вызывать и принадлежать только твоей натуре, твоему телу...

— Бюсту?

— Удачный пример, то есть, я имел в виду: к твоим особым отличительным физиологическим данным, ручкам, ножкам, бёдрам.

— Та-а-ак, стоп, стоп, стоп, — она убрала платочек. — Ха, значит, я должна в мучениях измениться для него, а он будет книжки в уборной изучать. Сурово.

— Пойми. Если ты сама изменишься, и твой супруг перестанет видеть в тебе сестру, маму, ту женщину, к которой он привык. Именно через него, своего мужа, ты вновь почувствуешь себя женщиной. Ведь на самом деле женщина никогда не будет ощущать себя всецело женщиной, если она не наполнена вниманием и заинтересованностью мужчин.

— А Колюня?

— И он изменится, глядя на тебя — новенькую, сладенькую, пышечку.

— У меня встало! — звякнула она ложкой.

— Тсс, так вот, мужчина таков, какова его женщина. Если она следит за собой, и он меняется невольно, так как на её фоне чувствует себя мешком в тапочках, стареющим, дряхлеющим, и чтобы ощущение мужской неполноценности в себе погасить, он начинает преображать себя. Если же его женщина осталась на точке замерзания, то он, почёсывая седеющие виски и... ну, не важно, начинает самоутверждаться на стороне.

— Здорово!

— Да ну, — махнул я рукой. — Всё это работает, когда люди искренне хотят быть рядом друг с другом, если нет, то нужно разбегаться.

Мы вышли на суетливый проспект. На прощанье она поцеловала меня, с блеском в глазах игриво улыбнулась и, подойдя к своему авто, произнесла:

— Знаешь, милый, а я машину в другой цвет перекрашу, может, и гаишники изменятся.

ЯВНЫЙ СОН

*Мы отдаляемся от бытия в любви,
От грома правды затыкаем уши
И, наизнанку выворачивая души,
Развешиваем на верёвку гладкой лжи.*

Во времена полуфабрикатов, автомобильных пробок и силиконовых частей тела жил-был я. И вот однажды, когда моё тело укрыло дырявый и потёртый больничный матрас, со мною произошла эта... Как бы лучше это назвать? Сказочным повествовательным идиотизмом или пророческим сновидением? Не суть.

После принятия дозы химических зелий целителей современности я обнял забитую казённую подушку и отдался в иллюзорные руки Морфея, бога сна.

Мифический грек пронёс меня в своей раскрытой ладони вокруг оси земного шарика, затем, скомкав мой дух, будто я был неостребованной шпателькой, бросил в размытое пятно мате-рика, пожелав вслед удачного падения.

Приземлившись, я твёрдо сел на зад, но, поняв, что меня в этой толчее рыночной людской биомассы попросту затопчут, уверенно встал на ноги.

Да, это был масштабный рынок секунд хэнда! Здесь продавалось всё и, что меня совсем не удивило, по довольно бросовым ценам.

Несмотря на эту тривиальную картину незнакомого мне мегаполиса, я с интересом наблюдал за людьми. В них не было особенностей. Вполне сытые и рельефные оболочки, прикрытые чистым и ярким антуражем материального. Лишь небольшая и незначительная деталь отсутствовала поголовно у всех — лицо. Не понимайте меня буквально, присутствие носов, ушей, глазных яблок и энергично жующих ртов располагалось в строго намеченных природой местах обитания, но!

Все граждане этого неизвестного королевства были схожи не только внешним обликом, но и одинаковым выражением лиц. А их немилостивые лики выражали собой лишь две эмоции: злобу и зависть. Редко, но попадались лица с равнодушием и тоской. Пару раз я залюбовался девицами с ярко выраженным

распутством, а ещё мне наступил на ногу прохожий, который изрядно порадовал меня тем, что он выражал необузданную весёлость, которая давно перешла границы дурости.

— Уважаемый! Патриций, сударь, сэр, мистер, господин, гражданин! Да, я к вам обращаюсь.

Я с немым вопросом развернулся и ткнул себя пальцем в грудь.

— Ради всего святого, не проходите мимо, — умоляющим тоном произнёс продавец лавки, обвитой пышной мишурой.

Подойдя к нему и его товару, я поёжился. Немолодое, уставшее лицо лавочника с остроконечной седеющей бородкой улыбнулось мне рядом острых белоснежных зубов.

«Фарфоровые зубы», — подумал я и тут же впал в замешательство. Его лицо было вполне пластичным и выражалось понятным мне мимически-эмоциональным языком.

Этот старый малый был вполне нормален, нет, скорее, ненормален. Он отличался от всех покупателей и продавцов этого чудного базара.

— Ну, любуйтесь, примеряйте, выбирайте, покупайте! — протараторил он мне.

— Хм, странный у вас товар какой-то... — заметил я, вертя в руках целлофановые упаковки с содержимым.

— Первосортный, сертифицированный, — закончил он за меня мою фразу.

— Вы торгуете лицами, а для чего?

— А вы на себя, уважаемый, в зеркало смотрели? Посмотрите в моё, — поднеся к моему лицу зеркальце, с лукавством произнёс он.

Я вздрогнул и попятился назад.

— Что с вами? — с беспокойством спросил меня продавец.

— А, а я что-то не понял, а где, тут было, — щупая пальцами лицо и пытаясь с усилием до красноты его оживить, пробубнил я.

— Станный вы какой, верно, иностранец. Ладно, меньше эмоций, больше разума.

Рядом со мной появилась грузная дама. Отпихнув меня локтём, она быстро осмотрела витрину и кивнула продавцу:

— Короче, мне вот это, да, лицо добра, ещё парочку лиц радости и одно... — Посмотрев в свой список она, продолжила: — Ещё два с влюблённостью.

— Как скажете, прошу вас, — проворковал продавец.

— Ну-и-ну-у-у, — протянул я.

Хозяин лавки усмехнулся, шурша разноцветными ассигнациями.

— Ладно, посоветуйте мне, какое лучше лицо купить, чтобы я снова был самим собой, — решительно вымолвил я.

Продавец посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Вы себя хорошо чувствуете? — с тревогой спросил он меня.

— Не очень, да ещё в больницу с воспалением лёгких загремел, — с тоской ответил я.

— А, теперь понял. Позвольте дать вам безвозмездный совет. Если вы не хотите, чтобы вам набили в нашем городе морду, оставайтесь таким, какой вы есть сейчас.

— То есть?

— То есть, — передразнил меня собеседник. — Суровый, серьёзный... Запомните, с чужими людьми в этом городе нельзя быть самим собой, побьют, засмеют и смешают с грязью.

Я тяжело вздохнул:

— И что же мне делать?

Лавочник с сочувствием покачал головой, затем хлопнул в ладоши.

— Уважаемый, я познакомлю вас с самым отменным товаром, тем, который я всегда рекомендую постоянным покупателям, а их у меня, ой, не сосчитать. Итак! Первое! Лицо честности. Если вы бизнесмен, то вам оно просто необходимо, да, кстати, и у некоторых чиновников оно пользуется популярностью. Второе! Лицо искренности! Знаете ли, оно зачастую также необходимо, а если вы купите лицо честности, то искренности получите в подарок, эмоции взаимодополняемые, — подмигнул мне продавец мимики.

— А вот эти красивые упаковки? — с интересом я протянул руку.

— О! Лицо страсти! Шикарный выбор и вполне ходовой товар, особенно когда вы прожили с супругой или супругом энное количество лет. Знаете, там, годовщина свадьбы, туда-сюда, а вам не хочется сидеть за столом, с ней и, уныло смотря на тающую свечу, пережевывать ресторанные харчи. А с этим лицом вы будете как в первые встречи.

— Да-а-а, — развёл я руками.

— Представляю вам лидера продаж! — грациозно повертел передо мной товаром продавец. — Лицо оргазма! Вы покраснели? Тогда я вам порекомендую ещё лицо анти-совести и противомущения.

— Нет, не надо, — замотал я головой.

— Итак-с, лицо оргазма! Вы, надеюсь, не мальчик, чтобы я вам объяснял, что это?

— Уже нет, — теребя пуговицу, пробормотал я.

— Ой, знаете, у меня всего один экземпляр остался, расхватили. Впереди международный женский день, все мужчины именно в этот день стараются порадовать своих женщин. Ну, вы можете со своей любимой надевать его по очереди, тоже вариант.

— А это что за пёстрая упаковка? — шурша пакетом, поинтересовался я.

— Лицо сострадания и сопереживания, залежалый товар. Эту модель с производства сняли, нет, ну, если хотите, то возьмите, скидка 50%, раритет. А вот это лицо интеллекта! Спрос превосходит предложение, сегодня новую партию завезли. Ещё есть лицо верности, хотя оно всё менее популярно, сейчас это бредовое понятие выходит из моды. Кстати о моде! Гламурными лицами интересуетесь?

— Благодарю, нет. Скажите, а кто изготавливает данный товар?

— ООО «А&Д», у них филиалы по всей планете, во всех странах мира. Очень качественный товар, опасайтесь подделок.

— Меня интересуют отечественные модели, российские.

— Так вот вы откуда! Как я сразу не догадался? Что ж, извольте. Вот модель «Браток», а эта — «Дам в табло и пошлю на хрен» — весьма эффективная и прочная модель. Ещё есть совершенно новая, социальная — «Гражданская позиция». А вот две модели для женщин — «Хочу замуж за иностранца» и «Желаю быть любимой», мало ли, у вас есть знакомые, великолепный подарок.

— Простите, но неужели женщины сами не смогут выразить эмоцию желания быть любимыми?! — вопросительно-восклицательно возмутился я.

— Понимаете, в реале слишком жалостливое и потаскушное выражение лица получается, а тут в модель встроена система «Всё ОК», то есть, желаю быть любимой, но в тоже время я независима и самодостаточна.

К лавке чинно подошёл солидный мужчина. Это был священник.

— О, какая шикарная неожиданность, всегда рад! — ярко улыбаясь клиенту, запрыгал продавец.

Священник угрюмо кивнул лавочнику, искоса посмотрев в мою сторону.

Хозяин лавки живо завернул ему товар и с поклоном передал. Когда покупатель удалился восвояси, я поинтересовался о его выборе товара.

— Э-э-э, тут особый товар. Лицо благочестия, сложная модель, делается сугубо на заказ, — тряся пальцем над лысой головой, таинственно произнёс продавец. — Итак-с, молодой человек, что вы предпочли?

Я потянулся за своим кошельком но, вывернув все карманы, не обнаружил ни одной звонкой монеты.

— Эх, бумажник в больнице оставил, — растерянно произнёс я.

— Не страшно, главное, вы знаете теперь, что хотите. Советую вам обязательно всё это приобрести, а иначе туго вам в жизни придётся, — с улыбкой вымолвил хозяин лавки.

— Разрешите задать вам вопрос? — осторожно попросил я.

— С удовольствием вам отвечу! — сложив руки на груди, кивнул собеседник.

— Отчего все вокруг с такими лицами, а у вас оно такое живое и естественное?

Мерзкое хихиканье продавца неприятно пощекотало мой слух:

— Позвольте представиться, падший ангел! Ну, а дальше вы всё знаете, — сказав это, он комично и неуклюже сложился в реверансе.

— Так вот оно что? — оторопел я.

Хозяин лавки махнул рукой:

— Да-с, возможно, один я настоящий человек остался, остальные подобию.

— В каком смысле?

— Создатель так разочарован своими трудами, то есть вами, людьми, что попросту перестал обращать на вас своё внимание, учениям его вы не внимаете, заветов не чтите, — собеседник прослезился. — А я, я один теперь отвечаю за все ваши грехи, ох, и достаётся мне, поэтому, чтобы хоть как-то уберечься от Его гнева, я делаю всем вид, что вы все на Земле счастливы, — утирая нос платком, прошептал продавец лиц.

После этих слов я почувствовал, что мои ноги ведут меня прочь от лукавого.

— Прощайте! — быстро произнёс я.

— До свидания, — ответил мне он, махая вслед красным платком.

Кто-то невидимый стал тормошить меня за плечо. Я приоткрыл глаза, слыша своё имя.

— Вставай, ну, хватит на массу давить, просыпайся.

— А, это ты. Поди прочь, — буркнул я своему соседу по палате, переворачиваясь на другой бок.

— Та-а-ак! — раздался басовитый, но всё же женский голос.

— Утро доброе, Светлана Анатольевна, — улыбнулся я врачу.

— Уберите карты, вино, совсем распустились! Сейчас главный врач с обходом пойдёт, быстрее, мужчины!

Кое-как расчесавшись и застегнувшись, я протяжно зевнул, наблюдая, как Геннадий прячет «краски» вчерашнего вечера. Обняв ту, что вносила женственную ноту в наш мужской ночной разговор, я мечтательно произнёс, проводя по тугим гитарным струнам:

— Однако оказийная история со мною во сне приключилась, брат Геннадий.

— Ещё бы, столько вчера выпили, да плюс уколы, вот ёрш в крови замутили. А я не мог уснуть, всё своей подруге названивал.

— Замуж, верно, хочет подруга та? — усмехнулся я.

— Да нет, сомневаюсь. У неё работа, от денег не зависима. Замуж ведь те хотят, кого мама с папой содержать отказываются.

— Ну-ну, — почёсывая трусы, ответил я.

Многоголосье в коридоре заставило нас прервать дискуссию.

Дверь палаты распахнулась и в неё шагнули три пары ног, две в колготках, одна в брюках.

— Здравствуйте господа больные! Кто тут у нас Геннадий Ильин? Очень хорошо! А вы вооружённые силы от бессилия своего решили не посещать? У нас ваше немогущее тело вплоть до второго пришествия я оставить никак не смогу, — с сарказмом обратился низкорослый мужчина с колкими карими глазами к моему соседу.

— О! Фон-барон, очень приятно, — обратился он ко мне, просматривая листы.

Я уткнулся пристальным взглядом в главного врача, затем украдкой взглянул в отражение оконного стекла.

— Ну-с, позвольте и мне представиться, Леонард Вельзевич Шайтановский!

Геннадий заискивающе улыбался, а я даже не знаю, какое у меня было лицо. Пару раз кашлянув, я снова замер.

— Что ж, вы заметно посвежели, кашель оптимистичный, лицо довольное, будем вас, уважаемый, выписывать. Мир вас ждёт не дождётся, — с улыбкой произнёс мне Леонард Вельзевич и погладил седеющую остроконечную бородку.

Когда врачи удалились и дверь плотно воссоединилась с косяком, я всё ещё продолжал держать мимику недоумения.

Геннадий привстал с кровати и, сжав кулак, вытянул средний палец, процидив сквозь зубы: «Да пошёл ты, чёрт старый».

«Х», «У» И ЖИЗНЬ

Что, собственно, есть человек? Мнений, суждений не меньше, чем самих людей на нашей планете. И всё же давайте поразмышляем над этой вечной, неувядающей темой, вернее, о психологии человека, применимой к личным взаимоотношениям между мужчиной и женщиной.

Предположим, что человек — двоичная система координат абсциссы X и ординаты Y , с тонкой линией, указывающей на существование оси Z , которая довершает человека, его тело и личность в диметрическом выражении. Ось Z — душа.

Разберём человеческую личность на X и Y .

Итак, первое — люди, стабильно шагающие в чётко заданном направлении по ровной и прямой оси X . Второе — люди с усилием стремящиеся по вертикальной оси Y за своей мечтой.

Кто такие люди X ? Это люди, берущие от мира всё, что встречается им на их жизненном пути. Они не дают миру практически ничего, их восприятие о нём складывается из поглощения встреченного на их оси объекта. Мир они познают так. К примеру, берут тарелку каши и, черпая ложкой, съедают всё без остатка. Облизнув ложку, фанфарно отрыгнув, ждут. Чего? Ответа, что они с этого получили. Тут вариантов немало: сытость, диарея, удовольствие, газообразование, желание зарубать ещё порцайку...

Что делают люди Y с этой тарелочкой каши? Они угощают ею всех вокруг, давая каждому по ложечке, не оставляя себе равным счётом ничего. Они святые? Ну, что вы.

Люди Y получают информацию о вкушённом блюде от других, кому как, а кому и впрок.

Собрав общественное мнение ото всех, они приобретают различие мнений о данном продукте, затем тщательно их анализируют, выделяя наиболее правильный вывод, который им необходим для старта ввысь по заданной координате, при этом физические силы, недополученные от пищи мирской, им не столь важны.

И как эти люди проявляют себя в личной жизни?

Представьте себе человека Икса. Его проявления несложно предугадать.

Люди Иксы требуют к своей персоне повышенного внимания. Им желается видеть улыбку на вашем лице в свой адрес, даже когда на вас упал кирпич. Они жаждут долгой беседы по телефону, даже если ваш мобильный подло сдох от разряда электронных потрохов. Эти хотят секса, да тогда, когда им вздумается, не спрашивая, а желает ли противоположный орган вторжения?

Иксы любят, чтобы их слушали, даже если вы в наушниках. Они очень переживают, когда кто-то умнее их. Ваши мысли на их дороге координат? Вы мешаете их прямой и победоносно-беспрепятственной езде по их оси. Не умничайте, лягте, расслабьтесь, сейчас по вам промчатся железные траки Икса. Ещё эти люди до поросычьего восторга обожают, когда по ним, точнее, о них страдают. Всё происходит следующим образом. Сначала он или она «щикотят» ваше сердечко, определяя, насколько вы далеки от инфаркта, ну, а затем начинают изводить своими пьесами. Сценарии просты и плагиатичны. Начиная от недосказанных фраз со смыслом чего-то таинственного, печали внезапной в глазу в унисон с холодом к вам. Кончая монологами из мыльных опер о том, что в себе необъяснимое происходит, возможно, чувства угасают, но есть надежда, просто нужно понять, что мешает нам вновь обрести забываемое нами счастье и спасти ту силу, что давала нашим крыльям способность вознестись к таинственной непознанной любви... (Я прослезился.)

Тем временем вы, услышав эти зашифрованные фразы, пучите глаза, стучите фибрами души, считаете слёзы... А он или

она с паволокой тайны в глазах, виляя тылом, уходит в судьбы ненастное забвенье.

А ля love story в стиле декаданс. В это время Икс скачет, как козёл в брачный период, радуясь своим прихватом вас за чувства. Икс наслаждается дождём ваших слёз, он заряжается вашим страданием.

Почему? Да ему в печень не упёрлась эта ваша любовь до гроба. Выжимка ваших эмоций — вот энергетический заряд для его зачастую нарцисстичной личности!

Люди Игрек. О, это совсем другой мир. В личных отношениях у них всё на высоте, с которой они периодически падают на ось X. Увы. Сему виной гравитация реалий жизни. Но эти упрямы к покорению жизненных высот. Пик достижения вершины — смысл, ради которого они пришли в этот свет. И, несмотря на всю дерзость тщеславия, в личной жизни Игреки не отличаются напористостью и вероломством. Они по отношению к своему любимому человеку изобретательно-деликатны.

Представьте себе человека, который ждёт от своего партнёра следующего. Пример. Его любимая тушка делает что-то не так. Ну, гвозди шляпкой в стену второй день колотит или, сварив макароны, сливает воду в тарелки, а макароны в мусор. (Воспринимайте правильно.)

Игрек не станет ничего говорить. Он своим выражением лица, взглядом будет указывать вам на вашу ошибку. Какую? И не спрашивайте его об этом. Вы должны сами прочесть информацию на лице игрека, ведь он так им «трудиться» для вашего же блага. Ещё пример. Вы своего Игрека буквой W года два не ставили, дабы надругаться над его томимым желанием телом. Он при этом будет ждать вашей сознательности, сигнала намёками, далёкими от темы интимной. А вам и в голову, ни в большую, ни в маленькую, эта мысль не приходит. (Для мужчин.)

Игреки любят ровные отношения в семье, им нужна стабильность в отношениях, а не инфляция. Тот устойчивый шест оси Y, на который они будут неспешно карабкаться в стремлении к духовному или великолепно блестящему. Здесь главное — не тревожить их творчество жизни разной чепухой: поездкой за продуктами, оплатой коммунальных услуг, стиркой сорочек и срочек. Они там! Высоко! С высоты птичьего полёта будут взирать на вас и ангельским словом вдохновлять на вторую работу

или, напротив, незаметно для вас заманивать в сети финансовой зависимости от него, что в итоге заставит вашу личность заниматься только домашним хозяйством.

Вообще в совместной жизни эти люди отличные родители (как педагоги) и верные друзья своих половинок. Главное, чтобы игрек их оси всегда стоял. При этом они даже могут делить с вами угол, арендованный у крутых тараканов, только любите и не нервнируйте их, и когда-нибудь они достанут вам сверху и луну, и звёзды в благодарность за стойкость оси ординаты.

Об оси Z я не поведаю вам ни слова. Но, по моему убеждению, будь вы человеком X или Y, именно ось Z есть важнейшая отправная точка отсчёта любого вида взаимоотношений между двумя разнополюсными личностями.

Что происходит, когда Y живёт с X?

Упрощённый алгоритм отношений

1. Встреча — цветы — разговор. 2. Речи — цветы — театр. 3. Кафе — речи — подарок. 4. Стихи — цветы — подарок — намёк на единственную и неповторимую. 5. Речи — секс — секс — секс. 6. Цветы — стихи — секс — секс. 7. Секс — затишье. 8. Звонки — пустота. 9. Вопросы — не знаю — может быть. 10. Стихи — прости — пустота. 11. Цветы — театр — секс. 12. Пустота — речи — пустота. 13. Обида — равнодушие. 14. Стихи — прости — слёзы — пустота.

Что происходит, когда Y живёт с Y?

1. Встреча — разговор — разговор. 2. Беседа — друзья — беседа. 3. Работа — встреча — беседа. 4. Цветы — секс во время беседы. 5. Подарок — цветы — беседа. 6. Затишье — разлука — платоническая любовь. 7. Встреча — знакомство с родителями — обручальное кольцо — беседа. 8. Работа — театр — дети. 9. Работа — дети — помощь бабушки и дедушки. 10. Работа — южный курорт — дети — диссертация. 11. Уход в себя — помощь детей. 12. Мечты о новой любви — лирика. 13. Беседы с самим собой — отдельные спальни. 14. Новые чувства — снова беседы — цветы — школа танцев. 15. Жить, пока смерть не разлучит нас.

Что происходит, когда X живёт с X?

1. Встреча — пиво — секс. 2. Секс — пиво — секс — секс — секс. 3. Работа — соперничество. 4. Дети — секс на стороне —

друзья — подруги. 5. Работа — компьютер — дети — ругань. 6. Житие порознь. 7. Встреча — беседа — муки — слёзы — пиво — секс. 8. Секс — подарки — путешествие. 9. Боулинг — покупка второй машины. 10. Секс с другой семьёй — чьи дети? 11. Развод — воскресный папа — свобода. 12. Встреча — разговор — слёзы. 13. Совместная встреча старости со ставками: кто кого переживёт.

ОТСУТСТВИЕ ВАЖНОЙ «ДЕТАЛИ»

В субботний вечер я ожидал гостей, а именно, влюблённую пару, разумеется, не в меня, а друг в друга.

Сняв с руки прихватку, я закрыл пышущий жаром квадратный зевок печи и посмотрел на настенные ходики.

Гости невольно оказались милостивы к ничего не успевающему хозяину дома и опоздали на пятнадцать минут, звонко оповестив о своём визите в тот момент, когда я поправлял узелок галстука под воротничком.

Гости. Множественное число обратилось единственным. На пороге стоял Григорий.

— Здравствуй, — торжественно-печально поприветствовал он меня, протягивая коробку.

— Вечер добрый, проходи, — беря торт и уже задаваясь немым вопросом, пригласил я его.

Он растерянный сел за стол, будто был один, и, несмотря на всю должную сервировку стола, сразу начал с крепкого напитка в обход аперитива.

Поводя скулами, он мне слабо улыбнулся.

— Позволь поинтересоваться, где твоя девушка? — недоумевающе развёл я руками. — Вы поссорились?

— Она меня обманула, — вертя в руках опустошённую стопку и смотря сквозь резной хрусталь графина, чётко объяснил он.

— Ну, а я-то тут при чём? Ссора — ещё не повод не прийти на ужин к человеку, который вас ждал, готовился...

— Прости, дружище, — кивнул он.

— Гриш, давай, я ей позвоню, съезжу за ней, помиритесь...

— Между нами всё кончено! — перебил он меня и, звякнув стеклянным горлышком о край стопки, наполнив её до краёв, разом осушил.

Смотря на него, я чувствовал, что воспитание, с усердием вложенное в меня заботливыми родительскими нравоучениями, постепенно растворяется.

— Григорий, — начал осторожно я. — Ты же говорил, что у вас всё серьёзно.

— Хм, говорил. Я был уверен, что всё серьезно, а тут на тебе, — пробубнил он и вновь взялся за водочный графин.

Я почесал затылок, хрустнул пальцами и...

— Короче, скотина, нажираться будешь в своём доме, а теперь вставай на цырла и упрыгивай отсель! Да, и не забудь графин забрать, чтоб мне о твоём свинстве ничего не напоминало, — швырнув полотняную салфетку в свою тарелку, я вышел на кухню и закурил.

— Почему ты на меня орёшь? Мне и так на душе плохо! — влетел он вслед за мной.

— А отчего тебе плохо? Миловидная, интересная женщина, я ведь её видел на твоём дне рождения, а ты, чудушко, на себя в зеркальное отражение давно любовалось? Или, сударь, изволили зажрать? А как она на тебя смотрела, словно ты на свете всех милее, всех румяней и так далее. Помогала тебе, вдохновляла тебя, ухаживала за тобой, когда ты болел.

— Вот только не надо, ладно? Смотрела на меня, как все смотрят, — отозвался он.

— Что случилось, Гришаня? Отчего мы вот так, запросто отрекаемся от любящих нас людей. Ты же не олигарх, актёр и не жоп, тьфу, поп-звезда! Ты обыкновенный профессиональный охранник, а она...

Гость потянул из пачки сигарету и закурил.

— Вот представь, — начал он. — Только представь, что ты целый год встречаешься с женщиной и желаешь её, хочешь, мечтаешь, а она всякий раз тебе заявляет, что у нас ничего не может быть!

— И что тебя возмущает? Целый год? С какого дня своей жизни, ты решил, что женщина должна отдаваться тебе по первому твоему «Хочу»? — наливая кофе ему и себе, спросил я.

— Да не в том дело! Она говорила, что она девственница! — выпалил вместе с табачным дымом Григорий.

Спорный разговор приобрёл неожиданный поворот.

— Я не стану тебе задавать вопрос, как ты её в этом разоблачил, — усмехнулся я. — Но сдаётся мне, она всё же сжалилась над твоей похотью.

— Да! Это было вчера днём! И она сумасшедшая, пламенная любовница!

— Ты пьян. Я не нуждаюсь в столь откровенных подробностях, — спокойно ответил я, подавая чашечку заварного «Мокко» взволнованному гостю.

— Ах, простите, Ваша светлость, куда мне.

— Не паясничай, — кивнул я ему. — Дело не во мне, а в женщине, проявляй уважение к той, что одарила тебя частью своей жизни.

— А она! Она мне мозги пудрила, зачем?

Я пожал плечами.

— И вот таков ответ я получил от неё вчера, — с отчаянием произнёс Григорий.

— А разве для любви сие настолько важно?

— Нет, на самом деле пустяк, но, единожды солгав, она солжёт дважды. Хотя я соврал, это не пустяк, — глотнув кофе, вернулся к обиде собеседник.

«Послушай, б/у несчастное...» — хотел было начать я, но начал иначе:

— Григорий, тебе тридцать восемь лет, а ей?

— Ну, ей двадцать четыре, вроде, так, — смотря в пол, промямлил он.

— Я вот своей жене всегда говорил, что достался ей мальчишкой. Она почему-то не верит, но зато в это стал верить я сам...

— Не смешно, — перебил меня гость.

— Возможно, твоя девушка изначально хотела казаться тебе иной. Сказала тебе о своей невинности, когда ты к ней через де-нёк-другой полез с желанием, тем самым остановив тебя, — предположил я. — Ну, а потом...

— А потом?

— Слово не воробей. Шуткой это ей назвать было глупо, сказать, что этого она не говорила, тоже не умно, поэтому девушка решила, что, если ты её действительно любишь, то для тебя отсутствие девичьего целомудрия станет впоследствии неважным. Ан, нет, просчиталась.

Григорий сел на стул и, запустив пальцы в густую шевелюру, уставился на набор для специй.

— Твой котелок варит?

— Да, знаешь, похоже, твоя правда. И что мне делать? Может, я поеду к ней? — растерянно спросил он меня.

— Не примет, только всё испортишь, — расслабляя узел галстука, ответил я.

— Позвонить? Купить много цветов и сложить «Прости» перед её окнами?

— Старо как мир, — усмехнулся я. — Скорее, ты произведёшь впечатление на дворника.

— А может, ты разулишь? А? — смотря на меня, как на мессию, произнёс он.

— Ты ещё предложи мне явиться к ней во сне во всё белом с лирой подмышкой.

— Н-н-н-да, ты уже давно не ангел. Жаль.

— Вот именно. Что бы ты ей сейчас ни предложил, всё будет напрасным.

— Почему?

— Всё просто, Гриша. Ты отверг женщину, перечеркнул в ней осознание того, что она любима тобой как человек, не как новая куколка в коробочке. Первым в общении с ней ты ставил своё желание стать номером один для неё, но не в смысле любящего мужчины, а вообще мужчины, самца. Даже если она тебя простит, что, конечно, вполне допустимо, того взгляда, что был обращён к тебе, ты более никогда не увидишь, тех светлых чувств и веры в тебя, человека, более не будет.

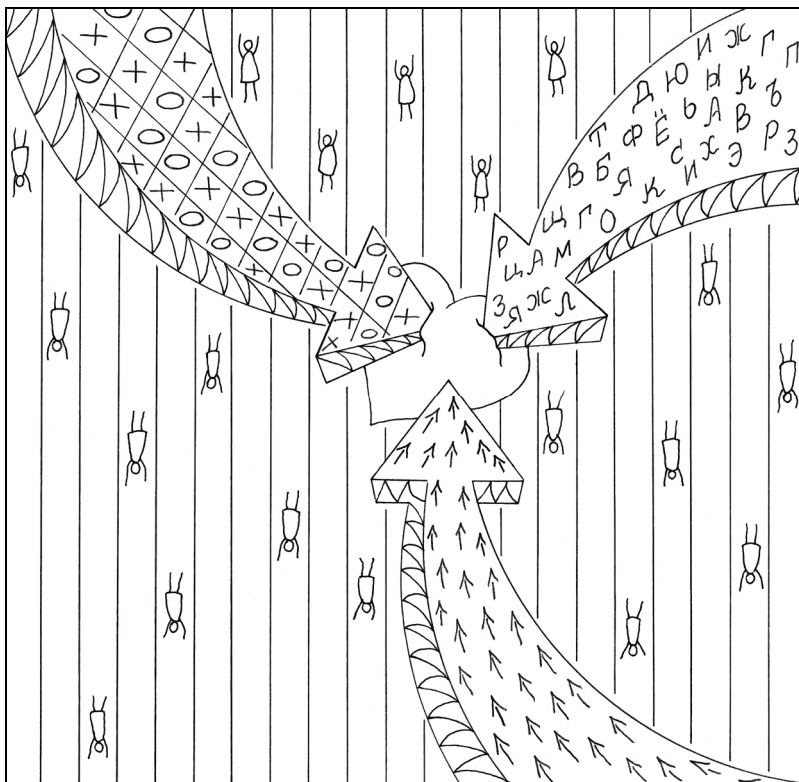
— Значит, ты предлагаешь мне оставить её в покое? Но ведь я её...

— Нет, Гришаня, не любишь. Тебе просто тяжело от осознания того, что, оказывается, не ты бросил женщину, а она бросила тебя. Хотя тебе тридцать восемь лет, а ты ещё не способен отделить простое чувство любви к человеку от своих непростых желаний.

Гость ушёл ни с чем.

Я смотрел в окно и почему-то вспомнил себя. Нет, у меня была иная история. Иной урок.

Провожая взглядом падающую звезду, я прошептал: «Мы очень многого хотим от близких нам людей, особенно тех качеств, какими сами не способны обладать».

ПАРАДОКС

Повесть

Город — исполин. Он выпивает литры слёз, поглощает тонны живого светливого веса, который живёт, мечтает, любит, надеется и верит, шевелясь в каменном чреве редко, смотря в небо, обычно по сторонам, изредка в глаза друг друга, чаще на внешность.

Мой усталый шаг с неуверенным взглядом в перспективу поровнял моё тело, укутанное замусоленным временем тряпьем, с яркой панорамой ресторанной витрины. Световые узоры окружили меня, дверь фешенебельного заведения выпустила вначале мелодию праздника, теплоту уюта, а вслед за ними вышли двое молодых людей, разменяв сласть ресторанной атмосферы на вечернюю сырость осеннего проспекта.

Я чиркнул последней спичкой и поднёс её к помятой сигарете. Ветер унёс надежду на горечь тлеющего табака. Тяжело вздохнув, к чему, верно, как к никотину, привыкли мои лёгкие, я медленно подошёл к паре молодых мужчин, беседующих у ресторанного входа.

Они будто не замечали меня, а может, им противно было смотреть в мою сторону? Я их понимаю, грязное пятно на экстравагантном вечернем платье Невского проспекта.

— Простите, — начал я, но мои братья-человеки были выше моего «простите». — Извините, что помешал вам, молодые люди, но не могли бы вы угостить меня огоньком, — осторожно, с неуверенной улыбкой вновь обратилось моё существо.

— Чего тебе? — отозвался высокий. — Щас дам тебе свою зажигалку, ты вначале руки в луже помой и под струей поливочной машины душ прими.

— Лёш, не надо, — тихо перебил его невысокий, любезно поделившись со мной спасательным пламенем курильщика.

— Достали! Мухи летом, эти осенью, — возмутился Алексей.

— Спасибо вам, мужчина, — кивнул я отозвавшемуся на мою просьбу, затянувшись от души.

— Теперь денег на жрачку попросит, спорим? — ухмыльнулся высокий.

Я ничего не ответил, лишь улыбнулся предположению высокого. Он же ответил мне не только мимической гримасой, но и острой для его представления шуткой:

— Ан нет, на еду не попросит, с зубами проблемы, хавку перерабатывать нечем, питание через капельницу поступает, угадал?

— Что тут скажешь? — шмыгнул носом я и пошёл дальше, туда, где мало людей. Где то местечко?

— Зря ты так с ним, Лёха, — вытягивая из пачки сигарету, промолвил невысокий высокому, смотрящему мне вслед.

— Сейчас догоню его, расскаюсь, фу, Эрик, давай сменим тему.

— Курить будешь?

— Давай, — беря сигарету и доставая металл квадратика зажигалки, зевнул Алексей.

Прохладный ветер обдувал усталые, выбритые лица менеджеров, словно заботливо отгоняя от них клубы табачного дыма. Позади ресторан рыдал истерикой эстрады, будоража застолье корпоративного мероприятия.

— Не люблю эту суррогатную атмосферу тотального счастья, — на выдохе произнёс Эрик.

— Хм, отчего же? Мне лично эти пирушки по нраву, этакая коммунальная жизнь: одна для всех работа, один общий сытый стол! Движение к единому успеху равнозначно росту благосостояния всех и отдельно взятой единицы.

— А по-моему, каждый находящийся здесь, притянутый верёвкой мотиваций, амбиций, провёл бы этот вечер по собственной программе удовольствия, — рассудил Эрик.

Алексей проводил глазами ускоряющийся дорогой блеск лимузина, а затем с прищуром сверху вниз посмотрел на сотрудника.

— Удивительные рассуждения, хотя вы теперь начальник отдела, большие возможности и доход дают больше прав говорить то, что думаешь на самом деле, верно? А вот я стою, покачиваясь на нуле, Эрик Артемьевич.

— Не горюй, дружище, я обязательно что-нибудь для твоего подъёма придумаю.

— Искренне надеюсь, что там, на новой профессиональной высоте, ты заметишь мою лысеющую голову, когда будешь идти по другим, — вуалируя сарказм шутливым тоном, процедил сквозь табачный дым Алексей.

— Ребятки, ой, Эрик Артемьевич, извините, вас зовут к столу, будьте любезны.

— Идём, Миланочка. Шеф вернулся? — нервно туша сигарету об урну, спросил Алексей.

— Да.

— Эрик Артемьевич, прошу вас! — склоняясь до невысокого сотрудника и слегка беря его под локоть, артистично воскликнул Лёша.

Невысокий усмехнулся, обняв за плечо высокого, и оба вновь погрузились в увеселительную атмосферу ресторана.

Рафинад поздравительных речей, терпкость вина, завистливые и безразличные взоры, оттенённые отрепетированными улыбками — всё это осталось за километражем быстрого такси, возвратившего маленькой квартирке своего хозяина.

Расслабив узел алого галстука, Эрик сел в кресло, зажмурив глаза. Во внутреннем кармане пиджака затрепетала трубка мобильного.

— Привет, любимый! Ты всё ещё в роли триумфатора или успел перевоплотиться в занудного холостяка?

— Здравствуй, моя радость. Я дома Алёнка, звонил тебе весь день, безответно. Ты где была?

— Ай, у меня трубка тю-тю.

— Украли?

— Нет. Представь, с утра еду на своей машинке, влезаю в пробку, болтаю с Настюхой, и вдруг все ряды двинулись, я за руль а трубочка в открытое окошко, бамц. В общем, что упало, то...

— Алёнушка, я тебе завтра куплю ту, на которую укажет твой сладкий дамский пальчик.

— Ну, уж если губа не дура, то пальчик не дурак, — с радостью высказала изречение девушка.

— Любимая, я так по тебе соскучился, хочешь, я пришлю за тобой такси?

— Эрик, мы договорились, что...

— Девочка моя. Я обещаю, ничего не будет, просто так хочется прижаться губами к твоим ласковым рукам, почувствовать тепло твоего присутствия, надышаться тобою...

— Перестань, ты меня своим голосом заводишь. Потерпим, милый, — ласково прошептала она, — остался коротенький месяц.

Эрик улыбнулся, с нежностью водя большим пальцем по серебряному кольцу, связанному с тем, другим, на её пальчике, незримыми узами взаимоприятия друг к другу.

Узкое горлышко сплюнуло мимо коньячного бокала.

— Ты зенки похерил? Смотри, куда плещешь, — с ухмылкой пробасил крупный мужчина своему подвыпившему оппоненту.

— Сват, не баклань под руку, — заплетаящимся языком с недовольством прохрипел худой.

— Где Лордик? Уже час, как нет, — зевнул Сват, загребая из пиалы горсть грецких орехов.

— Ты вот что скажи, бобы Колюхи в надёгу схоронил?

— Да скинули их Самсону в банк, а там через «рулик» крутанём, в чистяк перегоним.

— Дырявый прожиг твой Самсон, откат с процентовки немалый ему платим, — сплёвывая скорлупу на стол, махнул рукой худой.

— Зыга, пошурши, может, чё словишь получше Самсона? Вечно ты не в мажоре. В прошлый раз Шафрана с территории подвинули, ювелирку с торговой точкой на делянку свою определили, суммы пошли тяжёлые, а тебе опять мало.

— Оп, да! Шафрана это мы красиво оформили. Хе, его пацаны обещали ломануть нас, прикинь, тема?

— Глухой базар, у него ещё полгода назад после разборок в Домодедово бойцов не осталось.

— Нехер в первопрестольную ходить со своим самоваром.

— Во-о, а теперь этот стратег, говорят, за бугор слился.

— Да, ты чо-о?

— Давай, Зыга, по разуму лупанём, что ли, — протягивая бокал, выдохнул Сват.

— Слышь, звонят, — утирая влажные от алкоголя губы, кашлянул Зыга, указывая рукой в сторону.

— Это Лордик, отдохай, я открою.

Дверной засов убрал свой стальной язык, тяжёлая дверь отворилась, на полную фигуру Свата, повалилась двухметровая туша с остекленевшими широко раскрытыми и выпученными от боли карими глазами. Не успел Сват приподняться с пола, как в его затылок упёрся тупой металлический ствол пистолета.

— Э, вы чего там уронили?! — раздался невнятный возглас Зыги. Через несколько секунд в комнату на четвереньках вбежал Сват с багровым лицом, над которым стояла стройная фигура в

чёрном, впрессовывая левой рукой пистолет в складчатую шею Свата, а правой направляя другой удлинённый ствол в сторону прижавшего и недоумевающего Зыги.

— Подойди ко мне с расставленными в сторону руками, — быстро произнёс человек в чёрном.

— Ха, щас-м. Может, тебе ещё вприсядку сбациарить? Убери вальну, чмырота... — протягивая руку к коньячной бутылке, усмехнулся худощавый.

Глушитель поглотил хлопок пороховых газов, пуля скользнула сквозь сухожилия раскрытой ладони и выбила щепу в дверце шкафа.

— Бля, чо за рамсы, ты ваще кто?! — злобно проревел Сват, смотря как его подельник, скрипя от боли зубами и сотрясаясь головой, покачиваясь, подошёл к человеку в чёрном.

— Падла, Зыга, твоя кровь капает на меня, убери руку! — нервно трясясь всем телом, заорал толстый, глотая слова.

— Итак, мужчины! Слушайте внимательно! Вы, уважаемый, становитесь рядом со своим другом.

— Как я встану, у меня рука... — перемешав речь с воем отчаяния, выпалил Зыга.

— В тебе много алкоголя, стерпишь.

Тот, водя скулами, превозмогая боль, встал на четвереньки рядом со Сватом, утирающим пот с морщинистого лба.

— Итак, — продолжил человек в чёрном, — ставлю напротив вас эту коробочку, ваша задача после моего ухода повторять волшебное слово.

— Что за хрень?! Ты, звезда потрелятая, я же тебя... — поскользнувшись левой рукой на липкой кровавой луже, захрипел Зыга, сжигая ненавистью незнакомца.

— Не перебивайте, у меня мало времени, — вешая на шею таблички с надписями, спокойно произнёс человек в чёрном.

Табличка «Жадность» повисла на худом, другая, именуемая «Обман» — на шее полного.

— Теперь вы, господин Топорщиков, распишитесь в этой бумаге, вот вам авторучка. Живей!

— Херок тебе в задок! — с досадой сквозь передние зубы сплюнул Сват.

— Извините, вы левша или правша? — водя пистолетом по большим рукам, спросил незнакомец.

Сват быстро расписался, шипя про себя угрозы.

— Согласно условию контракта все пункты соблюдены, неприятно было общаться, но таковы издержки профессии, бай-бай, мальчишки!

— Э-э, стой, сука, тут на коробке твоей лампочка зажглась! — раздался окрик Свата.

— Режим активации, если не скажете волшебное слово в течение десяти секунд, то будет звук «бум», может, «бах», по-разному.

— Какое слово?! Слово! — взревел Сват, слыша позади себя открывающуюся входную дверь.

— А, да, простите, слово «ку-ку». Повторяйте чётко, внятно, можете дуэтом и не уползайте с места, датчик движения подключит взрыватель. Всё, я пошла, а вы, птички, оставайтесь куковать!

3

Энергия прохладной воды передалась в сонное тело молодого человека. Приняв душ и выпив чашку заварного кофе с круасаном, Эрик облачился в строгий костюм, сел в автомобиль, который вскоре влился в нервный поток участников движения к прогрессу благосостояния.

Спустя час его машина достигла точки назначения. Поправив синий галстук и подмигнув своему отражению в зеркале, он твёрдым уверенным шагом направился к высотному зданию.

Отношение корпоративных братьев и сестёр к его персоне было ему не понятным. Они либо не останавливались, будто не замечая его, или, криво улыбаясь и быстро поздоровавшись, шли мимо.

— Ирина Эдуардовна, доброе утро! Мы теперь работаем вместе с вами, я не ошибаюсь? — войдя в кабинет, приветливо обратился Эрик к женщине в годах.

— М-м, да, Эрик Артемьевич, теперь я ваш секретарь, но...

— Что-то не так? — с удивлением произнёс молодой человек женщине, глядящей на него с растерянностью.

— Вам велено зайти к Геннадию Борисовичу.

— Хорошо, он у себя?

— Да, он сказал, что будет вас ждать, — кивнула Ирина Эдуардовна.

Шеф встретил Эрика с натянутой улыбкой.

— Здравствуй, проходи, садись, есть разговор.

— Я весь во внимании, — сев в кресло, быстро произнёс Эрик, наблюдая за вышагивающим по кабинету Геннадием Борисовичем.

Тот, подойдя к окну, медленно развернулся.

— Помнишь, Эрик, на прошлой неделе все наши сотрудники проходили медицинскую комиссию?

— Да, конечно, помню.

— Ну, всё это было нужно из-за того, что мы работаем не только с людьми, но и с продуктами питания, хотя, конечно, косвенно... Ладно, не важно, я решил провести мониторинг здоровья персонала.

— Вы поступили весьма разумно. Здоровье сотрудников — это приоритетный критерий для успеха любого предприятия, — закивал Эрик.

Геннадий Борисович тяжело вздохнул, рассматривая настенные часы, затем, кашлянув, произнёс:

— Выявился неприятный инцидент со здоровьем одного сотрудника...

— Кто-то серьёзно болен?

— Ты, Эрик. У тебя СПИД. Прости, вот медицинское заключение, я им доверяю, солидное учреждение, — подойдя к письменному столу, открывая ящик, быстро произнёс шеф.

Молодой человек оцепенел, холодные мурашки пробежали по его телу, на лбу выступила испарина.

— Я отчасти понимаю тебя, твоё состояние, но СПИД, в общем-то, не окончательный смертельный приговор... — После этих слов шеф замешкался и, кашлянув, быстро произнёс: — К моему сожалению, работать в нашей компании ты не сможешь. — Затем жестом руки от груди великодушно заверил: — Со своей стороны я выплачу тебе полугодовое выходное пособие, солидные деньги, плюс напишу положительный отзыв о твоём профессиональном уровне. Только одно условие.

— Какое? — сдавленным голосом произнёс Эрик.

— Ты сейчас же напишешь заявление «по собственному желанию».

Через пять минут заявление о добровольном уходе лежало перед Геннадием Борисовичем.

Поправив квадратную оправу очков, Шеф отдал распоряжение по телефону по оплате выходного пособия и вручил уже положительный готовый трудовой отзыв.

— Знаешь, Эрик, ты был лучшим и перспективным моим сотрудником, увы, здесь жизнь распорядилась не в твою пользу.

Эрик, сглотнув, на прощанье протянул руку Геннадию Борисовичу, стараясь как можно более уверенно произнести: «Всего вам доброго, Шеф, удачи».

Геннадий Борисович с осторожностью посмотрел на раскрытую ладонь молодого человека и лишь кивнул ему.

4

Настенные часы отмерили очередной час, достигнув тринадцатичасовой отметки.

Алёна сидела за кухонным столом, обхватив голову руками. Слезы капали в чайную чашку.

— Боже, за что? За что? — шептала она про себя.

Телефонный звонок разбудил её напряжённый переживаниями разум. Утерев платком слёзы, она подняла трубку радиотелефона, с усилием нажав на зелёную кнопку.

— Алёнушка, здравствуй, любимая моя, — услышала она взволнованный голос Эрика.

— Что тебе нужно?

— То есть как? Я хочу поговорить с родным, близким мне человеком!

— Хм, по-моему, ты меня с кем-то путаешь, родных женщин у тебя, видать, было немало. Допутался с ними?

— О чём ты говоришь?!

— О шлюхах! Я же тебе не давала, а тебе надо было спустить пары. Сильно тебя жизнь наказала!

— Алёна, возможно, всё это какая-то чудовищная ошибка, ты не можешь бросить меня, ты так нужна мне, ведь у меня кроме тебя одной никого, ни отца, ни матери...

— Не дави на жалость, не надо, — резко отрезала она.

— Девочка моя, видит Бог, у меня никого, кроме тебя, в жизни не было, ты слышишь?!

— Только не нужно шаблонных оправданий, короче, между нами всё окончено и больше не звони, не напоминай о себе, понял?! — сдерживая слёзы, громко воскликнула девушка.

— Любимая! — в последний раз Алёна слышала голос Эрика, обращённый к ней, большой палец быстро прервал его, утопив красную кнопку в панели телефона.

Резко сняв с безымянного серебряные узы помолвки, девушка в сердцах швырнула кольцо об пол, высекая из него звон серебра.

5

Крупный брюнет вертел в руках букет алых роз, его серые глаза, наполненные угрюмым размышлением, смотрели на тлеющую зелень парковых кустов. Природа затихала, оставаясь без пения птиц, которые покинули насиженные гнёзда. Тишь осеннего сезона, он и его мысли о ней.

— Лев, извини, опоздала, — раздался позади его широкой спины женский голос.

Он резко развернулся к ней:

— Шита, ты и так неожиданно! — с радостью воскликнул он, вручая дышащий благоуханием яркий букет.

— Благодарю. Лев, я не хотела идти на встречу с тобою, — устало произнесла она, смотря с холодом в его вспыхнувший жаром взгляд.

— Прости, Шита, но я не понимаю тебя, — тающей улыбкой на устах вымолвил мужчина.

Она, прикрыв зелёные глаза, вдохнула аромат цветов, тихо произнесла:

— Давай пройдемся, стоять прохладно. Не снимай куртку, кобуру видно.

— Хм-м, я рядом с тобою теряю рассудок.

— Попробую это исправить, — уходя вперёд, произнесла она.

— Шита, я люблю тебя. Я встаю с твоим вымышленным именем, шепчу его перед сном, словно молитву. Отчего ко мне такое отношение? Скажи!

— Лев, я знаю это, но то, что нас связывает общее дело, меня отвращает.

— Ты получала мои письма? — с отчаянием спросил он.

— Твои письма. Я читала и даже перечитывала их, пытаюсь понять через их ласковый и пылкий смысл, что со мною не так. Отчего нет пробуждения моим чувствам к тому, который более трёх лет самоотверженно переступает через своё мужское «я».

- Но...
- Не перебивай. Ответ прост, я не люблю тебя.
- Подари мне шанс — и у тебя будет время полюбить меня, я докажу свою любовь делами. Мы всё бросим, уедем...
- Постой, а как же кодекс общества?
- Пошло всё в ад! Мне противно то, чем я занимаюсь, мой счёт в банке, тот кусок хлеба на жизнь пропитан кровью. Ты, ты одна — моё спасенье и надежда, обратившиеся в прекрасное проклятье, — цедя сквозь зубы, упавшим голосом вымолвил он, потупив свой взгляд.
- Держи себя в руках, скажу прямо, перестань меня преследовать своей любовью. Растопчи чувства и забудь меня, — беря Льва за руку, глядя в потухший опустошённый взгляд, жёстко произнесла она.
- Скажи мне, Шита, как твоё настоящее имя? — прошептал он с нежностью, укрывая своей большой ладонью утончённость её руки.
- Я забыла его, прости!

6

Всё проходит: люди, мысли, расстояния. Исчезают чувства, уходят в даль сознания переживания и воспоминания.

Эрик рассматривал страницы прожитого в глянцевых картинках фотографий. Вот его первый успех, за ним следует кропотливая работа, преодоление препятствий, состоящих из обстоятельств, подножек «доброжелателей», и вновь щелчок фотокамеры вспышкой осветил очередную победу в его труде жить. Кадр за кадром, за длинной дистанцией суеты всего один полноценный шаг. А что дальше? Альбом заканчивается, оставляя надежду в прозрачных конвертах на новые достижения своего обладателя.

«СПИД, в общем-то, не окончательный смертельный приговор», — запросто успокоил его бывший шеф.

Повторный анализ, который сделал Эрик в тот же разрушительный день в уважаемом Геннадием Борисовичем заведении, дал положительный результат. В данном случае знак «плюс» меняет жизнь на знак «минус».

— Эй, есть кто живой? — раздался в коридоре мужской голос.

— Проходи, Лёша, пока есть, — откидывая от себя прочь альбом, пригласил хозяин.

— У тебя входная дверь была открыта. Ты как?

— От старухи с косой не запрёшься, — грустно пошутил Эрик.

— Да ладно тебе, другие живут. Вот Фредди Меркури пел до последнего.

— И правда, может, спеть напоследок. Извини, настроение не для разговора по душам. Как там?

— Где?

— В компании.

— А, у нас-то... Не знаю, обрадует тебя это или нет, но я утверждён на должность, твою должность, — пожал плечами Алексей.

— Поздравляю. Мы вместе работали над всеми проектами, так что всё логично, — отозвался Эрик.

— Да, кстати, друг, насчёт проектов. У тебя, ты говорил, рассчитан новый проект, как ты его шутейно обозвал, гм, запамтовал...

— Козырной валет, — слабо усмехнулся молодой человек.

— Ну, тебе он нужен или уже ни к чему? — с нетерпением перебил его Алексей.

— Однако, как ты это произнёс, — покачал головой Эрик.

— Так и произнёс, — развёл в сторону руками собеседник.

Эрик немедленно встал с кресла и, подойдя к письменному столу, извлёк из подставки для CD коробку с диском:

— На! Забирай и проваливай! — указывая названному гостю на дверь, с раздражением вымолвил хозяин.

— Вау, класс! Бывай, да, и если будешь продавать машину, позвони, я, может, куплю, лекарства от этой заразы, поди, не дешёвые.

Эрик с силой закрыл за Алексеем дверь, в сердцах ударив по ней кулаком, и, опустившись на корточки, закусив руку, тихо завыл, преодолевая тянущую боль в груди.

Два дня подряд бульвары близлежащих кварталов слышали неторопливый шаг, отстающий от ритма шагов других пешеходов.

Эрик, облачившись в длинный серый плащ и широкополую чёрную шляпу, бродил по улицам, не замечая окружающе-

го его людского движения в стремлении к выживанию и благополучию. Он словно спал и видел перед собою лишь сон воспоминаний.

Вот тот самый переулок, где он впервые встретился с Алёнушкой. За углом ювелирный магазин, именно в нём он приобрёл два кольца их помолвки. Через две остановки у станции метро — цветочный павильон, где он заказывал великолепные букеты флоры для неё.

Эрик остановил свой неторопливый шаг, провожая взглядом держащуюся за руки молодую пару. Он и она медленно шли мимо него. В её руке были позолоченные осенью листья клёна, те, что мы даже не замечаем под своими ногами осенней порой. Очевидно, она была счастлива с ним, обычным, просто одетым парнем.

Накрапывал дождь. На небритое, скованное тоской лицо упали прохладные капли небесной воды. Эрик поднял воротник плаща и, сдвинув на лоб шляпу, быстро зашагал по меняющему от влаги цвет асфальту. Ему возжелалось прийти к дому, где ждёт она.

Через полчаса он стоял в центре двора, сердце волнами накрыло волнение души. Окна её квартиры смотрели на него сверху вниз, наглухо закрыв свои прямоугольные очи пеленой штор.

Молодой человек потянулся к мобильному телефону, достав и повертев его в руке, убрал в карман.

— Дядя, можно спросить? — раздался рядом детский голос.

Двое мальчишек лет десяти стояли возле него.

— Что хотели, ребята? — улыбнулся Эрик.

— У вас есть какая-нибудь чистая ненужная бумага, там, коробка из-под сигарет, пустая, конечно. Кораблик хотим сделать.

Он, побив по карманам плаща, потянулся к внутреннему карману пиджака, достав белый сложенный лист.

— Берите, — подавая его, произнёс Эрик, вновь глядя на окна Алёниной квартиры.

— Спасибо, но там что-то написано, рек-о-мен...

— Рекомендательное письмо кораблику в самый раз, — быстро проговорил Эрик, замечая, как откидывается синяя штора её окна. Он услышал стук своего сердца, к его лицу прилила горячая кровь.

Алёна, раздвинув шторы, уронила взгляд на противоположный, устремлённый к ней.

— Любимая моя, Алёнушка, — прошептали его губы.

Посмотрев на него, она резко зашторила окно.

Эрик вбежал в парадный вход, бегом поднявшись на последний этаж, тяжело дыша, вскрыл окно лестничной площадки. Облупленная краска с пылью посыпалась вниз, стекло задребезжало, на низкий подоконник ступили чёрные ботинки.

— Я не хочу жить, нет смысла, — глотая царапающий холодом воздух, прошептал он, склонившись над двадцатипятиэтажной пропастью.

Знакомые ему мальчишки весело плескались в луже. Один из них задрал голову, заметив в высоте нависающую фигуру в реявшем на ветру расстёгнутом плаще.

— У меня никогда не будет детей, у меня не будет жены, не будет, — пронеслось в пульсирующем разуме молодого человека.

Очередной порыв ветра сорвал с него шляпу и, ударив её о водосток, отнёс вниз.

Дети, оставив свою игру, с интересом наблюдали за происходящим над ними.

— Что я делаю? — застонал Эрик, сползая с подоконника на бетон обшарпанных ступеней. — Мне не по силам сделать это самому, — вытерев лицо ладонью, вымолвил молодой человек.

Он спустился вниз, уши заложило, в суставах свербила дрожь, ноги будто обессилили. На улице у парадного входа его встретили те самые мальчишки, протягивая ему забрызганный фетровый головной убор.

— Вот, дядя, нате.

— Ым, да, спасибо. И вот что, парни, не повторяйте таких глупостей, что вы видели наверху с моим участием.

Мальчики переглянулись: «Мы чего, крейзи? На фиг оно надо».

7

Песчаную гальку обочины взрыл протектор бежевого джипа.

— Игнат, ты сегодня варёный какой-то, — с неудовольствием изрёк грузный господин средних лет шофёру, открывающему заднюю дверь дорогого автомобиля. Кряхтя выбравшись, он,

скривив лицо, с пренебрежением добавил: — Езжай домой, и пусть твоя тёлка костюм проутюжит, что ли, противно смотреть.

— Извините, Руслан Тимофеевич, у меня ребёнок ночью плохо спал, зубки режутся...

— Хрейник это твоя семейная жизнь. Приедешь послезавтра, часов в двенадцать, всё, катись, свободен, — дёрнув шофёра за коричневый галстук, причмокивая, протянул хозяин.

Дубовую дверь двухэтажного загородного особняка открыла пухлая волосатая кисть Руслана Тимофеевича.

— Араик! Эй, ты где? — зычно окрикнул он, сбрасывая с себя мокасины. — Плачу вам всем за что? Дармоеды, один со слипшимися глазами, другой шару где-то гоняет, — бросая вельветовый пиджак на софу холла, проворчал он, входя в гостиную.

— Доброе утро, Руслан Тимофеевич, — поздоровался сидящий на кожаном диване незнакомец.

— Не понял, ты откуда, чучело? — от неожиданности вздрогнул хозяин, с брызгом слюны, громко окликнул, — Араик, сюда иди!

— Хм, ваш горячий нукёр охлаждается в вашем бассейне, — пояснил незнакомец, смотря на реакцию сквозь узкие прорезы чёрной маски.

— Так, а что, я не понимаю, — растерянно озираясь по сторонам, произнёс мужчина.

— Проблема с формулировкой вопроса? Ответа не дожждётесь, — подойдя к хозяину дома, спокойно произнёс чужак.

Удар правой руки, направленный Русланом Тимофеевичем в голову человека в чёрном, был перехвачен и на миг повис в воздухе. Его колено подогнулось, в висок впечатались четыре сустава, сжатых в кулак. Мужчина, потеряв равновесие, рухнул на пол под напором резких, метких, болезненных ударов, которыми атаковал его незнакомец. Он всё же попытался подняться на ноги, удар с хрустом в лицо коленным суставом оборвал всякое желание хозяина дома к сопротивлению. Приподняв сидящую голову, в темя которой вонзился пистолетный ствол, с досадным болезненным стоном мужчина изрыгнул жижу слюны с кровью.

— Руслан Тимофеевич, давайте перейдём к действию, вступление слишком затянулось, — выдыхая горячий воздух

через чёрную маску, прошептал неизвестный, склонившись у окровавленного лица лежащего.

— Что, что тебе нужно? Деньги, ценности? Есть, хватай и уматывай, вот только учти, сучара, тебя найдут, из-под земли достанут и на ремни порежут.

— Банальные фразы из остросюжетных фильмов, вставайте живее и шагайте в свою спальню, — теряя терпеливую интонацию, приказал человек в чёрном.

Они вошли в апартамент спальни. Хозяин, ссутулившись, впереди, неизвестный с пистолетом — сзади.

— Что ж, мило. Круглая кровать, зеркала, даже танцпол с шестом. Площадка танцпола вращается, верно? — указывая пистолетом в сторону круглого золотистого большого танцпола, обрамлённого софитами, быстро спросил незнакомец.

— А ты тварюга, откуда знаешь? — дрожа голосом, спросил удивлённый ценитель отдыха тела.

— Клиенты рассказывали, а им, в свою очередь, их несовершеннолетние дети, которых вы вылавливали на улице, опаивали наркотиками. Мне продолжать?

После услышанного хозяин, до этих слов пытающийся сохранять самообладание, сжался всем телом и залепетал, тряся перед собой руками.

— Так вы киллер! Сколько они вам дали? Ну?! Я дам вам в сто раз больше, прямо сейчас выпишу чек...

— Руслан Тимофеевич, раздевайтесь, — тихо произнёс неизвестный.

— Что? А, ну, хорошо, хотите унизить, да? Согласен, накажите, но только не стреляйте, зачем? — трясущимися руками и скрюченными пальцами борясь с пуговицами рубашки, пробубнил мужчина.

— И трусы тоже нужно будет снять, зрелище мерзкое, но контракт того требует.

Снимая нижнее бельё, полное обнажённое тело повалилось на пол. Руслан Тимофеевич встал на колени, вытирая трусами пот, стал невнятно умолять о пощаде.

— Попрошу вас теперь подняться на танцпол, — кивнул человек в чёрном. — Однако вы лишены всякой грации, а где ваш росток жизни? Понятно, увял под тенью живота.

— А что, я спросить вас, там лопасти на шесте? — скрестив ноги, указывая тремором пальцев, дрожа двойным подбородком, с жалобной интонацией проямлил хозяин.

— Минутку, приватному танцу так необходимо музыкальное сопровождение, вам поритмичней? — включая аудио-центр поинтересовался тот.

— Перестаньте!!! Я ещё раз взываю к вашему разуму!!! Хватит!!! Я дам вам очень много денег!!!

— Странно, то вы со мной вначале были на ты, теперь на вы. Страх лучший воспитатель, не правда ли? — Подойдя к жертве, незнакомец быстро щёлкнул браслетом наручников, приковывая ослабленную страхом руку мужчины к шесту танцпола.

— Руслан Тимофеевич, объясняю вам один единственный раз. Я включаю танцпол, он начинает вращаться, лопасти на его полу, кстати, сделанные специально для вас, вращаются в обратную сторону, видите, они прикреплены внизу у основания шеста, вы вообще понимаете в технике?

— К чему эти идиотские придумки? Зачем?

— Всё просто, лопасти под электрическим напряжением, — чётко объяснил человек в чёрном, включая танцпол.

Софиты осветили белёсое, рыхлое, вспотевшее обнажённое тело, которое моментально с включением стало подбрасывать венистые ноги, беспомощно размахивая одной рукой.

— В танце вы ещё более отвратительны, — сказала она, освещая вспышками фотокамеры обезумевшее от страха, посилившее лицо танцующего свой последний танец.

— По-щади-те!!! Сердце! Больное сердце, у ме-ня, — верещал мужчина, с жадностью глотая воздух, сотрясаемый музыкальными децибелами.

— Руслан Тимофеевич, один вопрос. О чём молили вас дети? Не отвечайте, а вспоминайте их мольбы, ваши никто не услышит.

8

Солнечные лучи прожигали бреши в скомканном покрывале серых туч, преследуемых ветром северо-запада, рвущим их туманную материю и дающим возможность свету заполнить собою сентябрьское утро.

Эрик поёжился и, вздрогнув телом, зевнул. Правая рука затекла, а шею ломило. С усилием поднявшись с парковой скамейки, он посмотрел на наручные часы, вернее, на то место, где они ещё вчера обжимали запястье.

Ночная посиделка с бездомными, в которой он принял активное участие, стоило ему не только часов, но и мобильного телефона.

— Пфф, — выдохнул он, растирая ладонями глаза, затем, встав и потянувшись к небу, побрёл следом за своей долговязой тенью.

Ворчание жителя мамона настойчиво требовало снеди и влаги.

Молодой человек, пригладив взлохмаченные русые волосы, вышел из парка, влившись в неровный строй публики, взбудораженной будничным утром.

Дойдя до кафе-бара с необычным названием «Керосиновая лампа», Эрик вошёл.

Небольшой уютный зал, стилизованный под трактир начала XX века, был пуст. Бодрый, моложавый бармен, в мгновение сменив улыбку на усмешку, с вызовом спросил:

— Тебе чего? — И с жестом, отмечающим от себя, добавил: — Поворачивай в зад.

— Скажи, а Тарас Петрович приехал? — всё же подойдя к стойке бара, поинтересовался Эрик.

— А хозяин в такую рань не приезжает, часов в одиннадцать, возможно, — пристально всматриваясь в помятое лицо Эрика, протянул бармен.

— Хм, да это я, Эрик, что, Саша, не узнал? — на вздохе произнёс молодой человек, отводя глаза от Александра.

— Привет, извините, не признал, времени-то сколько прошло, — заулыбался он. — Желаете что-нибудь, пока хозяина ожидаете? — разворачиваясь к алкогольному стеллажу, предложил бармен.

Эрик развёл в стороны помятый плащ, разочарованно вымолвив:

— Денег нет.

— Кофе с бутербродом и сто капель коньяку, думаю, не разорят Тараса Петровича, — рассудил Саша.

После сих съестных преподношений желудок оставил свои пустые призывы, душа расположилась. Время ожидания поглощалось чтением газет, освещённых тёплым разливным светом

керосиновой лампы. Молодой человек не замечал посетителей и не слышал их разноголосья. Содержание газет прошедшего века оказалось весьма любопытным. Черный колор его настоящего раскрасил минувшие события мировых свершений, хороших и плохих новостей, отрезков прожитых судеб...

— Здорово, друган! — раздалось над Эриком мужское восклицание. — Ты почитать зашёл или со мною пообщаться?

Молодой человек улыбнулся крупным чертам лица Тараса.

— Привет, вообще, я по делу, есть разговор.

— Тогда пошли в мою камору. И как тебе моё забегальное заведение?

— Отлично от других.

— Ха! Твоя же идея, подкинута мне, цитирую: «Создать нечто отличное от остального». Знаешь, людям здесь нравится.

Небольшой кабинет с мягким уголком и приставным столиком был таким же уютным кусочком от единого целого всего заведения.

— Падай, то есть садись. Пить, есть будешь? Будешь. Давай, составь компанию. Где пропадал? Полгода не виделись!

Эрик махнул рукою:

— Работа, борьба за...

— И у меня работа, эй, принесите сыру больше! — крикнул в открытую дверь кабинета Тарас.

Заварной кофе, яичница с беконом и овощные салатики украсили деревянный квадрат резного столика. Тарас, размазывая по пористому хлебу масло, с улыбкой произнёс:

— А помнишь, в детском доме пайку маргарина на троих делили? Э, брат, во были времена, а теперь шматы сливочного, первоклассного.

— Что было, то было, — прожёвывая, закивал Эрик.

— Ты на работе добился, чего хотел? Помню, мне рассказывал, что твой шеф тебя своим замом хочет сделать. Хм, головастик, умный. Я в восемнадцать лет на скамью подсудимых, ты на студенческую...

— Добился и разбился, — тихо произнёс он Тарасу.

— Ну, ты что, не выспался? Я вот почти всю ночь не спал, любовь. Послезавтра с подругой в жаркую страну на две недели. Да что случилось, братишка? — хлопнув по плечу сидящего рядом, с недоумением спросил Тарас.

Эрик, смяв полотняную салфетку, откинулся на мягкую спинку кресла и быстро произнёс:

— Нужен наёмный убийца.

Мажорная мимика на лице Тараса застыла, он посмотрел на собеседника, затем осторожно встал и плотно закрыл дверь кабинета.

— Я понятно выразился? — нервно спросил Эрик, смотря в пол.

Тарас жестом попросил его подняться с кресла, после, подойдя вплотную к другу, стал руками водить по одежде Эрика.

— Ты что? — удивился молодой человек, послушно поднимая руки.

— Так, ничего, извини, но жизнь учит никому не доверять, — спокойно ответил Тарас.

— Нет на мне никаких «жучков», если ты микрофоны ищешь.

— Не горячись. Теперь выкладывай суть своей темы.

Эрик с недовольством посмотрел на Тараса и, сев в кресло, начал повествовать:

— Полгода назад я был на твоём дне рождения, и ты мне сказал, ну, соответственно, разогретый алкоголем, что если что...

— Во мудака! — это я о себе. И что?

— Тарас, у меня неразрешимая и острая проблема, мне нужен профессионал, чтобы, ну, ты понимаешь, в общем, отправить на тот свет одного человека, мужчину, он обычный человек, не шишка, в общем, как я.

— А поподробней?

— Я тебе всё сказал, если у тебя действительно есть связи, то помоги!

— Не ори. Ладно, посиди здесь.

Эрик наполнил чашечку чёрным тёплым кофе и проглотил в два глотка.

Он не успел досчитать до шестидесяти, как вошёл Тарас. Сев рядом, он показал гостю на экране мобильного цифры денежного значения.

— Я согласен, — кивнул Эрик.

— Тогда слушай и запоминай. Сегодня вечером в 19-00 ты должен быть на Московском вокзале. Зайдёшь в зал камер хранения, направо будут камеры автоматического хранения, опла-

тишь ячейку за номером 575 и там оставишь конверт, шифр набери любой, значения не имеет.

Теперь, что должно быть в конверте: имя, отчество, фамилия, фото, ну, того человека, если есть, теперь второе, деньги и дата исполнения заказа. К примеру, с двадцать пятого по двадцать восьмое августа, разрыв в три дня, усёк? Три дня при условии, если этот человек в городе; если он в другом, то максимум неделя. Данные о проживании, работе, учёбе, интересах приветствуются, — с ухмылкой произнёс Тарас.

— Понятно.

— Внимательно перепиши этот телефон на свой мобильный.

— У меня нет мобильного, украли, — растерялся Эрик.

Тарас вскрыл заднюю крышку своего и, вытащив SIM-карту, вставил новую.

— Не нужно, Тарас, я куплю...

— Тебе через час нужно быть на связи, хорошо, что купил «симку» для отпуска. Вот зарядное устройство, телефон, э, погоди, сейчас номер вобью. Во-от. Позвонишь по этому номеру о подтверждении своего заказа. Тебя спросят: «Ларчик открыть?» Ты ответишь: «Нужен ключ, открыть обязательно». Всё тебе понятно?

— Прямо как в сказке, — вздохнул Эрик.

— Не умничай. Учти главное, этот номер ты сможешь набрать всего один раз, потом связаться по нему возможности не будет. Так что обдумай, всё тщательно взвесь, обратного хода в этой игре нет.

— Мною всё обдумано, — с решительностью в голосе вымолвил Эрик.

Тарас щёлкнул пальцами и, потянувшись, с приободряющей улыбкой произнёс:

— Тогда расслабься, что ли, дня через три эту гниду ухоронят, и жизнь наладится, — подмигнул он другу.

Эрик, сдерживая обиду, криво улыбнулся в ответ, прочувствовав ледяной порыв страха, вторгшийся в душу.

9

Створки лифта разошлись в противоположные стороны. Звеня связкой ключей, Алёна подняла голову, опешив.

— Здравствуй, — с широкой улыбкой поприветствовал её молодой человек, держа в руках наполненный пакет.

— Приветик, Лёша. Чего это ты здесь нарисовался? — открывая дверь квартиры, с недовольством произнесла Алёна.

— Пришёл отметить важное событие. Пустишь?

— Так, какое ещё событие? У меня по горло этих событий, — тяжело вздохнув, прислонившись плечом к двери, тихо вымолвила девушка.

— Я получил высокую, а главное, высокооплачиваемую должность, хм, вместо Эрика, — с удовольствием объявил Алексей.

— Ладно, проходи, коль пришёл, только напиваться я с тобой не стану, а параллельно мне, понимаешь?

Они вошли в квартиру. Алексей быстро организовал столик своего праздника, бахнув пробкой игристого вина, он наполнил им грушевидные фужеры и подал пенящееся вино Алёне.

Та, сделав глоток, наблюдала за сияющим гостем.

— Динь-динь, — игриво пропел Алексей, поднимая вверх свой фужер.

Алёна, испив три глотка, села на диван гостиной и, взяв в руку краснобокое яблоко, с раздражением высказала:

— По-моему, твоё событие отмечено, тебе пора, — указав молодому человеку на дверь.

— Алёнушка...

— Перестань паясничать, — прервала она его ласковое начало.

— Гм, ладно. Хочу предложить тебе стать моей девушкой, — смело объявил Алексей.

— Весьма лестное предложение, сударь. А как деликатно сформулировано. А что? Сказал бы прямо, к примеру: «Хочу иметь тебя, когда хочу и как хочу, а?»

— Алёна, я безумно люблю тебя. С первой встречи я возлюбил твой голос, твои движения. Я ловил теплоту очей твоих, обращённых к Эрику, пытаюсь взять хотя бы частичку твоего великодушного тепла для самого себя, для души своей. Ты всегда была и остаёшься поныне для чувств моих несбыточной мечтой, миражом реальности. Жребий судьбы пал на более удачливого, но порочного и непорядочного по отношению к тебе человека. Он не имел права на твою любовь. Что тут скажешь? Ведь зачастую женщины ценят тех, кто ими не дорожит вовсе...

— Красиво высказываешься, у Эрика лексическому стилю поднабрался? Лёшь, убери витиеватость фраз, скажи честно, он...

— Да! Да! Эрик изменял тебе с гулящими женщинами, подбивая на эту низость меня! В отличие от него, я ничуть не желал перешагивать через свою искренность любви к тебе, но, в тоже время, я покрывал его презренную мной безнравственность, и всё только ради тебя, дабы уберечь твои высокие чувства и не дать тебе страдать от разочарования в любви. Помнишь, он сказал, что ночевал у меня?

— Это тогда, когда я его перед новым годом разыскивала?

— Верно. Моя сладкая ложь и его горькая правда. Эрик развлекался в сауне, и, конечно, с гулящими женщинами. Поверь, мне претит, что я говорю это тебе, но более противно было участвовать в обмане любимого мною от всего сердца человека, тебя, Алёнушка!

— Какая грязь, — закрывая лицо руками, прошептала девушка.

Алексей подошёл и сел на подлокотник дивана, вновь наполняя бокалы пенным алкоголем, торжественно произнеся:

— Он наказан за свою низость, за ложь и похоть. Тебе нужно забыть всё это, словно наваждение. Не стоит жить в душе с разочарованием, когда жизнь полна надежды на лучезарность и блеск будущего.

— О каком будущем ты говоришь? — упавшим голосом спросила она его.

— Твоём и моём, — осторожно произнёс Алексей.

Алёна подняла бокал с журнального столика и залпом выпила. Затем с иронией спросила:

— Скажи мне, представитель мужского пола, что привлекает вас в распутных женщинах и что более всего вам нравится в сексе? Прости, но в столь животрепещущих для вас делах я не компетентна.

Молодой человек оторопел, увидев сверкающий отчаянием и слезами взгляд девушки.

— Ну, что? Лиickими, сладкими фразами лжи говорить вам, мужчинам, легче, чем сказать сухое слово, одно, но правды.

— Я не знаю...

— Знаешь, Лёша! Что из плотских наслаждений с проститутками предпочитал Эрик? Ну, живей, любящее сердце, отвечай от всей души своей, преисполненной величием прекрасно-го, — утирая потёкшую тушь, с цинизмом спросила Алёна.

Алексей, сделав глоток вина, тихо прошептал.

— Громче! Смелее! Мужественнее! — с горькой усмешкой приказала девушка растерявшемуся Алексею. — Ладно, побереги голосовые связки для восторга. Я тебе его сделаю, от и до, получай удовольствие.

— Но, Алёна...

— Что, не видел падшего ангела? Для тебя я сыграю эту роль.

Алексей вздрогнул, зажмурил глаза. Тело и разум покинули настоящее, превращаясь в калейдоскоп чувств: взлёт на край немыслимой вершины, погружение в опьяняющее тепло бездны забытья...

10

Сейфовый замок ячейки № 575 глухим щелчком поставил точку в его жизни.

Сев в автомобиль, Эрик посмотрел на своё зеркальное отражение.

Напряжённый тревогой, чужой взгляд колот восприятие о себе. Автомобиль, загнанный в пробочный капкан, всячески пытался из него вырваться. В приоткрытое ветровое стекло вползал едкий углекислый газ вперемишку с роящейся в подогретом выхлопами воздухе городской пылью.

Молодой человек, задействовав электроподъёмник двери, перерезал стеклом улицу с салоном автомобиля, после, достав платок, высморкался. Пересохшее горло першило.

— Похоже, началось. Грипп — эффективное оружие вируса иммунодефицита, — произнёс он своему зеркальному оппоненту.

Вырвав свой автомобиль из звеньев цепи медлительно тянущихся домой автомобилистов, Эрик свернул направо, выехав на тихую улицу, ведущую к родному точечному строению.

Его внимание привлекла сидящая на корточках престарелая женщина, держащаяся за фонарный столб.

Припарковав машину, Эрик поспешил к ней.

— Вам помочь? — склоняясь над заплаканной старушкой, с тревогой спросил он.

— Сердце прихватило, — всхлипывая, произнесла она.

— А лекарство есть?

— Да, там, в сумке, мне не достать, — тяжело дыша, промолвила она.

Бордовая вязаная сумочка лежала под ногами. Достав упаковку таблеток, он подал ей.

— Нет, мне лучше «Валидол», он в, ну, железной баночке...

— Это, да?

— М, да, благодарю, — беря с его ладони таблетку, кивнула она.

— Может, неотложку вызвать?

— Не надо.

— Вы где живёте?

— Я, я потерялась... — слёзно произнесла она, озираясь по сторонам. — Пожалуйста, посмотрите, там, в кармашке сумки бумажка с адресом была. Ведь вышла, ещё было светло, а теперь темнеет, и я уже не понимаю, где я.

Эрик развернул тетрадный листик:

— Нашёл ваш адрес, так, ясно, садитесь в машину, я подвезу.

— Но ведь я вас не знаю, — с удивлением произнесла старушка.

— И я вас, логично?

— Спасибо вам. Моя девочка меня заждалась, испортила ей весь праздник, дура я, дура старая...

— Не плачьте, здесь недалеко, скоро будете дома, — заводя автомобиль, приободрил он.

— Дай вам Бог здоровья!

Эрик, разворачивая автомобиль, с усмешкой кивнул:

— Ваши слова, надеюсь, дойдут до Всевышнего.

Пассажирка, успокоившись, в течение десяти минут молча смотрела впереди себя, а после задала вопрос, с которого легко можно начать любую беседу:

— Мужчина, а который сейчас час?

— Почти девять.

— Двадцать с копейками?

— Да, уже двадцать один час и даже одна минута.

— Очко! — улыбнулась старушка, завязывая узел сумочки.

— И сколько лет вашей девочке исполнилось?

— Ой, ну, так она школу окончила, и даже институт, но для меня-то она всё равно останется маленькой. А вот вы женатый мужчина?

— Нет.

— Она у меня красавица, всё женское при ней.

— Как это трогательно, — выдохнул Эрик, уворачивая свой автомобиль от «подреза» другого.

— А ведь что тоже главное, так то, что она добрая, заботливая и самостийная. Вот так. Невеста в самый раз.

Эрик почувствовал себя неудобно после этих похвал.

— Ну, что молчите? Мой товар, ваш купец, — с улыбкой смотря на разбурянное лицо молодого человека, произнесла собеседница.

— Да, есть, над чем поразмышлять. Что ж, вот этот дом? — плавно нажимая на педаль тормоза, обратился он к ней.

— Так, а, да, там вон садовый магазин, это, безусловно, мой дом!

— Давайте я доведу вас до квартиры, мне спокойней будет, — помогая выбраться из автомобиля и беря пожилую женщину под руку, на вздохе произнёс он.

Разновозрастная пара остановилась, не дойдя до двора искомого дома.

— Мужчина, так вы проводите меня или уже передумали? — с иронией обратилась она, смотря на роющегося в кармане куртки молодого человека.

— Пожалуйста, подождите меня, только не уходите!

Старушка одобрительно кивнула.

Эрик, торопливо перейдя на ту сторону улицы, вбежал вверх по ступеням и вошёл в магазин.

— Мы закрыты! — остановил его восклицательный тон продавщицы.

— Извините, но я вас очень прошу продать мне самый дорогой букет, который у вас есть.

Кареглазая продавец переглянулась со светлоглазым охранником.

— Вас, покупателей, не поймёшь: когда магазин открыт, вас нет, стоит закрыться, вы тут как тут, — усмехнулась цветочница.

Расплатившись, Эрик выбежал на улицу, придерживая одной рукой распахнутую ветром ветровку, другой обнимая цветущий букет.

— Это мне?! Какой вы непредсказуемый мужчина, — поправив воротник пальто, подметила женщина.

— Цветы для вас и вашей девочки, пойдёте, — ёжась от поздней прохлады, произнёс Эрик.

Дверь квартиры открыла златовласая девушка. Радость, удивление, недоумение пронесли в её больших зелёных глазах.

— Бабушка! — воскликнула она взволнованным голосом.

— Да, это я. Если бы не сей витязь, померла бы твоя бабушка под фонарным столбом. Он мне жизнь спас! — снимая белый берет, восторженно произнесла женщина, с гордостью глядя на растерявшегося Эрика.

— Это вам. С днём пришествия на этот свет, — смотря в пол, преподнёс он девушке благоухающий букет.

— Благодарю вас. Проходите, что же вы стоите в дверях?

— Да я, мне, в общем...

— Мужчина, вас две женщины просят, не откажите, — прервала его мятые объяснения бабушка новорожденной.

Тёплое освещение оранжевого абажура укрывало собравшихся за прямоугольным кухонным столом.

— Бабуленька, я же просила тебя...

— Мне хотелось испечь пирог, а муки в доме не оказалось.

— Как же тебя Света одну отпустила?

— Светочка закемарила, я и подумала: пойду, пока она спит. А где она? Уже ушла?

— Ушла, уволенная. Сиделки на работе не спят. Завтра позвоню Антонине, она должна с дачи вернуться.

Эрик, отхлёбывая горячий чай, прожёвывая торт, украдкой поглядывал на девушку.

— Вы уж простите, молодой человек, я совсем ополоумела от этого дня. Как вас величать?

— Э-Эрик, — протянул он, преодолевая смущение, добавил: — И ещё Артемьевич.

— Юлия, а мою бабушку...

— Александра Ивановна, я помню, как меня зовут, — продолжила она фразу внучки, затем обратилась к гостю. — Эрик, у вас необычное имя. Иностранные корни, или?..

— Нет. Меня так в Доме Малютки называли, в честь хирурга, который меня спас после автомобильной катастрофы, когда мои родители возвращались из родильного дома. Я чудом один в живых остался.

— Вот как, так вы сирота, — с сочувствием тихо произнесла Юлия.

Эрик поднял на неё взгляд, и когда его глаза встретились с блеском её очей, он тут же его отвёл.

— Дальнюю родню искали? — осторожно спросила Александра Ивановна.

— Искал в юности и нашёл, но у них свои дети, заботы, а я вроде как сбоку припёка.

— Ну, что ж, молодёжь, с тортиком справилась, чаёк попила, пойду почитать. Можно, я спасителя в щёчку чмокну?

Эрик, покраснев, обнял Александру Ивановну.

— Смотри, Юлька, краснеет, как зреющий томат, не испортили ещё мальчонку, приглядишься к нему, внучка.

— Бабуль, ну, хватит, — протянула Юлия.

— Ладно, с Богом, дети мои, чтобы вы тут без меня ни сотворили, я вас благословляю, — уходя, произнесла бабушка, трясая в воздухе указательным и средним пальцами, сложенными воедино.

Юлия вздохнула, глядя ей вслед.

— День ото дня всё больше в детство впадает. Смерть моей мамочки разрушила её разум.

— А отец у вас есть? — вполголоса спросил Эрик.

Она отрицательно замотала головой.

— Папа погиб там, что называют «горячая точка», он был военным человеком. Эрик, давайте о жизни. Чем занимаетесь? Стандартный вопрос, но любопытно?

— Менеджер среднего звена, — с безразличием отозвался он.

— А я художник, свободный.

— Правда?

— Вам часто лгут, Эрик, что вы переспрашиваете.

— Чаще, чем говорят правду.

Юлия посмотрела на его руки, затем, улыбнувшись, спросила:

— Хотите вина?

Эрик отставил в сторону чайную чашку и предложил:

— Не считите за наглость, позвольте пригласить вас посетить Мир Музыки и Танца, дабы отметить замечательное событие вашей жизни.

— А вы не такой простофиля, каким казались мне минуту назад. Я за. Обождите немного, — произнесла Юлия, вставая из-за стола.

Он прикусил нижнюю губу, зачарованно глядя на её полную окружность бёдер, пленённых тканью белого хлопка.

Впервые Эрик почувствовал себя осью событий, вращающихся вокруг него самого, по собственному сценарию. Он фак-

тически встал на проторенную дорогу в небытие, но, в то же время, его разум не испытывал тревог, а тело — действий к спасению. Ему хорошо, спокойно, и, возможно, даже он счастлив.

Агония его существования на Земле происходила именно здесь и сейчас, в увеселительном ночном заведении среди чужих людей, которые теперь казались такими близкими и родными. Те люди, с которыми он жил в одном городе, дышал, укрывался от непогоды и улыбался долгожданному теплу светила. Многомиллионная семья Петербурга, с родственниками, на которых он ранее не обращал внимания.

— Мой красноречивый визави, выразите очередное восхищение моей персоной, — иронично улыбаясь, произнесла она.

— Простите, задумался. Знаете, мне так сейчас легко, свободно, будто я возношусь к солнцу, подобно Икару...

— А солнце — это я? — поднося бокал красного вина к гранатовым губам, упредила повествование молодого человека Юлия.

— Вы.

— Эрик, я попрошу вас об одном одолжении.

— Клянусь выполнить!

— Отлично. Тогда будьте в моём обществе самим собою. Не нужно этих заезженных пьесочек оболъщения. Договорились?

Он чуть приподнял плечи и, сложив пред собою кисти рук, промолвил:

— Юля, мне действительно хорошо и у меня нет ни сил, ни желания играть с вами в пустые словесные игры. Зачем? А хотите, я расскажу вам о своём отрочестве? Озаглавлю так, ым-м: «Слуга-недотёпа его превосходительства Оболъщения».

«Хм, со смешным мальчиком познакомила меня судьба. Он вроде и не от мира сего. Нет в нём этой развязной, напористой мужской наглости и показухи лучших качеств, бахвальства с самовыражением своего любимого «я», что обычно свойственно мужчинам при первых встречах с женщинами. Хотя, может быть, я ему и не понравилась, вот и не шибко старается. Однако какое у него открытое и своеобразное суждение о мире, будто он в нём и не жил совсем, а построил свой собственный, всячески отгораживаясь от уродливой реальности.

Отчего мне так уютно с ним, спокойно? Вот опять мой взгляд встретил его, он покраснел, скомкал речь... Дурачок», — слушая Эрика и смотря на него с искоркой в глазах, раздумывала Юлия.

«Мог ли я представить, что эти три дня разрушат весь мой уклад жизни, принципы, обязательства, чувство прекрасного и ощущение сбывшейся мечты? И вот я здесь, с той, которая так не похожа на Алёну ни цветом глаз, ни голосом, ни телосложением. А что она? Юлия иная. Эта девушка с внутренней силой, но всё же, по-моему, она прячет за этой моральной стеной одинокую ранимую душу, одна из загадок женщины: скрывать, бережно хранить то, что после, в любви снизойдёт теплом искренней ласки к тому, которого всецело примет женская любовь.

А что сейчас есть я? Живое тёплое тело в ожидании льда мертвенного скова. Мертвецы холодны, мертвецы безжизненны. Да меня и нет вовсе. О Боже! Никогда не обращался к Тебе, не верил, а теперь...» — рассуждал про себя Эрик. Тягостную грусть его выгнала вспышка радости её изумрудных очей и восхищённое восклицание:

— Моя любимая музыка! Пойдём!

Он поспешно встал, галантно взяв её руку, и повёл к танцующим парам.

Юлия тихо спросила:

— Танец — изысканная прелюдия к тесному общению, да?

Узкая талия девушки облачилась в крепкий живой пояс его рук.

— Не увлекайтесь, Эрик, — поправив золотистый локон, строго произнесла она, сдерживая улыбку.

— Юлия, вы меня постарайтесь понять, мне крайне необходимо хотя бы как-то самоутвердиться, — ответил он.

— Хм, зачем?

— Вы на голову выше меня, — приподнимаясь на цыпочках, на ушко прошептал он ей.

Юлия чуть приподняла подол алого вечернего платья и освободила ножки от туфель на высоком каблучке, после произнесла ему:

— Вам легче, молодой человек?

— На десять сантиметров, не более, — сказав это, Эрик уселся на корточки и заходил гуськом вокруг девичий стати.

Глядя на его комично пританцовывающую, сложенную пополам фигуру, она от души рассмеялась. Рядом парочка танцующих переняла выходку Эрика, а вслед за ними большинство участников танцевального веселья. Ритм мелодии латиноамериканского танца соответствовал новому необычному стилю танца.

Музыка сменилась иной, и они вышли в холл. Она с умилением произнесла: «Эрик Артемьевич, вы после вина всегда такой озорной?», смотря на то, как взъерошенный молодой человек неуклюже подаёт ей чёрное кашемировое пальто.

— Нет, Юлия, но сдаётся мне, что я готов остаться таковым и без вина, — открывая входную дверь и пропуская её вперёд себя, твёрдо ответил он.

Утренник Северной Пальмиры окутал сырым одеялом тумана молодых людей.

— Эрик, вы подарили мне чудесную ночь, спасибо вам, — глядя на погрузневшее лицо молодого человека, произнесла она, будто случайно дотронувшись до его руки. — Вы вновь уходите своими мыслями куда-то очень далеко, — заметила она.

Он улыбнулся и замотал головой. «Юлия, не уходите, тогда и мне незачем будет уходить» — желалось сказать ему, но он лишь ответил:

— Болезнь менеджеров — постоянно решать в уме различные задачки.

— Решили?

— Нет.

Жёлтый автомобиль сжёг утреннюю воздушную влагу светом фар, скрипнув тормозами, вспугнул тишь.

Всю дорогу они ехали молча. Эрик смотрел на мигание пробуждающихся окон жилых домов, движущихся в противоположную сторону движения такси.

Мысленно он думал о ней. Об Алёне.

Юлия размышляла о нём, кто сидел рядом с ней, и, в то же время, в своей задумчивости девушка была совсем одинока.

Она попрощалась с ним, пожав его горячую руку, и, внимательно взглянув в его потухший взгляд, произнесла:

— Я буду помнить тебя, и ты помни...

Эрик кивнул и, укутавшись в чёрную ветровку, вновь очутился в тепле салона такси, с горечью прошептал:

— Лучше забудь.

11

Добротное кожаное кресло с высокой спинкой, покачнувшись на стальном основании, приняло на себя вес тела Геннадия Борисовича.

Бронзовый бюстик Вольтера на его рабочем столе лукаво улыбался, словно бес Балде.

Развернув от себя колкий металлический взгляд, мужчина провёл рукой по округлому подбородку, затем, сложив друг с другом пальцы рук, задумчиво посмотрел в никуда.

На короткий стук в дверь кабинета его узкие губы выпустили громкое: «Да!»

— Геннадий Борисович, я перед вами, — вкрадчиво промолвил Алексей, сжимая в руках жёлтую папку.

— Вижу, Алёша, садись, — указывая ему на стул, пригласил шеф.

— У меня отличная новость! Вот новый проект, который я разработал, ну, ещё в котором мне Эрик помогал. Исправил все ошибки, по большей части допущенные именно им, а теперь есть возможность дать этому проекту жизнь. Естественно, после вашего верховного одобрения, — быстро, но внятно произнёс он.

Геннадий Борисович подошёл к сидящему Алексею, тот, незамедлительно ссутулившись, поднялся со стула, подавая папку.

— Так. Этот проект я помню. Его от и до создал и рассчитал Эрик, — перелистывая файлы папки, пробормотал шеф.

— Но это не совсем так...

— Скажи мне, Алёша, — аккуратно откладывая сшитые расчёты на стол, спросил Геннадий Борисович, — скажи, что, по-твоему, сильнее: физическая или моральная боль?

Алексей на пару мгновений призадумался и, разведя в сторону руки, предположил:

— Смотря какая ситуация, но я считаю, что моральная боль всё же посильнее физической.

Шеф, ничего не ответив словесно, незамедлительно нанёс прямой удар кулаком в челюсть Алексея. Того отшвырнуло, и он с грохотом ввалился в заполненную ширь стеллажа.

— А я, Алексей, считал, что физическая крепче, — высказал свою точку зрения Геннадий Борисович.

— Что вы себе позволяете?! — заорал Алексей, держась за кровоточащую рассечённую губу.

— Теперь о моральной стороне дела, — встряхивая разжатую кисть руки, спокойно произнёс Шеф.

В кабинет быстро вошли двое охранников.

— А впрочем, морали тебе зачитают в другом учреждении, уберите эту грязь, — сохраняя спокойствие, кивнул в сторону скрюченной, кряхтящей фигуры Геннадий Борисович.

Секьюрити, подхватив перепуганного молодого человека под руки, удалилась.

Шеф подошёл к аппарату связи и, поправив запонку на правой манжете, вжал овал клавиши.

— Я слушаю вас, Геннадий Бори...

— Милана, ко мне в кабинет, немедленно.

12

Ультрамариновый свет мобильного телефона озарил счастливую улыбку светловолосой девочки, навечно запечатлённую в глянце фотопортрета.

Тонкие пальцы обхватили дрожащую, музицирующую трубку.

— Здравствуй, Шита, — раздался приглушённый хриловатый голос звонившего.

— Добрый день, — нервно ответила девушка.

— Что с настроением? Всё ли в порядке?

— М, да, отлично.

— Надеюсь, ты сегодня будешь дома? — утвердительно-требовательно, с ноткой вопросительной интонации произнёс голос.

— Сэр, насколько я поняла, наш последний разговор пришёл к общему положительному решению.

— Я всё понимаю, но обстоятельства не в нашу пользу, Лев позавчера вернулся с края не в лучшей форме.

— Что с ним? — взволнованно произнесла она, присаживаясь на край стула.

— Через неделю будет в норме. Шита, нужно открыть ларчик, ключ простой, один и в городском замке, пустяк.

Девушка закрыла глаза, на тяжёлом вздохе вымолвив:

— Я поняла.

— Благодарю. Гонец с описанием будет через шесть мер. Удачи.

Она отбросила трубку в сторону, с тоской смотря в кусочек неба в раме окна, а затем на улыбку той, чьё детское счастье так искусно уловил фотограф.

Неизлечимая болезнь. Мы все на этой планете с самого рождения заражены неизлечимой болезнью. Всякому живому, пришедшему в этот свет, уготована дорога, ведущая от яркости рассвета к сумрачному закату. А существует ли лекарство от смерти? Возможно, это целебное снадобье и есть сам смысл жизни, тот, который для тебя особо значим, определённый тобой для самого себя.

А когда нет этих смысловых компонентов, состоящих из надежд, желаний, забот, стремлений, ожиданий, любви, поддерживающих в тебе жизнь, да и просто самого обыденного существования, что тогда?

Что ты можешь противопоставить смерти? Какой посул она примет взамен минут, часов, дней?

В отличие от живого, смерти не нужно ничего, ибо она сама ничто, материя пустоты, чёрная дыра, втягивающая всё, что соприкоснётся с её мертвенной орбитой.

Эрик прочёл ещё не высохший чернильный текст своих измышлений и, встав с дивана, подошёл к окну, раскрыл его настежь.

Прохладная сырость осени Петербурга в ветре севера, объединившись с ним в потоке, наполнила полотно штор.

Вот дом напротив, там за кирпичной кладкой вентиляционного окошка замер исполнитель приговора, вынесенного им самим для себя. Тот уже сосредоточился на пятисантиметровом участке его живого, горячего тела...

Эрик с силой сжал зубы, широко раскрытые глаза смело смотрели в зачёрнённый квадрат, зияющий под крышей типичной многоэтажки.

На балконе противоположного дома курил неопрятно одетый дед, через этаж — женщина в бордовом халате снимала с верёвок бельё, левее, на лоджии, девочка поливала цветы.

Внезапно вентиляционное окно оживилось, выпустив из себя сизокрылый символ мира, отправившийся на поиски хлебных крошек.

Молодой человек взглядом проводил голубя и, наглухо закрыв окно, задёрнул бирюзовые шторы. Упав на диван, он зажмурился, пальцами растирая виски, пытаясь усыпить своё разыгравшееся воображение.

Истеричная мелодия домофона, словно взрыв, подбросила его напряжённое тело.

— Кто это?! — громко произнёс он, будто спрашивая пустую квартиру.

Крадучись подойдя к аппарату, он внимательно посмотрел на знакомое ему яркое личико, глядящее на него с цветного экрана.

— Милана? — сглотнув, спросил он.

— Я! У меня сногшибательная новость! — широко улыбаясь и не скрывая эмоций, прокричала в динамик девушка.

— Ты одна? — не отрывая взгляда от экрана, с трудом преодолевая страх, задался вопросом он.

— Одна, слушай, ну, долго мне тут торчать? Давай же, открывай! — меняя интонацию радости на нетерпенье, протянула она.

«Будь что будет, сам на это подписался, трус», — пронеслось у Эрика в уставшем сознании.

Милана впрыгнула в квартиру молодого человека, вертя в руках сложенным напополам листом.

— Танцуй, счастливчик!

Живо захлопнув дверь, мгновенно замкнув дверной замок, Эрик выдохнул и, взяв гостью за плечо, выкрикнул:

— Перестань бесноваться, говори толком!

— Скажу, но, может, в квартиру пройдем, — предложила она.

— Прости, пошли на кухню, чаю хочешь?

Девушка, продолжая «раскрашивать» эмоциями радости незатейливый интерьер кухни, вручила бумажное послание хмурому обладателю.

— Так, что это? Анализ...

— Да! И он отрицательный, ты здоров! — слегка щёлкнув по носу Эрика, громко провозгласила девушка.

— погоди, но я же сдавал анализ повторно, — не понимая происходящего, Эрик, разворачиваясь к ней, уронил на поверхность столешницы крышку сахарницы.

— Всё именно так. И если бы ты его второй раз не сдал, то подстава бы не всплыла!

— В смысле?

— Смысл краток и прост. Алексей подкупил медичку, чтобы она сделала подмену анализа крови. Первый раз прокатило, на второй нет. Короче, там её свои сотрудники прижучили, ну,

и сообщили о подлоге, тут и милицию подключили, она, как говорится, раскололась и во всём созналась. Ну, что ты застыл-то? — с недоумением спросила девушка, хлопая растушеванными ресницами.

— Я, гм...

— Хватит бубнить, оставь чайник в покое, помчали, внизу машина, Геннадий Борисович свою за тобой прислал, давай, очнись. Ух, Лёха, гадина, ну, да ответит по полной.

Эрик как будто во сне быстро оделся и через несколько минут оказался в просторном салоне автомобиля представительского класса.

— В офис! — скомандовала Милана водителю и, повернувшись к сидящему рядом, деловито обратилась: — Ты не побрился, Борисыч не одобрит.

Эрик ничего не ответил, лишь устало посмотрел на неё.

— Ну, всё, всё, молчу. Да, досталось тебе, — быстро произнесла девушка, отводя от него оценивающий взгляд.

— Так, стоп! — подпрыгнул Эрик с заднего сидения.

— Не понял, — отреагировал водитель.

— Срочно отвезите меня в кафе «Керосиновая лампа!» — выкрикнул он шофёру, с трудом расстёгивая ворот белой рубашки, чувствуя обжигающий тело поток жара.

— А зачем? — вопросительно удивилась Милана.

— Я умоляю вас! — падая на сиденье и обхватив голову руками, взмолился Эрик.

Водитель снисходительно кивнул: «Какой адрес?» После сбивчивых объяснений молодого человека перестроил автомобиль.

Добравшись до искомого кафе-бара, Эрик вбежал внутрь, столкнувшись с выходившими посетителями, извинившись, он бросился к барной стойке.

— Тарас у себя? — на выдохе обратился он к оторопевшему юноше-бармену.

— Тарас Петрович? Ещё не видел его, я только первый день работаю.

— Та-ак, — протянул Эрик. — А где Саша?

— Сегодня не его смена, — спокойно ответил бармен, переставляя стаканы.

К Эрику подошла солидного вида дама в сиреновом костюме:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Можете! Мне надо поговорить с хозяином, я его друг.

— Он уехал ещё вчера, — невозмутимо ответила женщина на взволнованную речь незнакомца.

Эрик хлопнул ладонью по барной стойке:

— Тарас должен был вылететь в Турцию завтра, не сегодня!

— Молодой человек, попрошу вас не кричать и сменить тон, я ещё раз объясняю вам, он уехал ещё вчера вечером, на день раньше, такое случается.

— Дайте, пожалуйста, мне его номер мобильного, это очень важно, — упавшим голосом попросил он её.

— У меня нет его номера телефона, — холодно ответила она.

— Что за бред! Он оставил свой бар, не дав вам своего номера телефона? А случись что?

— В случае неприятностей я должна оповестить его друга, но не вас.

— Так дайте же мне телефон его друга!

— Это невозможно. Тарас Петрович мне не давал распоряжений раздавать телефонные номера его друзей, — с холодом нежелания к продолжению дальнейшего разговора отпаривала та.

— Но ведь Саша меня знает и может подтвердить, что Тарас — мой друг детства, — смотря на полную короткую шею администратора, на которой висел мобильный телефон, с нетерпением произнёс Эрик. Безрассудное желание сорвать телефон с этой упрямой женщины было отвергнуто, имени друга Тараса он всё равно не знал.

— Приходите завтра, к полудню, тогда с Александром и решим вашу важную проблему, — ответила дама и добавила: — Простите, но вам нужно успокоиться и желательно за порогом нашего заведения. Всего доброго.

Эрик с понурой головой, на ослабленных ногах, покачиваясь, вышел из кафе, затем сел в ожидающий его автомобиль.

— Что-то произошло? — осторожно спросила его Милана.

Поразмыслив, он попросил:

— Миланочка, отвезите меня на проспект Энергетиков, мне жизненно необходимо быть там.

— Нет проблем, но что я скажу Геннадию Борисовичу? Он мне уже набирал на сотовый...

Эрик скрыл печаль улыбкой, смотря на девушку, ответил:

— Просто поблагодари его от меня, а там посмотрим.

— Хорошо, — кивнула она, с сочувствием вглядываясь в черты его измученного, серого лица.

14

Юлия обняла ладонями цветочный букет, отражавшийся в её глазах каскадом красок, дыша утончённым ароматом, заполняя разум волшебством умиротворения.

Дверь её комнаты приоткрылась.

— Внученька, я тебе не помешала?

— Нет, родная, проходи, — с нежностью голоса пригласила она бабушку.

— Вот, хочу задать один вопросик. Как думаешь, все мужчины такие, как дон Альварес?

— Какие такие?

— Ну, сначала презентами одаривают, балаболят сладкие глупости, а потом, обрюхатив, бросают.

— Бабуль, твой муж разве так поступил с тобой?

— Что ты! Нет, конечно. Но ведь его же звали Василий Петрович, а этого Пабло Альварес.

— Теперь всё объяснимо, — дыша цветами, ответила ей Юлия.

Александра Ивановна призадумалась:

— И почему все красавцы подлецы?

— Это уже второй вопрос бабушка.

— Ладно, пойду далече глядеть на этого усатого смазливового мазурика. Хорош чертёнок, — цокнув языком, с кряхтением покинула она внучку.

Дверной колокольчик затрепетал, требовательно оповещая хозяев квартиры о неожиданном госте.

Юлия впустила нетерпеливого звонящего.

— Здравствуй, прошу прощения, что так, в общем, я могу войти? — с порога начал объяснения он.

— Хм, ты уже вошёл. Снимай обувь, тапки на полке, — наблюдая за замешкавшейся сутулой фигурой Эрика, произнесла она.

— Надо было тебе вначале позвонить, но я не позвонил, поэтому мой визит получился столь неожиданным...

— Перестань, нелепо извиняться, я тебе номер телефона не давала. Так, чай или кофе? — вешая его кофту грубой вязки на вешалку, предложила хозяйка.

— И то, и другое, — надевая домашние тапочки и начиная при этом чувствовать в себе уверенность, улыбнулся он ей.

Юлия вышла на кухню.

Яркий свет погожего дня, льющийся из окна, освещал небритые скулы молодого человека, быстро жующего домашние булочки, девушка сидела напротив него. Отчего-то это настоящее, происходящее сейчас с ней, казалось каким-то родным. Вспомнились отец и мама, вот так просто завтракающие за одним столом. Было тихо, и позвякивание столовых приборов довершало эту семейную идиллию самого обычного будничного утра.

— Сто лет так вкусно не ел! — восторженно произнёс он.

— Да ты старше моей бабушки? — закачала головой Юлия.

Он, заметив искорки иронии в зеркале её души, утвердительно кивнул.

— Ты приехал забрать автомобиль? — вставая из-за стола, поинтересовалась девушка.

— Нет. Я ключи от машины и квартиры потерял, — быстро и на своё удивление легко соврал Эрик.

— И... продолжай, — размешивая сахар в кофейной чашечке, насторожилась она.

Он пожал плечами и с печалью промолвил:

— Я не знаю, куда мне теперь идти.

— По-моему, ты уже пришёл туда, куда хотел. В службу по вскрытию дверей звонил?

— Не звонил. Вроде, я оставил ключи у друга в кафе, — нашёлся Эрик.

— Я не поняла, ты потерял или забыл?

— Потерял у него в баре, ну, с кафе этот бар, два в одном. Я завтра в полдень зайду к нему, если ключи там найдутся, то... — молодой человек чувствовал, как окающая незваная совесть со своим ярко-красным оттенком выдавала его до кончиков ушей.

«Судя по другой одежде, дома или ещё где-то он всё же был, а вот врать он не умеет вовсе, значит, не конченный», — усмехнувшись про себя, рассудила Юлия, с пониманием кивая на объяснения Эрика.

— Ты отчего такой понурый?

— Я после нашего с тобой расставания не спал.

— Влюбился?

Он уставился на репродукцию натюрморта, судорожно ища в памяти варианты стандартных остроумных ответов.

— Что ж, пойдём ко мне в комнату, — убирая со стола, произнесла девушка.

— А где Александра Ивановна?

— Сериал смотрит, ну, смелее, коль пришёл, — подстегнула его нерешительность Юлия.

Следом за ней он вошёл в её комнату, озираясь по сторонам.

— Вот это да! — осматривая стены, с удивлением произнёс молодой человек.

Она расстилала постель, меняя постельное бельё.

— Я думал, у тебя тут художественные холсты, а тут...

— Спортивное прошлое. Если бы не моя бабуля, ничего такого здесь и не висело.

— Первое место в международных соревнованиях по биатлону. Класс! — бережно укладывая блеск диска на свою ладонь, восхитился Эрик, повернувшись к ней с вопросом: — Почему ты бросила спорт?

— Когда мою мамочку поглотил рак и врачи прямо заявили, что ей осталось жить не больше месяца, в это время мне предложили высокооплачиваемую работу, благодаря лекарствам из-за рубежа и платным врачам мама прожила почти четыре месяца. Хотя она от такой жизни устала, скорее, я хотела, чтобы она для меня жила.

— Юля, прости, что я напомнил тебе...

— За что люди просят прощение? За своё любопытство? Иди-ка, прими душ, вот тебе полотенце, и ложись спать.

— А ты? Ну, то есть, если я усну, то, чувствую, надолго.

— Я не пропаду, ещё комната есть. Хочешь, возьми папину электробритву.

— Спасибо тебе, — беря из её рук коричневый футляр, поблагодарил он.

— Надеюсь, спасёт Бог, — выходя из комнаты, чуть слышно произнесла девушка.

15

— Дурной квадратноголовой тормоз, — визгливо выругалась в стоящий напротив неё компьютер Милана. — Давай же, лентяй, ищи документ, а я схожу, покурю.

В дверь постучались.

Посмотрев на себя в зеркальце и поправив завитой русский шиньон, она, прошептав sheese, вежливо отозвалась:

— Прошу вас, входите!

Её улыбка сползла. В облике вошедшей она узнала ту, которой отдал предпочтение Эрик.

— Добрый день, Милена, я хотела бы увидеть Эрика, — без эмоций промолвила девушка.

— Во-первых, не Милена, а Милана, а во-вторых, Эрика в офисе нет, и вообще, шеф дал ему время на отдых ввиду потрясения, которое он пережил. Ты в курсе? — скрывая найденный компьютером документ, спросила она, с интересом глядя на экран монитора.

— Да, мерзкая история. Его мобильный не отвечает, дома его нет, я беспокоюсь, — сядя на край стола, вздохнула девушка.

Милана с недовольством оглядела стройную фигуру Алёны. «Щепа сучковатая», — подумала она и быстро ответила:

— Он уехал на проспект Энергетиков, видимо, там о нём беспокоятся более искренно. Если твои несложные вопросы исчерпаны, то всего доброго, у меня очень много важной работы.

Алёна, издав нецензурный шёпот, схожий с шипением, резко встав, стремительно вышла, пнув по дверям, а после ими хлопнув.

— Дура гламура! — отправила совестную пулю вслед Алёне секретарь, доставая из пачки сигарету.

16

Его черты лица. Что можно сказать о человеке по изгибу его бровей, разрезу глаз, форме носа, линии губ?

Может ли фотография раскрыть мысли, желания, истинную сущность человека? Вероятно, да, но не в данном случае. В ожидающем своего времени, последнем случае в жизни Эрика его мысли, желания и сама сущность, словно огонь свечи, разом задул выхлоп пороховых газов и навечно запечатает свинец пули.

Шифр при помощи ключа превратился в наполненный смертельным смыслом текст, означающий только одно — контракт подлежит исполнению.

Жадный огонь жарким жёлтым языком облизал белый бумажный лист, обратив его трепетную плоть в шагреновый прах.

— И что моё дитя пригорюнилось? — ласково спросила женщина, войдя с тарелкой на кухню.

— Не обращай внимания, бабуль, — произнесла она, искусно меняя своё неприглядное выражение лица на беззаботность.

— Ты мне лучше скажи, кто в твоей комнате на кровати храпит?

— Храпит?

— Может, сопит. И кто?

— Дон Альварес, — ответила Юлия, отвернувшись.

— Да хоть чирик лысый! Нам в доме мужик ой как нужен, да и в рай хочу попасть.

— Ты о чём? — с недоумением спросила она бабушку.

— О том самом. По поверью, кто правнуков нянчит, того Бог сразу себе за пазуху, когда в тот мир попадаешь. Давай, сделай бабке хорошо, — с лукавством подмигнула Александра Ивановна.

— Там Эрик, — на протяжном вздохе произнесла Юлия, прикрывая ладонью глаза.

— Эрик! Тот самый! Карлсон вернулся! Давай стол накроем, мужик, поди, голодный проснётся, ну, включи в себе женщину!

— Бабуль, откуда эти словечки?

— Современно сказано, да? — открывая холодильник, улыбнулась она внучке.

— Бабушка, я сама! — помогая ей с продуктами, нервно воскликнула девушка.

— Утри лучше слёзы, приведи себя в порядок, совсем распустилась со мной. Ну, кому сказала! Иди, а я похлопочу.

Эрик «утопал» в рубашке и тренировочных штанах отца Юлии. Несмотря на этот слегка комичный образ, Александра Ивановна любовалась его сидящей во главе стола фигурой.

— Мне так хорошо у вас, — обратился к Юлии и её бабушке Эрик. — У меня никогда не было семьи, но я так мечтал о ней, что порою в детском доме снились сны о маме и папе, которые рядом со мной, я даже чувствовал их родительское тепло, такое, какое я сейчас испытываю вместе с вами. Жаль, что их лиц после сна наутро не помню.

Александра Ивановна, слегка хлопнув его по руке, с задором воскликнула:

— Ну, так оставайся! Теремок читал? Я мышка-норушка, она лягушка-квакушка...

— Бабушка! — прервала повествование Юлия.

— Ладно, я лягушка. Не обращай внимания на её настроение, она у меня — словно засохший цветочек, садовника нет, никто не поливает, — как бы между прочим произнесла старушка, наполняя тарелку молодого человека тушёной бараниной.

Эрик с улыбкой радости смотрел на Юлию, борющуюся внутри себя с эмоциями чёрного и белого.

Мобильный телефон подал сигнал. Девушка, встав, вышла из кухни.

— Здравствуй, Шита.

— Сэр, всё в порядке, — быстро произнесла Юлия.

— Мольберт получила?

— Да, но я говорила тебе, что данная модель мне неудобна...

— Не говорила. Срок написания картины два дня, соберись. Что с твоим внутренним состоянием? — спросил приглушенный хриловатый голос.

— Я в норме.

— Тогда до связи.

— Психолог прозорливый, — отбросив от себя мобильный, с отчаянием прошептала она, введя пальцы в рыжую шевелюру и с силой сжав их в кулак.

— Не помешал?

— Нет, Эрик, боюсь, я тебе помешала, — с сарказмом произнесла она в ответ вошедшему в её комнату.

— Может, я лишний, но потерпи до завтра, так случилось, — разводя руки в сторону, виновато промямлил он, опять чувствуя в себе тревогу.

Юлия пристально посмотрела на молодого человека.

— Эрик, пойдём, прогуляемся, — неожиданно обратилась она к нему.

— Нет. Я не пойду на улицу, — теряя самообладание, замотал он головой.

— А что так? — с холодом задала она вопрос.

Эрик робко взял её руку и вложил в свою.

— Просто мне хочется побыть с тобой вдвоём, — чуть подавшись телом к ней, тихо пояснил он.

Юлия рассмеялась. «Впервые слышу такое от жертвы», — подумалось ей.

Прикрыв глаза и плотно сжав губы, она с раздражением освободила свою руку из нежности объятия его сжатой горячей ладони, жёстко вымолвил ему:

— Что ж, будь по-твоему, желание гостя закон, сегодня твой день.

17

Кухонный кран, капля за каплей, отсчитывал ночное время. Табачный дым плавно витал, перевоплощаясь в фантазийные призрачные образы, которые оживали вновь, воссоединяясь со сквозняком и новым выдохом тёплого дыма.

Юлия перелистывала страницы любимого романа, пытаясь растворить тяжёлое ощущение реальности в иллюзорном мире чужой и чуждой ей любви.

Мысли об Эрике заполняли, торили её разум, перекрывая, словно козырные карты, уже, как ей казалось, сыгранную партию.

Приближение смены утра ослабляло в ней уверенность выполнить контракт, её душа тщетно пыталась найти источник слабости, чтобы покончить с ним.

Она вдруг поняла, что за эти сорок восемь часов в ней ожила та, которую именуют женщиной.

Именно этот невзрачный маленький человек стал для неё тем самым источником женской слабости. Умертвив его, она убьёт в себе женщину, которая уже прибывала в ней, росла, подобно долгожданному плоду.

Но самое чудовищное преступление её судьбы перед ней заключалось в том, что он, по необычайному стечению жизненных обстоятельств, нашёл прибежище в доме своего палача.

Она вскрыла чёрный кейс. Холодный, тусклый отблеск «Р-92» будто ждал тепла её ладони и прикосновения указательного пальца, который высвободит из плена гильзы ту, что называют дурой. Она найдёт живое и обратит в мёртвое. Живое, что сейчас мирно спит в её комнате и, может быть, видит сны ребёнка о маме и папе, которых с ним никогда более не будет. Он спит и ощущает их родительскую теплоту, слышит голос мамы и чувствует прикосновение отца.

Что это? Слёзы? Да, Юленька, твои слёзы. Ты способна плакать? Не всё выплакано тобой, не всё пережито? Значит, ты — человек и ты ещё женщина.

— Подъём! — разведя в стороны жалюзи, выкрикнула Юлия.

Эрик, морщась от ослепительного утреннего света, с головой укрылся одеялом.

— Давай, живей, — нетерпеливо швырнула девушка в адрес показавшегося из-под одеяла заспанного лица.

Эрик встал, слыша в коридоре оживлённый женский говор.

— Юля, не переживай, мы с Тонечкой сейчас по чаёчку ударим, а после донна заценим, — обнимая внучку, весело произнесла Александра Ивановна.

Бабушке вторила женщина в теле:

— Юленька, всё будет чудесно, я тут вам варенья привезла, так что к вашему приезду вкусеньких плюшек сообразим.

— Антонина Степановна, только прошу вас сливяночкой бабушку не поить, — сведя металл застёжки-молнии, предостерегла девушка.

— Хм, так до сливянки ещё рановато, неделю ей выхаживаться, вот клюквянка, — Тоня хихикнула.

Юлия, беря чёрный кейс, вопросительно выкрикнула в коридор:

— Эрик, ты скоро?!

— Да, да, сейчас, уже бегу! — отозвался он.

— Что за мужики пошли, как барышни, прихорашиваются, — заметила Антонина Степановна, ожидая от сказанного положительной реакции Юлии.

— Не ваше дело, — отрезала та в ответ, смотря на торопливо приближающегося молодого человека.

Они оба вышли на лестничную площадку. На ходу застёгивая кофту, Эрик посетовал:

— Я думал, мы спокойно вместе позавтракаем, время-то ещё есть...

— Скоро будут пробки, — перебила она его.

Во дворе Эрику вновь пришлось повозиться с массивными пластиковыми пуговицами, освобождая себя от излишнего тепла верхней одежды.

— Юль, а ты предпочитаешь носить чёрное?

— По грустным праздникам, — покачивая широкими бёдрами, стянутыми кожаными зауженными брюками, не оборачиваясь к нему, бросила она ответ, быстрым, опережающим его шагом направляясь к стоянке автомобилей.

Эрик встал как вкопанный:

— Я не поеду!

— Что?

— Юлия, у меня же нет ключей, — быстро пояснил он, увидев поодаль себя собственный автомобиль.

— А чего ты так испугался? — удивлённо спросила она.

«Может, там подложена бомба?» — пронеслось во встревоженном сознании молодого человека.

— Поедем на моей, — подходя к компактной чёрной модели внедорожника, сверкнувшего цепью фар, прервала его замешательство она.

— Высокая девушка, большая машина, впечатляет, — кивнул молодой человек.

— А ты, коротышка, меня не впечатляешь, — усмехнулась она ему в ответ.

— Ну, это вполне нормально. В природе у насекомых самка крупней самца, и никто из жуков не комплексует, — спокойно, без всякой обиды ответил Эрик.

— Это ты о богомолах? — заводя автомобиль, чуть склонив голову набок, смотря на него, спросила она.

— А, да, лично я был бы не против, если бы ты меня съела, — пристёгивая ремень безопасности, отпарировал он.

— Боюсь, что не наемся, — включая авто магнитолу, связила девушка. — Давай, лучше помолчим, нет настроения к общению.

Эрик откинул голову на подголовник и, прикрыв глаза, с восторгом произнёс:

— Классная!

— Музыка? — спросила она, выводя автомобиль на проезжую часть.

— Ты классная!

Юлия взглянула на его осветлённый восхищением профиль.

— По-моему, мы не туда едем, — смотря на незнакомую улицу, вымолвил Эрик.

Девушка молча вела машину, не обращая никакого внимания на его вертящуюся фигуру.

— Ой, прости, Юля, не прав. Странно, а я на этом перекрёстке всегда в пробке простаивал, — удивился молодой человек. Из тени арочного свода открывалась его взору ширь проспекта.

— Юля, Юля, не надо, может, не будем обгонять этот «Камаз», а? Уже обогнали. А вот тут бы я притормозил, ну, вообще-то верно, можно и проскочить... — продолжая наблюдать за мелькающими объектами по ту сторону стекла, на высоких тонах произносил Эрик.

Через двадцать минут экстремальной гонки с расстоянием, автомобиль плавно припарковался у тротуара.

Эрик с непонимающим взглядом указал рукой в сторону улицы.

— Юлия, а до «Керосиновой лампы» ещё метров сто, может, там...

— Выходи, я тебя буду ждать здесь, — смотря на часы, спокойно ответила она.

Тяжело выдохнув, Эрик выпрыгнул из машины и помчался бегом к заведению, островку спасения его жизни.

Юлия надела затемнённые очки и, закусив ноготок на указательном пальчике, усмехнулась:

— И кому могло помешать это дитё?

Эрик вбежал в зал кафе-бара. Присутствие бармена Александра вознесло его на гребень волны радости.

— Добрый день, Эрик!

— Саша! Господи! — тяжело дыша, схватил он его руку, быстро тряся, сглотнув, продолжил: — Дай позвонить Тарасу.

— Пожалуйста, сейчас позвоним. Мне про вас сегодня администратор рассказала. Что стряслось-то? — с удивлением рассматривая Эрика, спросил Александр, доставая свой мобильный телефон.

— Позже, Сашенька, набирай побыстрее, если получится, то в коньяке с шампанским искупаю.

— Замётано, вот, говорите.

Эрик вжал телефон в ухо, выбежав в сводчатый холл, прислонился к стене.

— Ну, что вы там молчите? — раздался знакомый голос.

— Тарас! Это я, Эрик! Тарас, ты меня слышишь?!

— погоди, Эрик. Если бы ты знал, в какую сладкую минуту раздался твой звонок... Давай, говори, что хотел?

— Брат, выручай, у меня страшная проблема.

— Насколько страшная?

— В общем, ну, я думал, что у меня СПИД, что я им болен, и решил сам себя, но не смог, поэтому тогда пришёл к тебе, чтобы, ну...

— Эрик, ты дурак?

— Нет. То есть да. Меня подставили, подменили анализ, я здоров! Как мне отменить всё? Блин, меня же укокошат, — сползая по стене, чувствуя комок в горле, теряя самообладание, простонал молодой человек.

На том конце связи раздался рык.

— Чух заумный, охренела твоя голова. Ладно, дай подумать, да не хнычь ты, тряпка, приеду, рыло разобью.

— Если выживу, сам приду к тебе за этим, — глотая слёзы, прошептал Эрик.

— Так, я позвоню своему корню, он тебе поможет. Мой мобильный у тебя?

— Да, в кармане, — торопливо сунув руку в брючный карман и с силой сжав пластиковый корпус, отозвался он.

— Жди этим вечером звонка, ешь с трубкой, сиди в толчке, трахайся, но чтобы она была с тобой, да, кстати, и не забудь телефон зарядить. Всё понял?

— Да, Тарас, всё понял.

— И обязательно проведи этот день где-нибудь. С Богом!

Вручив трубку Александру, Эрик вышел из кафе, убыстряя свой шаговый темп, превратившийся в бег. Хром радиатора автомобиля Юлии, будто маяк, светился под ярким солнечным лучом. Обежав пожилую пару, молодой человек наткнулся на живой монолит. Внушительных размеров мужик схватил его за ворот и потянул к себе. Ворот рубашки треснул:

— Ты, козёл, ослеп?! — злобно спросил незнакомец. На асфальт посыпались пуговицы, когда краснолицый бугай в очередной раз тряхнул Эрика, держащего в кармане руку, обхватившую спасительный мобильный телефон.

Проходящие мимо граждане будто бы и не замечали потасовки в центре тротуара.

Молодой человек попытался успокоить его гнев извинениями, но тот отреагировал на них иначе:

— Ты, уродец, не извиняйся, а бабки гони за моральный ущерб, — ударив Эрика ногой по колену, пробасил пострадавший, дыша прогорклой выпивкой в сморщенное от сажающей

боли лицо молодого человека. От вторичного удара в бок коленным молодой человек упал на асфальт под ноги обидчика. Эрик зажмурился, напрягшись всем телом в ожидании очередного пинка. Короткий глухой звук, словно бросили тяжёлый мешок, затем невнятный возглас, изменённый болью. Когда Эрик приоткрыл зажмуренные глаза, то увидел рядом с собой лицо нападавшего с выпученными глазами с ярким оттенком красного в белках, рот извергнул слюну и протяжный хрип.

— Поднимайся и отряхни штаны, кресла в машине испачкаешь, — произнесла Эрику Юлия, быстро направляясь к автомобилю.

Он, прихрамывая, чуть подпрыгивая, спешно следовал за ней, косясь на крыши и окна рядом стоящих домов.

— Покажи колено, — кивнула на его ногу девушка, заводя автомобиль.

Эрик послушно засучил штанину.

— Сильно он тебя. Возьми на заднем сиденье серую коробку, в ней подушка льда. Да не кейс, а рядом, — взглянув в зеркало заднего обзора, указала Юлия.

— Ловко ты его уложила! И всё же здорово, когда рядом с тобой сильная женщина. Я бы тоже его, а-ай... — холод обжёг опухший коленный сустав, Эрик достал мобильный телефон и, мотнув головой, проворчал: — Во зараза.

— Ты, надеюсь, не в милицию собираешься звонить? — спросила она его.

— Нет, что ты. Теперь домой, к тебе да?

Юлия резко затормозила машину.

— А могли бы проскочить, как утром, — показывая на светотвор, улыбнулся Эрик.

— Убила бы тебя.

— Кто угодно, но только не ты, — растирая холодом подушки колено, объявил он.

— Это почему же?

— Всё просто, ты — моя вторая половинка, а я твоя.

— Чего? — резко переключая скорость, приоткрыв алые губы, удивилась девушка.

— Мы с тобой взаимодополняющее друг друга единое целое с ближайшей перспективой создания прочной и счастливой семьи, — спокойно ответил Эрик.

Юлия, бросив взгляд на кейс, а затем на попутчика, с интересом спросила:

— Ключи от дома и машины нашлись?

— А, нет, сегодня вечером на мобильный друг перезвонит и тогда он...

— Я поняла тебя, едем ко мне, — перебила девушка сбивчивый ответ Эрика.

— Юль, я кушать хочу, — с улыбкой произнёс Эрик, повернувшись в кресле на бок, любуясь строгим ликом девушки.

— Отвернись, — приказала она, чувствуя его жгучий мужской взгляд.

— Не отвернись, хоть убей, — прошептал он.

18

Кисть жилистой руки прочно держала оптический прибор, приближающий дерзость правды видимого. Влюблённое сердце сжалось в напряжённый комок, в душу отчаянно вступило разочарование.

Она ослепляла его взгляд золотом своих волос, которые нежно ласкал ветерок осени. Та самая женщина-мечта: её можно было коснуться, созерцая и лелея надежду на сбывшуюся для него реальность. Она — единственное вероисповедание — оттолкнула его к атеизму любви.

Чужак, шедший рядом с ней, взял её за руку. Недомерок говорит с ней, она отвечает ему.

«Почему? Я не могу понять, почему?» — прошептал Лев, убирая левой рукой бинокль в карман из чёрной кожи.

Правая рука медленно сжалась в кулак, на лбу от жалящий боли выступил пот, зубы скрипнули.

— Шита, я вернулся, — медленно произнёс он, сквозь ярость пропуская голос.

— Намаялась я с тобой, и перестань меня смешить, — безуспешно пытаясь облачить мимику в маску строгости, высказалась Юлия, подтолкнув молодого человека к парадному входу, она добавила: — Так, марш домой, а мне нужно по делу съездить, буду через часа четыре.

Улыбка на лице Эрика умерла. Он посмотрел в сторону, потом на неё и решительно обратился к ней, напрямую задав вопрос:

— Юля, скажи мне откровенно, у тебя есть любимый человек?

— Нет, а у тебя?

— Была, но она меня в трудной жизненной ситуации бросила, — равнодушно ответил он.

— Не жалеешь? — спросила Юлия, смотря в его глаза.

— После встречи с тобой я ни о чём не сожалею, — отвечая на её пристальный взгляд своим, твёрдо ответил он.

«Он узрел во мне любовь, не узнав смерть», — подумала она и, отвернувшись от него, с горечью произнесла, уходя прочь:

— Наивный мальчик, что ты вообще обо мне знаешь?

— Я знаю одно, ты моя жизнь! — выкрикнул ей вслед Эрик и вошёл в парадную.

Юлия обернулась к нему, но он исчез быстрее слов, продолжающих звучать в её разуме вновь и вновь.

Ароматный дым табака окутал Эрика, пешком добравшегося на пятый этаж. Он медленно поднял голову от ступеней, всё выше поднимаясь взглядом по незнакомцу, стоящему в метре от него и пристально его рассматривающему. В руке чужака дымилась увесистая курительная трубка.

К вискам Эрика хлынула кровь, взметнув в мозг пульсирующую мысль о близком конце.

Тот слегка улыбнулся и, закусив мундштук трубки, подмигнул молодому человеку.

Эрик судорожно ответил левым глазом.

Незнакомый мужчина расплылся в улыбке и жеманно задал вопрос:

— И что же вы так жадно на меня смотрите? — сделав губы трубочкой, он выпустил струйку дыма и с лукавством вымолвил:

— Мне даже неудобно.

— А я к Юле, — вырвалось с языка Эрика.

Курящий помрачнел и сменил игривый тембр голоса на сухой:

— Ну, так ступай к своей бабе! — грубо высказавшись, он отвернулся от молодого человека.

Дверь соседней квартиры открылась, и оттуда в шёлковом розовом, расшитым узорами халате выпорхнул бородатый мужчина, бросившись на шею гостя:

— Каплуша, не сердись, я плескался в ванной... — увидев третьего лишнего, хозяин квартиры осёкся.

Каплуша покрутил у виска средним пальцем в адрес Эрика и вошёл в квартиру к любителю водных процедур.

«Какое счастье, что не все мужчины — мужчины», — с облегчением выдыхая, подумал Эрик, дёргая за шнурок дверного звонка.

19

Берлога холостяка была противоположностью неряшливой аскетичности и выглядела весьма привлекательно.

Незастеленный раскрытый диван с небрежно разбросанными на нём книгами был единственным тёмным пятном уютного интерьера.

— Джордж Гордон Байрон, — прочла вслух Юлия имя автора, держа одну из книг в руках.

Она осмотрела всё, в чём жил человек, связанный со смертельным контрактом. Подсознание продолжало отчаянную борьбу с ростками чувств в её возрождающейся женской душе. Оно требовало негативизма, всего того, что могло бы освободить пути на сухих руках смерти.

Даже содержимое жёсткого диска компьютера не бросало тень на своего обладателя. Деловая документация да пара фотографий с той, о которой он сегодня с безразличием высказался.

— Эрик, — нежно прошептала девушка, проводя указательным пальчиком в чёрной коже перчатки по его фотографии, смотрящей с искренностью и печалью на неё.

Она закрыла лицо руками, слёзы побежали по её щекам, тело охватило бессилие: «Нет, не могу. Сука я, женщина. Не желаю быть иной, нет...» — девушка, кусая губы, с отвращением стянула с себя кожаные перчатки. Солнечный лепесток скользнул сквозь чуть приоткрытые шторы, осторожно коснувшись её уставшего лица. Она сквозь слёзы грустно улыбнулась частичке небесного тепла.

— Я знаю, что мне делать, — покончив с размышлениями, произнесла она вслух. Оправившись от слёз, Юлия достала из ящика письменного стола документы Эрика и, вложив их в карман, быстрым шагом покинула квартиру.

После повторного поворота замка закрывающейся двери за её спиной раздался женский возглас:

— Ты кто такая?!

Юлия ухмыльнулась:

— Могу вам задать тот же вопрос.

«Блондинка, но только до не покрашенных корней волос, стройна, не брезгает косметикой», — оценила про себя Юлия.

«Вульгарная, рыжая, конопатая потаскуха», — подумала о Юлии возмущённая Алёна, нервно раскрывая сумочку, прокричала:

— Я вот сейчас милицию вызову, будешь знать, шалава, как по чужим квартирам лазить!

Юлия вдавила девушку в стену, ударом по рукам выбив сумочку.

— Ты, а... — успела произнести Алёна, остальные её слова поглотила сила ладони незнакомки, зажавшей ей рот.

— Теперь слушайте меня. Если поняли, кивайте, если нет, мотните головой, хотя не советую, — щёлкнув лезвием опасной бритвы у шеи Алёны, тихо произнесла ей Юлия. — Эрик мой мужчина, от макушки до кончиков ногтей, понятно?

Алёна, трясась телом, кивнула, не отрывая расширившиеся глаза от блеска опасного металла.

Юлия продолжила:

— Если вы ещё раз напомните о себе, я разделаю вас по схеме убоя скота. Вам понятно? — Алёна привстала на цыпочки, почувствовав, как кромка лезвия прижалась к её пульсирующей сонной артерии, согласившись моргнув слёзными глазами. — И ещё, девушка, не вздумайте обращаться в милицию, с Эриком всё в порядке, он меня любит, и я очень хочу от него детей, — прошептала Юлия у уха жертвы.

Алёна, выпущенная из тисков соперницы, смазав рукой щеки подтёкшую тушь, схватив с пола сумку, на покачивающихся ногах поспешно спустилась по лестнице.

— Сука! — навзрыд с истерией злобы выкрикнула она с первого этажа.

Юлия довольно улыбнулась:

— Я знаю, и мне это нравится.

20

Чёрточка на безымянном пальце кровоточила.

— Ну, бывает, до свадьбы заживёт, — дуя на палец, промокая ватным тампоном раненую часть тела Эрика, с заботой успокоила Антонина Степановна.

— Молодчина! Мужик с руками, теперь экономия воды в городе возрастёт, — крутя смеситель, восторженно отозвалась Александра Ивановна, при этом заметив: — Дон Альварес так бы не смог.

— Края у мойки острые, вот... — отряхивая брюки Эрик взвыл, задев травмированное колено.

— Что такое, о колени теперь порезался? Конечно такой худой, как гвоздик, — поглаживая по голове молодого человека, пошутила бабушка.

— Ты, Шура, не права, у него аристократическая худоба, мне такие мужики по нраву, — с симпатией произнесла сиделка.

— Тоня, слониха в чулках, ты клинья свои кривые под Юлькиного мальчонку-то не подбивай, у тебя свой мужик есть.

— Ага, есть. И диван с телевизором тоже, — отмахнулась рукой Антонина Степановна.

— Может, ещё что по дому сделать? — аккуратно складывая рабочие инструменты в треснувший деревянный ящик, спросил Эрик.

— Клюквянку хочешь? — подмигнула мужчине сиделка.

Александра Ивановна хлопнула в ладоши:

— Удалось-таки пронести!

— Она здесь, — указывая на трёхлитровую банку, с таинственностью произнесла Антонина. — Я бутылку в банку с вареньем сунула, почти два литра, сама делала, — снимая с неё крышку, гордо пояснила сиделка.

Бабушка торопливо выставила на стол гранёные стаканы.

— Вот так, сейчас, голубчик, клюкнем, — обратилась она к Эрику, с замешательством наблюдающему за суетой вокруг стола.

— Александра Ивановна, а Юля против не будет?

— Всё, милый, предусмотрено заранее, у меня есть жевательное снадобье, — заверила она.

— Ты это о чём? — удивилась Антонина.

— Про жвачку говорю, — пояснила Александра Ивановна.

— Тонь, да застегни ты пуговицу, открыла настежь декольте, не ровен час, пара вывалится, все стаканы ею перебьешь, совсем стыд потеряла.

— Ладно тебе, Шура, вот твоя Юлька двоих карапузов выкормит, ещё больше моих будут, — застёгиваясь, с недовольством ответила сиделка и с хитрецей в улыбке обратилась к севшему за стол молодому человеку: — Эрик, чувствуешь, какая работа по дому тебя ждёт?

Он заулыбался, опустив голову, делая вид, что заинтересованно рассматривает узоры скатерти.

Женщины сели рядом с ним. Тоня наполнила свой стакан, бабушкин — и задумалась.

— Шур, так, почитай, он за рулём, ему не наливать, а то не туда свернёт, — засмеялась она, после сказанного наполняя клюквенным настоем стакан Эрика.

— Тонька, не труни, а то вкусную жвачку не дам, — стуча пальцем по кромке стола, строго предупредила бабушка.

— А сама-то чем жевать будешь? — опрокинув стакан на выдохе, с прищуром спросила сиделка.

— Через мясорубку пропущу, дура, — выпив свой стакан и крякнув от спиртовой крепости, отпарировала Александра Ивановна.

Эрик посмотрел на женщин, отрывисто выдохнул, подняв свой стакан, залпом поглотил кислый алкоголь.

22

Чёрный кейс с глухим хлопком лёг на массив стола.

— На этом всё, — жёстко высказала Юлия.

Я выдохнул сигаретным дымом, размеренно подошёл к ней почти вплотную. Она пристально смотрела на меня. Пройдя за её спиной, я почувствовал между нами внутреннее напряжение. Поравнявшись с ней глазами, я спокойно произнёс:

— Позволь напомнить тебе, дитя моё, что у тебя нет никакого права решать...

— Я не твоё дитя, Сэр!

— Вот как ты заговорила. Громко, чётко, знаешь, режет слух. Вероятно, ты забыла, что я был близким другом твоего отца, помогал тебе, справедливо было бы сказать, стал тебе заместо...

— Не пачкай имени моего отца, не надо.

— Перестань меня перебивать! — теряя терпение, выкрикнул я и, взяв её за плечи, слегка тряхнул. — Да что с тобою?

Она мне ничего не ответила, лишь, прикрыв глаза, медленно вымолвила:

— Я больше не могу, не желаю. Хочу жить, понимаешь это слово, жить?! — её лицо побледнело.

Отвернувшись от неё, от той, которая больше не стояла прямо с высокоподнятой головой, я шагнул к столу и утопил окурок в пепле, сел и сжал друг с другом кисти рук. Она, смахнув слезу, с вызовом посмотрела в мою сторону. Пробуждающийся во мне зачаток жалости к ней затоптал смысл её речи.

— Изначально я выполняла заказы согласно принципам нашего общества, а именно: устранять подонков, насильников и прочую мерзость, которую не постигла участь правосудия. Ты, Сэр, прекрасно понимал, что после того, что сделали такие вот ублюдки с моей младшей сестрой, я без раздумий соглашусь вершить вердикт справедливости, которой и нет вовсе. И вот теперь ты направляешь моё оружие на обычного, ни в чём не повинного человека.

Я усмехнулся, продолжая смотреть на неё исподлбья.

— Сэр, мне противно. В тебе умер человек чести, правды, ты уничтожил его и закопал под алчностью наживы.

Последние слова, высказанные мне, она произнесла с особым презрением.

Моим ответом была лёгкая улыбка. Наполнив чашку чайным отваром и сделав короткий глоток, я провёл рукою по воздуху пространства комнаты, в который только что было направлено столько важных слов, заряженных эмоцией приятного на слух женского голоса.

— М-м, Юлия, каково! В тебе благочестие зарделось? Отчего такие изменения? Ой, верно царственная особа лю-лю-бовь постучалась в дверку девичьей души. Вот только не знаю, с иронией у меня это предположение прозвучало или с благоговением? Как ты это для себя восприняла? — вдыхая аромат чая, мягко поинтересовался я.

Она стояла, с неприязнью смотря на меня.

Я почтительно кивнул.

— Ну, конечно, конечно, мне этих взбрыков сердечного не понять. Я никого не люблю, не желаю и, скорей всего, даже не имею на это права. И как можно вообще любить людей, которых приходится убивать. Абсурд. Мясник режет хрюка, с любовью посматривая на свинью.

Отпив чая, я, вздохнув, продолжил толковать на той же спокойной рассудительной ноте:

— Что ж, я не стану призывать тебя к перемене твоего устоявшегося мнения о моей персоне, пусть всё останется между нами как оно есть. Ты покинешь общество, но после исполнения этого заказа, а теперь возьми оружие и ступай, выполняй.

— Нет! — её решительность словно уколола меня.

Замах моей руки и чайная чашка, врезавшись о стену, раз-метала мелочь осколков. Юлия, вобрав голову в плечи, обхвати-ла её руками. Уперев ладонь в плоскость стола, я встал:

— А ты хорошо подумала девочка? Дать тебе минуту на размышление? — крутя на безымянном пальце левой руки пер-стенёк, спросил её я.

В ответ она спокойным тоном вымолвила:

— Я выхожу из общества по правилу 3S.

— Твоё твёрдое решение?

— Рву и ухожу навсегда, — утвердительно кивнула она, сделав мне шаг навстречу.

Глухую паузу развеял мой приглушённый голос:

— Ты берёшь за руку смерть.

— Я сама ею стала, — утомлённо промолвила она.

— Юленька, в случае прямой заинтересованности тобой государственных спецслужб или правоохранительных органов твоя личность будет устранена, а что до финансовых средств, заработанных тобой на контрактах, они переводятся на счёт нашей организации. Рассуди сама, ещё пара лет — и ты смогла бы безбедно жить в какой-нибудь европейской стране, с законо-послушным именем Элли Лацетис, к примеру, ым?

— Не теряй своё время жизни, Сэр, я решила, — её слова действительно были полны бездумной решительности.

Я взял сигарету, отломав фильтр, и жестом пригласил сесть Юлию за стол, внимательно смотря на кисти её рук. Когда она повернулась ко мне, я с предостережением произнёс:

— Надеюсь на то, что, покидая наше общество, ты никогда о себе не напомнишь, Шита.

Она, глядя мне в глаза, задала вопрос:

— У тебя всегда был такой взгляд?

— Какой? — закуривая сигарету, поинтересовался я.

— Сэр, ты не смотришь, ты целишься.

— Тонька, сделай дядю громче! — скомандовала Александра Ивановна, втаптывая музыкальный ритм тапками в пол.

Эрик, с трудом забравшись на стол, снял рубашку и затряс цыганской душой, выкрикивая бессвязные восклицания в потолок.

Антонина Степановна, схватив рубашку молодого человека, подобно концертной фанатке размахивала ею над своей взлохмаченной головой.

Нецензурный рок Петербурга глушил шум проспекта из открытого настежь окна.

За всем происходящим наблюдала Юлия, устало прислонившись к дверному косяку.

— Давай! Жги сексом! — с ликованием выпалила бабушка танцу виляющих бёдер, исполняемого Эриком.

Первая, кто выключил в себе энергию пляски, была Антонина Степановна. Прижав мужскую рубашку к душе нараспашку, она замерла, хлопая глазами в ответ на немигающий тяжёлый взгляд Юлии.

Затем оцепенел Эрик, а вслед за ним погасло восторженное улюлюканье бабушки.

— Эрик, слезай со стола, пошли собираться, — выключив теперь уже в одиноком веселье ревущего солиста, тихо проговорила девушка. — А с вами, дамы, сообразители плюшек, я общаюсь завтра. Антонина Степановна, пожалуйста, приберитесь здесь и составьте бабушке компанию в обоюдном сне.

— Да, конечно, Юленька. Я просто хотела Эрику рубашку погладить, — заверила сиделка.

— Ага. И только рубашку, другое я бы ей не позволила, — замотала головой Александра Ивановна.

Взяв за вялую руку молодого человека, Юлия повела его в душ.

Бабушка хлопнула по плечу сиделку:

— Во попадалово!

— Ну, и как тебе водичка? — регулируя краны, поинтересовалась девушка, смотря на раскачивающегося в ванной.

— Тёплая, вроде, — прикрывая икание ладошкой, пробубнил молодой человек.

— А ты душ в трусах принимаешь? — сдерживая улыбку, спросила она.

— Ну, нет, зачем им мокнуть, — начиная их снимать, рассудил Эрик, но на полпути действие было остановлено. — Юль, я стесняюсь.

— А развращать женщин на кухне не стеснялся?

— Рубашка не трусы.

— Верно, но их снимать легче, — с этими словами девушка сдёрнула их вниз, дав ему фору в пару секунд, чтобы прикрыть самое бесценное для мужчин достояние.

— Ой, вода холодная! — затоптался на месте молодой человек, принимая на тело поток нитей водяного холода.

— Теперь легче? — тщательно растирая съёжившегося Эрика после трёх мучительно-леденящих минут.

— Юля, я хочу тебя поцеловать, разрешишь? — прошептал он ей.

— Может, повторим? — кивая на душевую кабину, спросила девушка.

— Давай вместе?

— Одевайся, Аполлон, нам ехать пора, — оборвала Юлия ноту романтического тона Эрика.

— Ехать? Ты меня выгоняешь?

— Что ты! Составишь мне компанию. Подруга попросила присмотреть за её загородным домом, а мне одной жутковато, — объяснила девушка. — Давай, побыстрее, — поторопила она, выходя из ванной комнаты.

Эрик посмотрел на свой торс в зеркало, пытаясь напрячь мышцы. «Мускулы, вы где? Ау! Тоже мне, нашла защиту», — вздохнул он, расчёсывая влажные волосы.

24

К тёмному автомобилю, цокая шпильками по сбитому асфальту, подошла юная особа. Постучав по наполовину спущенному тонированному стеклу наращенными ноготками, она с развязностью спросила водителя:

— Мужчина, расслабиться есть желание?

Он строго посмотрел на её несовершеннолетние черты лица, заgrimированные косметикой, и насмешливо ответил:

— Желаю, но не с тобой.

— Хм, а чем я плоха? — спросила она, не отходя от двери машины и, ещё больше углубившись в салон, надула пузырь жевательной резинки.

Пятерня его левой руки обхватила её лицо, сжало и отшвырнуло худощавое тело на газон.

Угрозы и оскорбления удалялись, а мелодия мобильного телефона нарастала.

Ответив на звонок, мужчина услышал знакомый приглушённый голос:

— Здравствуй, Лев, чем занят?

— Новую машину осваиваю.

— Значит, идёшь на поправку. Ты мне нужен, срочно приезжай.

— Нет проблем, еду.

Слева от автомобиля появились две мужские фигуры.

— Слышь, а, козёл, ты чего себе позволяешь девушек обижать? — растягивая слова и сплюнув окурком в салон, вызывающе начал один из подошедших.

Огарок сигареты оставил на светлой обшивке сиденья тёмный след. Лев, затупив тлеющий остаток сигареты, с неохотой вышел из автомобиля.

— И что? Ты тут типа крутаёб, да? Тачку в кредит взял? — толкнув Льва в широкое плечо и дёрнув за руку, хмыкнул бритоголовый.

Боль вновь резанула. Лев захрипел, осмотревшись по сторонам тихого переуллка, он бросил взгляд на лезвие охотничьего ножа бритоголового, который уткнулся в его грудь.

Лев шагнул в сторону и, разом свернув от себя кисть нападавшего, перехватил его нож. Молниеносные удары по пояснице, затем рывком от себя он отбросил ослабевшее тело. Второй мужчина, стоявший за бритоголовым, от неожиданности оробел, не успев сделать и шага, лезвие ножа трижды пробило его грудную клетку по диагонали.

Автомобиль Льва рванулся с места, отбрасывая из-под колёс асфальтовые крошки. Один из подброшенных мелких чёрных камушков упал в прорезь сточного люка, попав в раскрытый рот одного из двоих бездыханно лежавших во тьме колодезной сырости.

Сумерки зажгли тусклый холод звёзд, запеленав народившийся месяц пухом сиреневых облаков. Золото листвы, припиленное иглами изумрудной хвои, своим природным праздничным убранством обрамляло серость скоростного пригородного шоссе.

Эрик, зажав мобильный обеими руками, дремал, всё ещё ощущая в рассудке сдавленный мыслями алкоголь.

Юлия, преодолевая эмоции, вела автомобиль, спешно вытирая рукой назойливые слёзы.

Женская слабость пришла неожиданно, вслед за осознанием обрётённого счастья чувствовать себя именно таковой.

Он зевнул, открыл глаза и с улыбкой обратился к милому его сердцу обличью:

— Что с тобой, девочка моя, отчего эти слёзы?

«Не переживай, мой светлый мальчик, всё хорошо. Спи, мой любый, и ни о чём не волнуйся, я всё решу», — желалось сказать Юлии, но она ответила иначе:

— Встречная машина ослепила, и перестань сюсюкать.

Эрик пожал плечами, а после хлопнул ладонью по приборной панели, громко произнеся:

— Не затыкай мне рот! Буду называть тебя так, как чувствую!

Её душа изумилась от неожиданного мужского ответа:

— Ух, как грозно сказано! Осмелел или не протрезвел?

— Ругай, мне это приятно, — кутаясь в кофту, произнёс Эрик.

— То, что ты стриптизёр-любитель, я в этом сегодня убедилась, но так ты, ко всему прочему, моральный садомазохист...

— О, да! Во мне многое тобой не открытого.

— Звучит многообещающе. Ладно, называй меня как чувствует твоё сердце, — переходя на мирительный тон, смягчённо произнесла Юлия.

— Вот, сначала нужно на горло наступить, а после ожидать нежности словесной, очень по-женски, — проворчал он.

— Помолчи, пожалуйста, — резко попросила девушка.

— Что?

— Рот закрой! — нервно дав на кнопку гарнитуры мобильного, рывкнула Юлия на Эрика.

— Здравствуй, Шита, — поприветствовал её Сэр.

- Привет.
- Ты не передумала? — с надеждой спросил он.
- Нет.

В ответ прозвучала тихая пауза, перевоплотившаяся в отключение.

Руки крепче сжали руль, импульс холода пронзил тело, в груди стучало сильнее.

- Ты побледнела, кто это звонил? — спросил Эрик.

Указательный пальчик девушки оживил звук динамиков магнитолы, окутав тесное пространство салона классической музыкой.

26

Брелок слоновой кости, выполненный в виде фигурки бога Эбису, постукивал о ключ зажигания. Кожа куртки хрустнула, когда тело моего коллеги погрузилось в мягкое кресло.

Экран монитора осветил белым светом крупные черты его скуластого лица.

- Что-то не так, Лев? — задал я вопрос, сидя в тени неосвещённого помещения.

— А-а, м, да нет, всё так, — собирая замешательство в кулак, ответил он.

— Ты его уже где-то видел или знаешь? — с внимательным любопытством быстро спросил я.

— Да, ну, Сэр. Он похож на актёра, этого, как его, Хомфри Бугорд...

— Хамфри Богарта. Хм, не вижу никакого сходства. Лев, максимум сутки тебе на это дело. Каким инструментом воспользуешься?

Он кашлянул и, потеряв нижнюю губу, ответил:

- Думаю «Arctic Warfare» в самый раз.

Я развёл руками:

- Отлично. Информацию о нём запомнил?

- Сэр, а как там Шита?

- Что Шита? — удивился я.

— Просто спрашиваю, — стуча брелком по колену, смотря в пол, тихо спросил он.

- Нормально. Ещё вопросы?

Лев отрицательно мотнул головой.

— Тебе пора, модель получишь как всегда у Студа.

Он медленно поднялся, оставляя на подлокотниках глубокие провалы, криво растянув рот, ещё раз взглянув в монитор, провёл ногтями по небритому подбородку с глубокой ямочкой.

— Удачи, — пожелал я ему, продолжая с любопытством наблюдать за ним. Он тяжёлой походкой покинул помещение.

«И всё же что-то тут не так», — подумал я, смотря на экран монитора, в котором замер образ ныне здравствующего человека с будущим трупом.

27

— Ну-с, хоромы, конечно, не царские, но если обогреть, будет уютно, — похлопывая по плечу озябшего молодого человека, с иронией произнесла Юлия.

— А, намёк понял, — потирая замёрзшие пальцы, пробурчал Эрик, без интереса оглядывая пространство веранды неказистого садового домика.

Не прошло и четверти часа, как обшарпанное помещенье кухни заволкло дымом, плавно расстилавшим свою серую пелену угара, сквозь которую пробивался кашель скрюченного у печи истопника.

Сплонув, Юлия живо отодвинула створки печного дымохода:

— Эрик, ты гениальный debil!

— Ну, что поделать, гений и безумство — одна пара, — утирая горячие слёзы и разгоняя руками едкий дым, силпо ответил он.

— По-моему, твоя пара сегодня поругалась, — открывая окно кухни, заметила девушка.

Высунувшись в окно, Эрик проглотил свежий вечерний воздух. Повернувшись к Юлии, он с интересом посмотрел на склонившуюся над сумками фигуру девушки:

— Юль, а баня здесь есть?

— Баня есть, дрова сырые.

— Жаль. А вообще-то, хорошо здесь, мне уже нравится, — раздвигая в стороны выгоревшие от солнца занавески, отозвался он. — И всё же я пойду, растоплю баню.

— Уймись, банная душа, подумай лучше, где спать будешь, здесь всего одна кровать, — быстро ответила она, выставляя на стол продукты из пакетов.

Эрик поник:

— А что, с тобой нельзя?

— С чего ты взял, что я этого хочу?

— Юль, я не о том, можно спать «валетом». Знаешь, я чувствую, что очень тебе нравлюсь. Нет! Ещё круче! Ты меня любишь!

— Сам с собою разговариваешь? Забавно.

Его поглотил жар её зеленоватых очей, сверкающих в сумерках, подобно росинкам на изумрудной листве. Содрав с берёзового полена кусочек берёсты, Эрик свернул её колечком и пал перед девушкой на колени:

— Сложим наши судьбы и станем единым целым, — беря её безымянный пальчик и целуя в ноготок, предложил молодой человек, обручая его берестой.

Она опустила пушистые ресницы и дотронулась до его руки:

— Эрик, не...

— Юлюшка, Юлечка, Юляша, Юлипусик, Юлиася, Юлилавсик, — ласково смотря на неё снизу вверх, с тайной в голосе произносил он.

— Перестань, — осторожно высвобождая руку, почти прошептала она.

— Не перестану, — прижимая её руку к своей щеке, дерзко ответил он.

— Всё, Эрик, иди в баню, — разом освободившись от пекла поцелуев её пальчиков, строгим тоном разрушила она его чары, туманившие разум.

— Ведь я...

— Эрик, сходи, поищи сухие дрова, инстинкты дом не согреют.

28

Красная точка то загоралась, то затухала, по миниатюрному экрану бежали цифры, сокращая расстояние до искомого объекта.

— Эко, любимая, тебя занесло, и, судя по всему, ты не одна, — жуя фильтр сигареты, прищуривая глаза от табачного дыма, с хрипотцой предположил Лев, ведя автомобиль одной рукой и сильнее надавливая на педаль газа.

Кудрявые иссиня-серые тучи застилали небосвод, собираясь обрушиться влагой на пыль земли.

Небесный потолок отражался на полированном кузове стального зверя. Автомобиль, подобно гончей, стремительно преследовал след своей жертвы.

29

Чуть стоило телу пошевелиться, половицы издавали скрип, режа обострённый в ночи слух.

Лёжа на застеленном матрасом полу, кутая себя стёганным одеялом, Эрик защищался от сквозняка и, преодолевая сон, держа в руке мобильный телефон, с нетерпением ожидая спасительного звонка.

— Ну, что ты там всё ворочаешься? — раздался сквозь тьму комнаты шёпот девушки, вольготно расположившейся на двуспальной кровати.

— Из-под половиц дует, да ещё, вроде, мыши под полом пищат, — недовольно громко проворчал он ей в ответ.

— Мыши твою тушку поделить не могут, вот и ссорятся.

— Ты детские сказки писать не пробовала? Сказанное тобой убаюкивает.

— Замёрз? — нежно прошептала Юлия.

— Частично.

— То есть как?

— Как замёрз, ширины одеяла для тыла не хватает.

— Вот как? — засмеялась она.

— Юль, можно к тебе погреться? — жалобно проныл молодой человек.

— Можно, только частично, — с усмешкой прошептала она.

— Наконец-то! — запрыгивая в ауру женского тепла, восторженно изрёк он, прижимаясь к её спине. — Ах, невообразимо божественно!

— Эрик, ты что в карман штанов положил?

— Ничего, я брюки только что снял.

— Это что, он?

— Да, он.

— Врёшь!

— Не-а...

Пронзительный звук мобильного телефона вторгся в их разговор.

Эрик подскочил с кровати и босиком вылетел на веранду. «Алло, алло!» — закричал он в трубку.

— Чего орёшь? Ты вообще кто? — отозвался незнакомый хамоватый мужской голос.

— Я Эрик, а вы...

— Так что же ты алёкаешь, так и надо говорить. Я от Тараса. Значит, слушай, переживи эту ночь, а там всё уладят.

— То есть где — там?

— Завтра к полудню будешь жить и радовать собою всех вокруг, — с неохотой растолковал незнакомец.

— А это точно?

— Не шкалься, всё, давай.

Эрик, опустив руку с телефоном, медленно выдохнул. За окном, не спеша, проехал легковой автомобиль. Молодой человек поправил зашторенные окна и, наполнив керамическую кружку крепким тёплым чаем, сел за стол.

— Что произошло? — спросила девушка, входя на веранду, набрасывая на обнажённые белые плечи кофту Эрика.

Он схватил со стола полотенце и бросил на скрещенные ноги:

— Нет, ничего не случилось, по работе звонили, отпуск-то заканчивается, — натянуто улыбнувшись, ответил он.

Она усмехнулась, подумав: «В час ночи самое время думать о работе!»

— Что смешного? — всё ещё приходя в себя, ватным языком спросил Эрик.

— Ложись спать, завтра рано вставать.

— Зачем, куда опять ехать?

— Эрик, ты меня любишь? — сложив руки на груди, спросила Юлия.

Он отпил чай и тихо ответил:

— Я не люблю слово люблю. Моё чувство к тебе выше слов.

— Долго думал?

Он не ответил, лишь смотрел на неё.

— Тогда, мужчина, сделай меня женщиной.

30

Луч солнца воссоединился с золотом её волос. Фантазия небес подарила миру миг нового света.

— Мама, я женщина, женщина, — шептали её припухшие от жара поцелуев пунцовые губы жемчугу облаков. Кисти рук, словно лодочки, проплыли по её округлому животику. В ногах ещё чувствовалась энергия любовной дрожи, а тело переполняло ощущение того, кто наполнил её тем, кто возвёл всю её сущность на край фантастической высоты, в котором цвела безудержная стихия, подвластная ему одному. Она была пленена объятьями его души, которая влилась и заполнила собою её душу.

Лучезарный разлив преградила бесформенная стая облаков, сорвавшаяся по повелению порыва ветра.

Об оконное стекло ударилась птица. Юлия вздрогнула.

— Эрик, собирайся! — быстро выкрикнула девушка, кидая на кровать вещи очнувшейся сонной фигуре с проснувшейся улыбкой.

Через пол часа разлинованное дорожное полотно пробежало под колёсами автомобиля, мелькая разделительными линиями. Он и она молчали.

Юлия за рулём смотрела в перспективу расстояния, Эрик сам в себя.

Почему она так холодна со мной? Неужели мне не дано растопить в моём душевном горне её стальную душу? Она такая сильная в поступках, словах, действиях, сталь, выкованная жизнью. Но ночью она была нежнее лепестков ландыша. Женщина, которую невозможно просто любить. Её можно познать, лишь потеряв себя и не желая найти, чтобы вновь не потерять её.

Боже, я не верил в тебя, но теперь я знаю, ты, несмотря на моё невнимание к тебе, всегда был со мною рядом. Я прошу тебя об одном, заberi всю мою жизнь ради одного месяца жизни с ней. Я хочу быть только с ней! Глупо? Нет. Всё моё существование до неё было пустой глупостью, игрой в придуманную мною любовь, одним сплошным пари с судьбой, моей ставкой было счастье. Счастье — слово, которое мы часто путаем с комфортом, карьерой и материальным благополучием. Сейчас, когда я одной ногой в могильной яме, а другой стою на земле, мне всё равно, главное — она рядом со мной. Не важно, сколько сейчас времени, восемь утра или полдень, и, возможно, патрон наёмника прячет патронник, безразлично. Она была моей, я был и остаюсь счастлив, значит, я познал всё в этой жизни, а другой, где нет её, мне не нужно. Единственное, о чём можно только со-

жалеть, о детях, наших с ней детях, похожих на неё и чуточку на меня. Она — моя самка, и я хочу и желаю потомства только от неё. Юленька — моя женщина, я — её мужчина.

Эрик очнулся от резкого визга тормозов. У обочины стоял серебристый автомобиль.

— Я на минутку, — поправляя воротник-стойку на чёрной ветровке, произнесла ему Юлия.

Он внимательно наблюдал, как она села в стоящую впереди иномарку.

Пальцы нервно постучали по приборной панели, в разуме пронеслось: «А если её увезут?» Выпрыгнув из автомобиля, он быстрым шагом направился к чужому авто.

Юлия вышла из машины навстречу ему, беря его за руку:

— Ну, что ты, как маленький, спокойно посидеть не можешь? — кидая на заднее сиденье коричневую барсетку, с раздражением высказала она.

Чуждый ему автомобиль остался позади. Молодой человек провожал его взглядом в боковом зеркале, пока тот не превратился в точку и не исчез вовсе.

— Эрик, ты чего такой молчаливый, всё сказано ночью? — улыбаясь, спросила она.

— Что за хрен там за рулём был? — буркнул Эрик.

— Хрен там был, — игриво произнесла она, поправляя золотого волос.

— Юля, не играй со мной, я любого порву за тебя.

«Ого! Во словечки посыпались, вот что значит — самоувердился. Приятно слышать, доброе утро, мужчина, давно бы так», — подумала девушка, произнесла вслух иное:

— Перестань, Эрик, ненавижу ревнивые выходки. Сейчас заправимся, а через полчаса будем на месте.

— На каком?

— Ты вчера торжественно обещал мне, что сегодня во всём меня будешь слушаться. Было?

— Да, извини.

Юлия остановила автомобиль у терминала бензоколонки:

— Пока машину заправляют, схожу в минимаркет. Я быстро.

Она вышла из автомобиля, грациозно покачивая бёдрами, и, запустив пальцы в волосы, пластично выгнула тело назад, с

безумной улыбкой резко развернувшись навстречу зачарованному взгляду Эрика. Пройдя кончиком языка по нацелованным губкам, продолжила движение в стиле «секси» под пристальными взглядами мужчин и неодобрительными женщин. Мужская компания из четырёх человек, стоявшая у бежевых «жигулей», зааплодировала, а двое что-то смелое выкрикнули в её след.

Эрик вышвырнул себя из машины:

— Эй вы, закройте свои рты! — его сердце нещадно било грудь, кровь шипела в сжатых кулаках. Видимо, со стороны он произвёл сильное впечатление на разбитную компанию, враз прекратившую восторженные жесты и окрики.

Отражение серебра автомобиля проскользнуло по зеркальным оконным блокам здания бензоколонки. Водитель, прибавив сбавленную на время скорость, прижал к уху мобильный телефон.

— Лев, утро доброе, узнал? — спросил томный женский голос. — Ты просил, я звоню, — почти промурлыкала она. Ответ оппонента смахнул удовольствие с её немолодого лица: — Держи себя в руках! Ладно, встречалась с ней минут десять назад, она сейчас на заправке. Что? Нет, не одна, с ней какой-то молодой человек, кстати, выглядела она очень довольной.

Громкие возгласы на том конце связи растянули в удовольствии её большой рот. Она, выслушав, предположила:

— Судя по всему, она... Ага, верно, там мои люди на коридоре, без проблем. А как же иначе, Лев? Теперь другого варианта у неё нет, — женщина испытывала наслаждение от слов мужчины, которые он употребил в разговоре, отзываясь о Шите. — Лёва, с тебя причитается, — перебила она его и швырнула трубку на соседнее сиденье. — Сдохни, девочка, — меняя голос на свой естественный, произнесла она вслух, взглянув в зеркало заднего обзора.

Лев со злобой пнул деревянный обветшавший заброшенный сельский сарай с драночной крышей, сползшей к подножию раскидистого дуба. В руке мерцала светодиодом коробочка радиомаячка.

— Одурачила соплячка, — направляясь к своему автомобилю, с ненавистью изрёк он, отшвыривая прибор в наполненную водой канаву.

Бумажный пакет, вскрытый Эриком, наполнил салон автомобиля ароматом свежей сдобы.

— Ух-х, пирожочки, ватрушечки, ым-м, — нараспев протянул он, прикрывая глаза.

— Ешь, дорогуша, набирайся сил, — кивнула ему Юлия, управляя машиной, бегущей по неровному хребту моста.

— Вот-вот, силы мне ох как нужны, такая пышечка рядом, столько сил потребуется, чтобы всю её слопать, — откусывая от пирога, заметил Эрик, любясь девушкой.

Она засмеялась:

— Пока ты меня только облизал.

— А я гурман, — с трудом выговорил молодой человек через набитый рот.

— Запей, голодный мужик.

Эрик протянул ко рту девушки пирожок.

— Представь, что это я. Кусай меня, моя тигрица, ну, цветик, открой свой бутончик.

— Цветок с зубами, мухоловка, так, что ли?

— Юлия, я вас умоляю, не разрушайте слог моего белого стиха.

— И в кого ты такой романтик?

— В Бога. Дети от Бога.

— Прости, не подумала, — перестраивая автомобиль, прошептала девушка.

— Юленька, ты, надеюсь, завтра свободна? Я сильно надеюсь.

— А что?

— Ты у меня свободная художница, следовательно, свободная от всяких рабочих графиков, и поэтому я приглашаю тебя...

— Ресторан?

— Нет, ещё варианты?

— Цирк, кино, театр, ну, что там обычно по списку у уха-жёра?

— Моё сердцебиение — маятник души,

Оно отмеривает жизнь поселенного мною счастья,

С жильца сего я не потребую оплаты,

Лишь попрошу его: «Взрослеть, стареть и умирать ты не спеши!»

— Кто автор?

— Ваш покорный спутник, сударыня. Итак, я приглашаю вас во дворец бракосочетания номер один! — торжественно воскликнул Эрик, звонко хлопнув в ладоши.

— На бесплатную экскурсию?

— Да! На экскурсию начала всех начал! Лелею мечту стать вашим супругом!

— Но ведь...

— Юля, будь моей женой, — меняясь в лице, с отчаянием смотря на её невозмутимый профиль, вымолвил он.

— Я подумаю, — холодно произнесла она, направляя автомобиль в зелёный поток.

Молодой человек поник, глядя на расплывчатый суетный мир сквозь накатившиеся слёзы.

— Что рыцарь, сдался? — с интересом спросила девушка, посмотрев на понурую фигуру Эрика.

— Никогда. Просто я прихожу к выводу, что в этой жизни я нужен только одному человеку — самому себе.

Машина, сбавив обороты, вошла в строй своих разноцветных сестёр. На секунду наступила тишина, которую заглушил клаксон проезжающего мимо грузовика. Послышалась людская речь, смесь тонов разговоров, брани, смеха... В приспущенное ветровое стекло влетел клуб табачного дыма.

— Мы приехали, ау, — осторожно теребя за плечо, нежно прошептала на ухо задремавшему Эрику девушка.

Он тихонько зевнул и, потянувшись, осмотрелся:

— Финляндский вокзал.

— А ты думал дворец бракосочетания? Наивняк, — шутливо ответила она.

Эрик с недоумением и растерянностью смотрел на Юлию, открывающую барсетку и достающую оттуда бумаги.

Их взгляды встретились. Она с тяжёлым вздохом подала ему документы.

— Что происходит? — слотнув с трудом, спросил он.

— Твой паспорт, загранпаспорт, виза, страховка, билет, деньги и конверт с информацией.

— Юля, я...

— Ты обещал мне! — резко оборвала она его.

— Да, да, но ты пойми...

— Ты давал мне слово! Или ты такой, как все?! Понятно...

— Нет. Я не такой, — произнёс он, сжав зубы.

— Эрик, сейчас ты выйдешь из машины, пройдёшь все формальности и сядешь на поезд. В Хельсинки тебя встретит Илмари. Он узнает тебя, я выслала ему по MMS твоё фото. Смотри на меня, Эрик! Далее. Ты будешь жить у него под Савонлинной и ждать меня.

— Сколько ждать? Юленька, у тебя слёзки, ты плачешь? — протягивая руку к её лицу, прошептал он, не выдержав, сжал её в объятиях.

Она отстранила его:

— Перестань! Будешь ждать меня столько, сколько будет нужно, я приеду.

— Юлюшка, я буду тебя ждать всю свою жизнь, — глотая комок слёз, искренне произнёс Эрик, всматриваясь в её блеск глаз.

— Жди, и я буду всегда с тобой, — взяв его руку и с силой прижав к груди, дрожащим голосом произнесла она.

По кровле шаркнула подошва, колено упёрлось в жестяную твердь, приклад воссоединился с плечом. Вибрация мобильного, щелчок гарнитуры опередил предохранитель.

— Сэр, я на равнине.

— Лев, ларчик оставь закрытым, подтверди.

— Хм, ну уж нет, — победоносно прозвучало в холодном рассудке снайпера.

— Лев! Всё отменяется, ты слышишь?! Ответь!

Пальцы правой руки разом освободили слух от пустых восклицаний и, размявшись, вновь слились с оружием.

Хлопок дверей автомобиля. Она вышла вперёд, осматриваясь по сторонам. Лучистое солнце, прорезав небесную свинцовую штору, покрыло её волосы. Эрик подошёл к ней и прижал к себе:

— Юлия, ты одарила меня силой и верою в жизнь. Ты — моё светило на земле.

Автомобильный блеск обшивки спроецировал блик.

Девушка обняла его и, повернув, плотно сжала губы, подавшись телом вперёд, режущий жар раскалённого свинца пронзил её тело.

— Ты чуть меня не уронила, — вымолвил он, улыбнувшись своему счастью, смотря на её зажмуренные глаза, которые она с дрожью ресниц медленно приоткрыла.

— Я оступилась, любимый, но ты меня удержал. Пообещай мне идти и не оборачиваться, а главное, главное...

— Что?

— Помни меня всегда, мой малыш.

— Обещаю.

— Иди! — в изнеможении выпалила она из себя, оттолкнув его.

Металл ударил о металл.

— Шита! Шита! — воющий окрик Льва поглотил гомон вокзала. Снайперская винтовка вновь обратила свой на этот раз слепой взор и неостывшее дуло не к жертве, а к палачу. Щелчок затвора, однократное шипенье глушителя, алые сгустки брызг, конвульсии...

Эрик шёл сквозь толпу идущих рядом, чужих, не похожих друг на друга людей. Его желание оглянуться цепко держало данное им слово. Нет. Он не такой, как все, только потому, что она помогла ему стать таковым.

Часовой механизм вокзальных часов стрелками разрезал день пополам.

Он прошёл под ними, не обратив на время внимания, забыв о том, что в его жизни случилось событие, по праву ставшее днём второго рождения.

Прошло семь месяцев и пять дней.

— Давай, давай, держи рюмку, помяни...

Эрик медленно помотал головой.

— Нет, Антонина Степановна, её я поминать не стану.

Выпив, женщина сорвала стебель сорняка на могильном холмике.

— А шикарные ты цветы принёс, могут своровать.

— Да, цветы... Александре Ивановне бы понравились.

— Эх, мировая была бабка. Помница, мы с ней месяц по милициям и больницам бегали, а Юленька словно в воду канула. Через три месяца нам в органах пояснили, что, скорее всего, она пропала без вести.

Эрик, молча смотря на надгробный крест, сидя покачивался, обхватив тело руками.

Антонина Степановна тихо продолжала сказ:

— Вот тут-то наша бабушка слегла и вскоре приказала долго жить. Мы с мужем похоронили её, благо, деньги были, мы у

неё дома в ящике стола нашли, км, да. Пить будешь? А я выпью. Будем считать, что Юленька рядышком с бабушкой.

— Антонина Степановна, прошу вас, перестаньте!

— Ладно, — опрокинув стопку водочки, кивнула та, надкусывая маринованный огурец. — Ты-то сам как? Жизнь-то, она без нашего ведома продолжается, молодой, всё у тебя впереди, а?

Эрик тяжело посмотрел на жующую закуску женщину.

— Я-то, мил человек, жизнь прожила. Знаю, что оттуда ни за какие слёзы и мольбы никого не вернёшь, так что нужно, как говорится, закусить поводья — и вперёд. Эрик, а, Эрик? Ты слушаешь, о чём я тебе втолковываю, или ворон считаешь?

— Нет, Антонина Степановна, я смотрю на солнце, — с улыбкой смотря в небо, воодушевлённо произнёс он.

— Зелёная молодость, что делать-то будешь? Надо же в жизни что-то делать?

— Надо. Верить, любить.

Исколешённая, вытоптанная долгая дорога, упирающаяся в лесную преграду.

Вот и мои шаги топчут её суглинок.

Охранник Муринского кладбища, совсем ещё мальчишка, с безразличием посмотрел в мою сторону, от будничной скуки играя с мобильным телефоном.

Я похлопал себя по карманам затёртых джинсов, достал мягкую пачку сигарет. Время моего ожидания тянулось.

С другой стороны ожидающие Божьего суда «спали» под холодом плит. Теперь над землёй вместо тел возвышался бетон стел, камень памятников, дерево крестов. Все эти постройки, вытянувшись к небу, напоминали домики угасших жизней, безмолвно «населяющих» город смерти.

Две живые фигуры, осторожно огибая тальвег прямоугольных участков, вышли на самую главную здесь дорогу. Молодой мужчина и зрелая женщина.

Она, жестикулируя, о чём-то живо ему рассказывала, он, молча смотря впереди себя, с опустошённым взглядом шагал, скорее всего, слушая не её речь, а свои мысли.

В нём я с трудом узнавал того смышлёного, уверенного в себе яппи, держащегося с чувством самодостаточности тогда, у ресторана Невского проспекта.

Теперь это был сломленный, растерявшийся в жизни человек.

Они бы прошли мимо меня... Мой уверенный шаг с обочины к центру привлёк их.

Молодой человек, взглянув на мой внешний вид, потянулся за бумажником, безмолвно протягивая мне денежную купюру. Женщина на меня отреагировала иначе:

— Иди-ка ты, заработай, верзила, клянчит тут. Не стыдно?

Я, не обращая внимания на неё и на его материальное преподношение, спросил, смотря в понурое, узнанное мной лицо:

— Эрик? Я не ошибаюсь?

— Да. Откуда вы меня знаете? — спокойно и равнодушно спросил он.

— Тогда это адресовано вам, — протягивая ему почтовый конверт, чётко высказал я.

Он, насупив брови, тряхнул головой:

— Мне?

Женщина с восклицаниями вторглась между нами:

— Не слушай ты этого проходимца, зубы тебе тут заговаривает, а сам твой кошелёк стянуть хочет! Знаю я таких! Ну-ка, шёл отсюда...

— Подождите, Антонина Степановна. Скажите, мужчина, кто вам велел передать мне это письмо? — оторвавшись от своей угрюмости, живо спросил он меня, рассматривая в неуверенных руках запечатанный конверт без штампов и адресов.

— Молодой человек, нищие лиц не запоминают, щедрость руки — это да. Мне заплатили за эту услугу, — пояснил я.

Он, сказав неизвестное послание, быстро посмотрел на него, затем с широко раскрытыми глазами на меня, ухватился за мой рукав:

— Я вас умоляю, ответьте, кто просил вас об этом? — его эмоциональное волнение сорвало голос. — Женщина? — почти прошептал он, смотря мне в глаза, ища в них свою желанную для него правду. — Это ведь была она, да?

Томительное молчание между нами прервал мой приглушённый голос:

— Ответ в ваших руках. Прощайте.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Универсальная машина	5
Воскрешение	11
Её семья	18
Исповедь подкаблучника	22
Любовь поэта	24
Мой друг	28
Кукла	35
Лакомый кусочек	39
По ту сторону скамейки	45
Он	50
Сеть и... ..	56
За четвертинкой века	63
Самая красивая	77
Моя последняя просьба	83
Художник и натурщица	88
Утрата чувств	90
Миф леса	94
Ревность. Правдивая история	106
Измена	108
Счастье поневоле	112
Случай из практики	113
Явный сон	118
«Х», «У» и жизнь	124
Отсутствие важной «детали»	128
Парадокс	133

Литературно-художественное издание

Рудольф Павлович Прикс

**ЖЕНЩИНАМ О ЖЕНЩИНАХ
И О ТОМ, ЧТО С НИМИ СВЯЗАНО**

Сборник рассказов

ЛР № 063169 от 10.12.1999

Сдано в набор 02.07.08. Подписано в печать 22.03.10.
Формат 60х84¹/₁₆. Гарнитура Book Antiqua. Печ.л. 13,0.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ .

Отпечатано в Издательско-полиграфической фирме «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40